
ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

МНЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ КГПУ им. В.П. АСТАФЬЕВА О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ ФАКУЛЬТЕТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

А.М. Гендин, М.И. Сергеев

Мониторинг, профессиональная подготовка, учитель, социологическое исследование, выпускник, специалист, качество, вуз, культура, кругозор, эрудиция, доброжелательность, контакт.

Повышение качества образования в современной высшей школе с необходимостью предполагает не только совершенствование методов его измерения и форм контроля, но и реализацию эффективной обратной связи между профессорско-преподавательским коллективом и студентами. Действенным средством информационного обеспечения такого взаимодействия является социально-педагогический мониторинг, в ходе которого периодически выявляются мнения учащихся о качестве различных аспектов учебно-воспитательной работы в вузе, об их эффективности в плане профессиональной подготовки к учительской деятельности, прослеживается эволюция этих мнений, что позволяет оперативно вносить необходимые коррективы в работу структурных подразделений университета.

На очередном этапе многолетнего мониторинга в 2006 году сотрудниками центра комплексных социологических исследований КГПУ было опрошено по специально разработанной нами анкете 757 выпускников всех факультетов педуниверситета. (В исследовании наряду с авторами статьи принимали участие Н.И. Дроздов, Р.А. Майер, В.А. Пинаев, А.С. Рыбаков.)

Общеизвестно, что определяющее значение для подготовки специалистов с высшим образованием имеют качество преподавания, уровень профессионализма сотрудников университета. Лицо вуза в конечном счете определяется не оформлением аудиторий и техническим оснащением, а составом лекторов.

Респондентам поэтому был задан вопрос: «Какое мнение сложилось у вас лично о педагогическом коллективе вашего факультета? Какая доля преподавателей обладает каждым из перечисленных ниже качеств?» В анкете перечислялись основные качества, характеризующие мастерство и личность преподавателей, и предлагалось определить, какой части педколлектива они присущи («большинству», «примерно половине», «меньшей части»). Выпускники могли также избрать вариант «затрудняюсь ответить».

Таблица 1 свидетельствует, что этот вариант избрали немногие (по различным позициям – от 1 до 7 %). За пять лет учебы у выпускников, как правило, сложилось вполне определенное мнение о достоинствах и недостатках своих наставников как педагогов. Мнения отдельных респондентов могут быть, конечно, весьма субъективными, но в целом они дают представление об общем уровне преподавания, о том, как студенты воспринимают своих наставников. Этим мнениям тем более можно доверять, что высказывают их будущие педагоги, уже разбирающиеся в тонкостях этой нелегкой профессии.

Мы видим, что наиболее высокую оценку респонденты дают такому профессиональному качеству представителей педколлектива университета, как «хорошее знание своего предмета». Три четверти опрошенных (74 %) полагают, что им обладает большинство преподавателей их факультетов и лишь 4 % из них считают, что это качество присуще меньшей части преподавателей.

Таблица 1

Выпускники о профессиональных и личностных качествах преподавателей своих факультетов (в процентах)

№ п/п	Качества	У большинства	Примерно у половины	У меньшей части	Затрудняются ответить
1	Хорошее знание своего предмета	74	21	4	1
2	Хорошее знание школы и ее проблем	34	42	17	7
3	Ясное, логичное и доступное изложение материала	35	46	17	2
4	Хороший контакт с аудиторией	34	46	19	1
5	Высокая эрудиция	46	35	15	4
6	Культурная речь	54	33	11	3
7	Доброжелательность в отношениях со студентами	37	42	18	3
8	Культура общения, интеллигентность	53	35	8	4

Выпускники понимают, что преподаватель вуза должен быть не только узким специалистом-предметником, хорошо знающим свою дисциплину, но и культурным, широко образованным человеком, владеющим педагогическим мастерством, умеющим доносить свои знания до слушателей, доброжелательным в отношениях с учащимися. И они весьма взыскательно оценивают своих наставников с этих позиций.

На второе место по степени одобрения студентами вышло такое качество их преподавателей, как «культурная речь». На этот раз немногим более половины респондентов (54 %) признали ее характерной для большинства педагогов вуза. Однако треть из них (33 %) считает, что таким качеством обладает только половина преподавателей, а десятая часть опрошенных (11 %) полагает, что оно свойственно лишь меньшинству.

Практически на таком же уровне оценивается респондентами «культура общения, интеллигентность» их наставников (соответствующие показатели – 53,

35, 8 %). И это, очевидно, не случайно, поскольку сопоставляемые в данном случае личностные качества органично взаимосвязаны друг с другом и наши респонденты верно поняли, почувствовали эту связь.

Культурному человеку присущи широкий кругозор, «высокая эрудиция». По мнению почти половины респондентов (46 %), большинство преподавателей обладают ими, 35 % опрошенных считают, что это свойственно лишь половине педагогов, а 15 % признают высокоэрудированными только меньшинство наставников.

Еще более критично оценивают респонденты такое человеческое качество преподавателей, как «доброжелательность в отношениях со студентами». Признают его наличие у большинства педагогов 37 % опрошенных, еще 42 % полагают, что хорошо относится к студентам примерно половина из них, остальные же либо считают, что только меньшинство заслуживает положительной оценки (18 %), либо вообще затрудняются с ответом (3 %). Между тем отношение студентов к преподавателям в значительной мере зависит от человеческих качеств последних. Молодые люди, как правило, отрицательно реагируют на формально-казенное отношение к ним со стороны педагогов и администрации вуза. Они чувствуют, насколько искренне руководители университета и факультетов, преподаватели заинтересованы в их успехах, вникают в их положение, желают помочь. От этого в немалой степени зависят успеваемость и учебная дисциплина студентов. Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что речь идет о будущих учителях, которым предстоит общаться с детьми, исключительно отзывчивыми на чуткое отношение к ним. И в данной связи особо важен для них пример вузовских педагогов.

Почти одинаково оценили респонденты степень распространенности таких двух качеств, характеризующих педагогическое мастерство педагогов, как «ясное, логичное и доступное изложение материала» (соответствующие показатели – 35, 46, 17, 2 %) и «хороший контакт с аудиторией» (соответственно 34, 46, 19, 1 %). Сходство показателей объясняется тесной взаимосвязью этих качеств, поскольку хороший контакт с аудиторией обеспечивается главным образом умением лектора ясно и доступно излагать материал. В то же время способность налаживать и поддерживать такой контакт, иногда даже с помощью шутки, создает условия для лучшего понимания и усвоения материала. В наше время подобное мастерство педагога особенно ценно, ибо в вуз приходит много абитуриентов с недостаточно развитыми абстрактным мышлением и речью, плохо подготовленных школой к самостоятельной учебной работе.

Невысоко в целом по вузу оценили выпускники и такое качество преподавателей, как «хорошее знание школы и ее проблем» (соответствующие показатели – 34, 42, 17, 7 %). Не приходится говорить о большой значимости для педагогического вуза самого близкого знакомства профессорско-преподавательского состава с положением школы, ее нуждами, содержанием и методикой преподавания школьных дисциплин.

Вполне понятно, что степень знакомства вузовских преподавателей с проблемами школы зависит от их прошлой деятельности (в частности, от того, работали ли они сами в школе), от характера преподаваемых дисциплин (теоретических или методических), от проблематики научных исследований и, конечно, от их собственной заинтересованности, добросовестного отношения к своей работе.

От целого ряда факторов, связанных с неоднородностью студенческого контингента, зависит и оценка выпускниками тех или иных качеств преподавателей. Так, пятикурсники, собирающиеся учительствовать, несколько выше оценивают почти все перечисленные в анкете качества педагогов, чем их сокурсники, в школу идти не планирующие. Возможно, их общий настрой на педагогическую деятельность побуждает больше внимания обращать на необходимые для этого качества своих преподавателей и по достоинству их оценивать.

Местожителство выпускников до поступления в вуз оказывает заметное влияние только на оценку распространенности такого качества, как «ясное, логичное и доступное изложение материала». Среди выходцев из села считают его присущим большинству преподавателей 27 %, в то время как для красноярцев этот показатель составляет 37 %, а для жителей других городов края 43 %. Объясняется это, очевидно, тем, что выпускники сельских школ пришли в вуз менее подготовленными, чем горожане, и нуждаются поэтому в более доступном изложении материала.

Скорее всего, по этой же причине слабоуспевающие студенты ниже, чем отличники, оценивают умение большинства преподавателей ясно и доступно излагать учебный материал (соответственно 27 и 37 %). Как это ни странно на первый взгляд, ниже, чем отличники (и другие успевающие студенты), они оценивают и все остальные качества большинства преподавателей («хорошее знание своего предмета» – соответственно 60 и 76 %, «хороший контакт с аудиторией» – 23 и 36 %, «высокая эрудиция» – 36 и 49 %, «культурная речь» – 42 и 58 %, «культура общения, интеллигентность» – 36 и 61 %, «доброжелательность в отношениях со студентами» – 26 и 43 %).

Что касается последнего качества, то причина его более низкой оценки понятна. Слабая успеваемость, нередко связанная с недисциплинированностью, вызывает, естественно, неодобрительную реакцию педагогов, которая воспринимается подчас как недоброжелательность. Относительно более низкой оценки ряда других позитивных качеств преподавателей можно предположить, что отдельные неуспевающие студенты вообще не способны их правильно понять и выявить в вузовском учебном процессе. Для этого требуется определенный уровень знаний и общего развития. А некоторым из них мешают предвзятое отношение к неформальному коллективу вуза, подсознательное стремление переложить на него вину за свои неудачи.

Особый интерес представляет сопоставление оценок профессиональных и личностных качеств большинства преподавательского корпуса различных факультетов. Напомним, что выпускники должны высказать личное мнение о педагогическом коллективе тех факультетов, на которых они учились.

То, что «хорошее знание своего предмета» присуще большинству преподавателей, отметили 93 % выпускников естественного факультета, 90 % выпускников исторического факультета, 85 % выпускников факультета иностранных языков (напомним, что средний показатель по вузу – 73 %). Ниже оценили это качество своих преподавателей студенты дошкольного факультета (48 %), института специальной педагогики (49 %), ИППиУО (60 %).

«Хорошее знание школы и ее проблем» большинством своих преподавателей признали выпускники физического факультета (58 %), факультета физической

культуры (45 %) и факультета иностранных языков (42 %). Гораздо ниже соответствующие показатели на факультетах историческом (10 %), филологическом (15 %) и дошкольном (15 %). (Средний показатель по вузу – 34 %.)

«Ясное, логичное и доступное изложение материала» присуще большинству преподавателей, по мнению выпускников факультетов физического воспитания (50 %), иностранных языков (44 %) и филологического (41 %). Куда скромнее оценили это качество студенты института специальной педагогики (9 %), факультетов дошкольного (26 %), информатики (29 %) и математического (29 %). (Средний показатель по вузу – 35 %.)

Характерным для большинства преподавателей качеством считают «хороший контакт с аудиторией» 50 % пятикурсников факультета физической культуры, 45 % студентов ИППиУО и 44 % респондентов географического факультета. В то же время признают это качество достоянием большинства преподавателей только 11 % выпускников института специальной педагогики, 26 % выпускников факультета информатики и 26 % выпускников дошкольного факультета. (Средний показатель по вузу – 34 %.)

«Высокую эрудицию» у большинства преподавателей отмечают 67 % студентов исторического факультета, 58 % на естественном факультете, 58 % на факультете иностранных языков и 55 % на филологическом факультете. Заметно ниже оценивают это качество своих преподавателей студенты института специальной педагогики (17 %), факультетов начальных классов (30 %) и дошкольного (35 %). (Средний показатель по вузу – 46 %.)

На «культурную речь» большинства преподавателей указывают 77 % студентов исторического факультета, 73 % студентов факультета иностранных языков, 69 % респондентов на естественном факультете и 64 % – на филологическом. Реже отмечают это достоинство у большинства своих преподавателей студенты института специальной педагогики (23 %), математического (41 %) и дошкольного (44 %) факультетов. (Средний показатель по вузу – 66 %.)

Признают характерной чертой большинства преподавателей «доброжелательность в отношениях со студентами» 46 % выпускников естественного факультета, 46 % выпускников факультета иностранных языков и 45 % выпускников факультета физической культуры. Гораздо реже отмечают это проявление человечности студенты института специальной педагогики (26 %) и филологического факультета (также 26 %). (Средний показатель по вузу – 37 %.)

И, наконец, полагают, что большинство преподавателей отличаются «культурой общения, интеллигентностью» 73 % выпускников факультета иностранных языков, 62 % выпускников ИППиУО и 60 % выпускников исторического факультета. Хуже обстоит дело с оценкой этого качества студентами института специальной педагогики (36 %), физического (44 %) и географического (46 %) факультетов. (Средний показатель по вузу – 53 %.)

Сопоставление мнений выпускников разных факультетов о профессиональных и личностных качествах их педагогов дает возможность судить о сильных и слабых сторонах преподавательских коллективов, об общей атмосфере на факультетах. Руководствуясь соображениями педагогической этики, мы не будем делать категорические выводы из осуществленного здесь обзора, подразделять факультеты на лучшие и худшие. Руководители факультетов и факультетских

кафедр, работающие на них преподаватели сами могут сделать для себя практические выводы, предпринять меры для устранения выявленных недостатков. Чтобы облегчить эту задачу, сделать более наглядной полученную в ходе анкетирования информацию, предоставляем вниманию читателя несколько гистограмм (рис. 1–4).

Рис. 1. Доля респондентов, по мнению которых, большинство преподавателей их факультета хорошо знают свой предмет, школу и ее проблемы (в процентах)

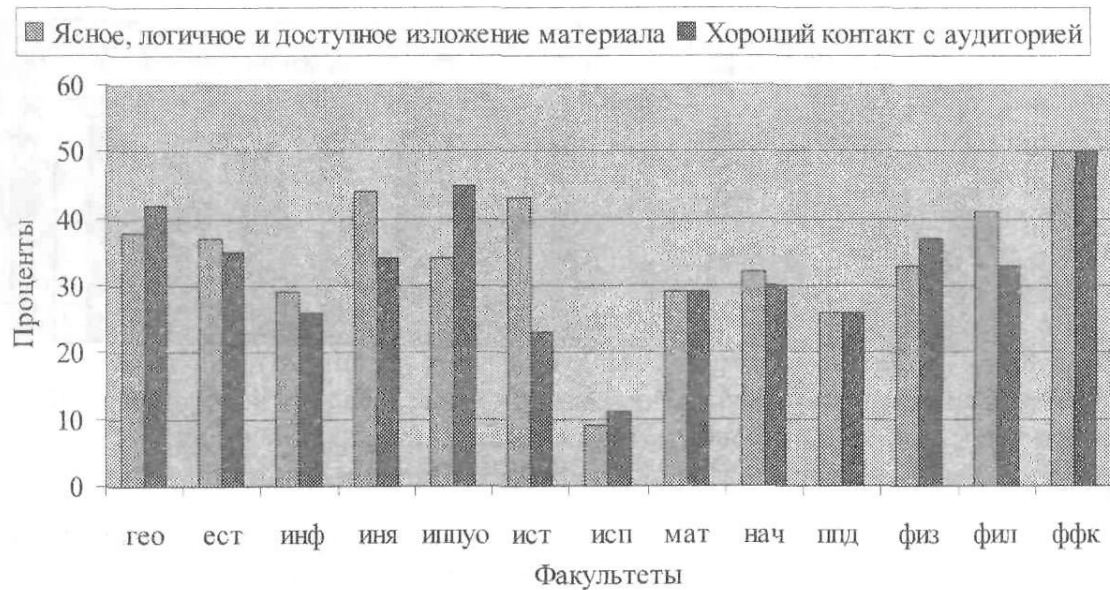

Рис. 2. Доля респондентов, по мнению которых, большинству преподавателей их факультета свойственны ясное, логичное и доступное изложение материала и хороший контакт с аудиторией (в процентах)

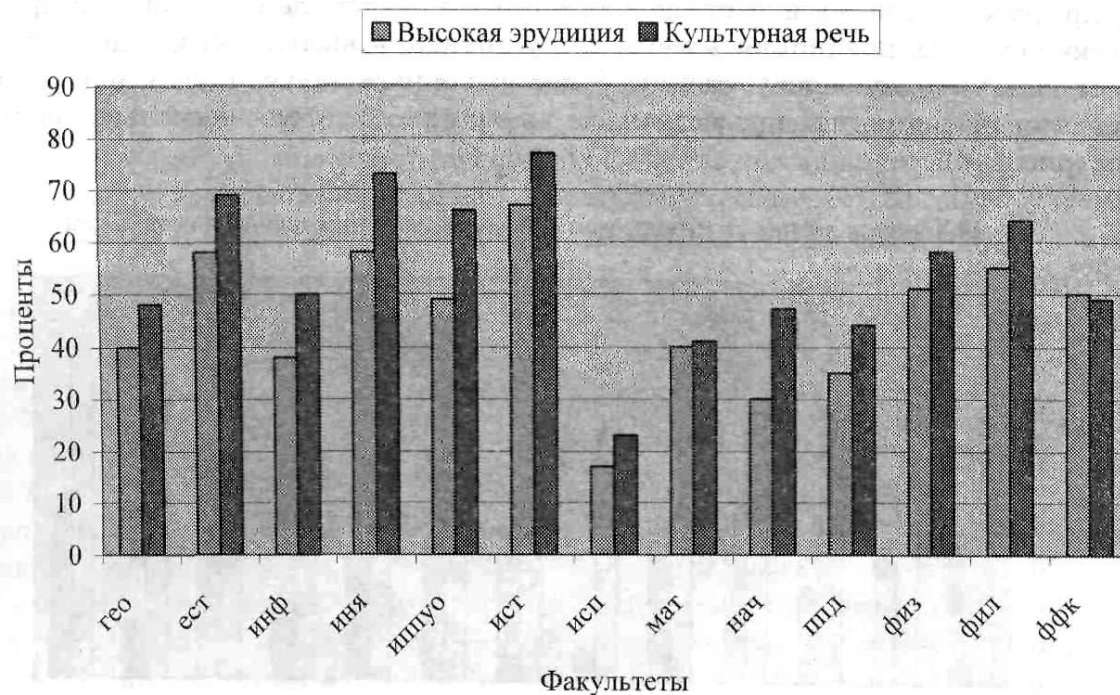

Рис. 3. Доля респондентов, по мнению которых, большинству преподавателей их факультета свойственны высокая эрудиция и культура речи (в процентах)

Рис. 4. Доля респондентов, по мнению которых, большинству преподавателей их факультета свойственны доброжелательность в отношении со студентами, культура общения, интеллигентность (в процентах)

ПРОБЛЕМА СБАЛАНСИРОВАНИЯ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

С.Е. Савина

Кыргызстан, сфера труда, рабочая сила, реформирование экономики, трудоизбыточность, аграрное перенаселение, теневая занятость, профтехобразование, вузы, спрос, рабочие места, развитие, экономика, инвестиции.

Проводимые в Кыргызстане социально-экономические преобразования имеют своей целью формирование стабильного гражданского общества, базирующегося на социально ориентированной рыночной экономике. Но как раз в сфере социальных и трудовых отношений за годы трансформационного периода накопился ряд весьма сложных проблем, которые сформировались под давлением объективных и субъективных обстоятельств. Поэтому от состояния дел в сфере труда во многом зависит дальнейшее развитие страны по пути рыночных преобразований и становления системы рационального использования рабочей силы.

Кыргызстан относится к категории стран с высокой рождаемостью, которая в большей степени присуща сельской местности. Соответственно население страны характеризуется невысокой долей пенсионеров (8,3 % в 2005 г.), значительным удельным весом детей и подростков (33,2 %) и превышением численности сельских жителей над городскими (65 % против 35 %). С ростом населения происходит увеличение численности трудовых ресурсов (табл. 1). Это дает основание утверждать, что в целом для обеспечения устойчивого экономического развития страны трудовой потенциал достаточно высок и отсутствует проблема депопуляции, столь тревожная для европейских стран.

Таблица 1

Основные показатели населения и рынка труда (тыс. чел.)

Показатели	1995	2000	2005
Численность населения	4546,8	4907,6	5138,7
Трудовые ресурсы	2292,2	2686,6	2971,7
Удельный вес трудовых ресурсов (в % к населению)	50,4	54,7	57,8
Экономически активное население	1741,7	1912,7	2116,5
Занятое население	1641,7	1768,4	1931,8
Уровень занятости (в % к трудовым ресурсам)	71,6	65,8	65,0
Безработные	100,0	144,3	184,7
В том числе официально зарегистрированные	50,4	58,3	67,9
Уровень общей безработицы, в %	5,7	7,5	8,7

Источник: Кыргызстан в цифрах. – Б.: Нацстатком, 2000, 2006. – С. 132–136.

Однако имеется другая проблема, суть которой заключается в том, что в условиях реформирования экономики характерной чертой рынка труда становится трудоизбыточность. В Кыргызстане данная проблема усложняется тем, что темпы роста трудовых ресурсов и занятого населения не синхронизированы: за период 1995–2005 гг. трудовые ресурсы увеличились на 29,6 %, а занятость выросла всего на 17,7 %. Это приводит к долговременному дисбалансу спроса и предложения рабочей силы на рынке труда и росту безработицы. Прогнозируемое дальнейшее увеличение численности населения в трудоспособном возрасте ввиду демографического взрыва в 80-х годах XX века, сохранения в современный период высокой рождаемости и снижения смертности наряду с политическими и экономическими реалиями объективно уменьшает возможности государства в оптимальном регулировании рынка труда. Сложившееся положение не поддается быстрой регулировке по причинам экономического и внеэкономического порядка.

На начальном этапе переходного периода в Кыргызстане ведущими секторами экономики являлись сельское хозяйство (включая личное подсобное хозяйство) и промышленность, в которых соответственно создавалось 35 и 30 % ВВП, были заняты треть и 20 % работающих. В 2005 году доля промышленного производства в ВВП составила 16,1 %, сельского хозяйства – 30,5 %, сектора услуг – 40,2 %. Отсюда видно, что в настоящее время сложившаяся структура занятости более типична для стран с относительно низким доходом на душу населения (в Кыргызстане в 2005 году уровень бедности, рассчитанный по потреблению, составлял 43,1 %). Для нее характерны резкое снижение численности работающих в производственном секторе, рост занятости в аграрном секторе и сфере услуг, в первую очередь в торговле. При этом с учетом долговременных изменений в экономике происходит перераспределение наемных работников из предприятий и организаций в пользу работы у отдельных граждан. Эти выводы подтверждаются данными таблицы 2.

Нерешенность проблемы аграрного перенаселения (особенно в южных областях, граничащих с Таджикистаном и Узбекистаном) приводит к нарастанию миграционных потоков в города. Межрегиональный миграционный обмен населения за 1999–2005 годы составил 351,4 тыс. человек, большая часть миграционных перемещений приходится на столицу страны Бишкек (29 %) и прилегающую к ней Чуйскую область (43,8 %). Помимо дополнительного давления на рынки труда указанных территорий, происходит нерациональное территориальное перераспределение населения в целом по республике, что напрямую влияет на национальную безопасность.

На протяжении 1999–2005 годов предложение на рынке труда опережало спрос в среднем на 32 %. Оборот рабочей силы в 1999–2004 годах характеризовался уменьшением в 1,3 раза приема на работу над увольнением. В то же время легальный сектор малого и среднего бизнеса не мог компенсировать резкое выбывание рабочих мест на предприятиях и организациях республики.

По оценочным сведениям, в 2006 году граждане Кыргызстана прислали на родину 846 млн. долларов США, что составило 31,4 % ВВП [Исследование Международного фонда... 2007]. В страну от трудовых мигрантов поступает средств больше, чем от инвесторов и доноров вместе взятых. Для сравнения: по опера-

Таблица 2

Распределение занятого населения Кыргызстана

	Тыс. чел.			В процентах		
	1996	2000	2005	1996	2000	2005
Занятое население: всего	1651,5	1768,4	1931,8	100	100	100
– на предприятиях и в организациях	801,8	675,1	590,0	48,5	38,2	30,5
– индивидуальной трудовой деятельностью	184,6	207,0	280,5	11,2	11,7	14,5
– в крестьянских хоз-вах (включая ЛПХ)	665,1	855,7	860,5	40,3	48,4	44,5
– по найму у отдельных граждан	...	30,5	200,8	...	1,7	10,4
<i>Распределение по видам деятельности:</i>						
в сельском хозяйстве	778,6	938,4	927,5	47,1	53,1	48,0
в промышленности	182,8	141,9	158,3	11,1	8,0	8,2
в строительстве	57,9	43,4	76,3	3,5	2,5	3,9
на транспорте и в связи	81,2	63,4	93,2	4,9	3,6	4,8
в торговле, ремонте авто-, бытовых изделий и пр.	145,0	188,0	229,5	8,8	10,6	11,9
гостиницы и рестораны	5,2	13,1	34,7	0,3	0,7	1,8

тивным данным Госкомитета по госимуществу, в 2007 году объем зарубежных инвестиций в экономику превысил 1,2 млрд. сомов, или чуть более 32 млн. долларов. Трудовые поступления способствуют снижению масштабов распространения бедности среди населения, обеспечивают насущные потребности семей трудовых мигрантов, а в последнее время стали также использоваться по инвестиционному назначению, в частности, вкладываться в развитие туристской инфраструктуры на озере Иссык-Куль.

Рост теневой занятости практически предопределен масштабностью теневизации экономики. По данным обследования ПРООН, которые приводятся в официальных изданиях, неформальный сектор экономики составляет более 50 % ВВП Кыргызстана. Различные исследования показывают, что неформальная занятость составляет почти 70 % от всего объема занятости, то есть она проявляется практически во всех сферах деятельности. Рекордсменом, конечно же, является сфера услуг. Так, в 2005 году официально начисленная заработная плата в торговле была практически на уровне прожиточного минимума. На крупнейшем в республике оптово-розничном рынке «Дордой», по оценочным данным, около 40 % владельцев контейнеров не имеют патентов и более чем 80 % занятых на рынке не уплачивают подоходный налог и страховые отчисления в Социальный фонд. По данным ГУВД Бишкека, около 90 % столичных водителей такси работают без патентов.

Данные проведенного выборочного обследования [Занятость и безработица 2005] показывают, что вовлеченность в неформальный сектор помимо выбранного вида деятельности зависит также от возраста работников (рис.). Доля занятости в неформальном секторе высока среди молодежи в возрасте до 19 лет (92%), с увеличением возраста она постепенно снижается до 51% в группе 55–59 лет (время выхода на пенсию согласно республиканскому законодательству), а затем снова начинает расти и в возрастной группе старше 70 лет составляет 92,9%.

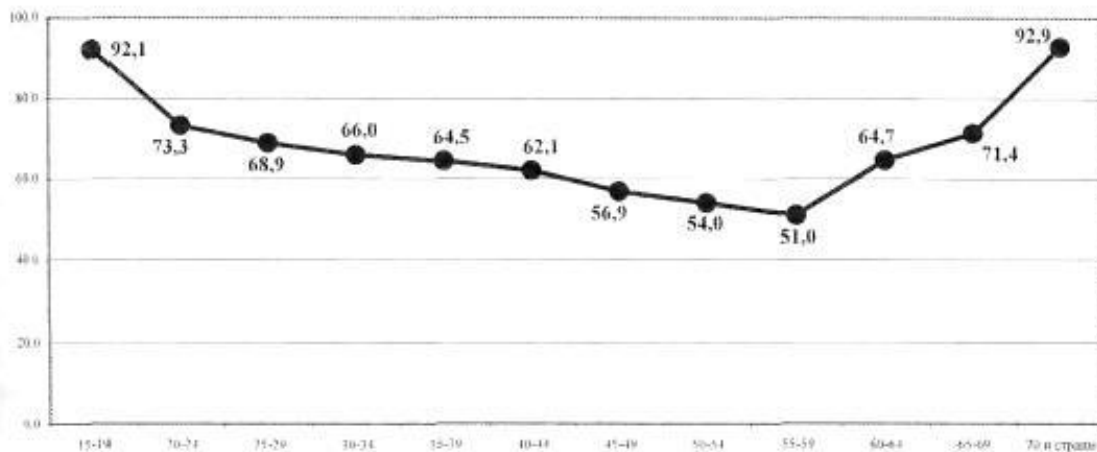

Рис. Уровень занятости в неформальном секторе для всех возрастных групп (в % к общей численности занятого населения)

Свою лепту в сохранение дисбаланса на рынке труда вносит и большая межотраслевая дифференциация заработной платы. Конкурируют прежде всего за высокооплачиваемые рабочие места, а неэффективные рабочие места заполняются представителями социально уязвимых слоев населения (пенсионеры, молодежь без опыта работы, инвалиды, женщины с малолетними детьми, мигранты и т. д.).

К высокооплачиваемым отраслям Кыргызстана, так же как и в других странах СНГ, относятся: производство электроэнергии, финансовые институты и страхование, цветная металлургия, транспорт и связь. Наименее оплачиваемыми являются бюджетная сфера и сельское хозяйство. Высокая дифференциация в заработной плате способствует сохранению несоответствия спроса и предложения на рынке труда.

Существует серьезная проблема отсутствия взаимосвязки между спросом работодателей на рабочую силу и системой подготовки рабочих и специалистов высшего звена. По данным Госагентства по профтехобразованию, в училищах республики сегодня обучается около 29 тыс. человек по 155 специальностям, из них за счет бюджета – свыше 25 тыс. Этот показатель не идет ни в какое сравнение с масштабами обучения в вузах, хотя практически все студенты обучаются на коммерческой основе. Всего в 2005–2006 учебном году обучалось 231,1 тыс. человек, на 10 тыс. населения приходилось 447 студентов. Так называемым «престижным» специальностям обучается большинство студентов: например,

экономические специальности получают более 57 тыс. человек в 50-ти различных вузах (24 % от общего числа студентов), юридические – 24 тыс., или 10 %, и т. д. В то же время информационным технологиям обучается только 6,7 % студентов, сервису и туризму, который особенно бурно развивается в последнее время, – всего 0,6 % [Дисбаланс в вузах ... 2007].

Отсюда можно сделать вывод, что несоответствие спроса и предложения на рынке труда проявляется в социальном, гендерном, возрастном и профессионально-квалификационном составе безработных и создает большие сложности в их трудоустройстве. В свою очередь, происходящие изменения в профессионально-квалификационном составе экономически активного населения, перепроизводство кадров по профессиям и специальностям системой образования страны и другие факторы влияют на сохранение дисбаланса спроса и предложения рабочей силы.

Возрастание спроса на рабочую силу сопровождается расширением сектора рынка рабочих мест, контролируемого службой занятости. Общая заявленная потребность в работниках в 2006 году составила 49,2 тысяч свободных мест, из них 75–80 % приходится на рабочие профессии, а вакансии для служащих в основном относятся к бюджетной сфере с невысокой оплатой труда. В то же время из общего числа состоящих на учете безработных 40 % имели высшее и среднее специальное образование, а рабочие профессии – 41 %. Соответственно остались невостребованными около 9 тысяч рабочих мест. Основной спрос на рабочую силу формировала сфера услуг и материального производства: на обрабатывающую промышленность приходится 5,3 % вакансий, строительство – 32,5 %, гостиницы и рестораны – 7,6 %, на здравоохранение и социальные услуги приходится 6,9 %, прочие коммунальные и социальные услуги – 47,7 %.

В сложившейся ситуации актуальной становится задача разработки механизмов создания и поддержания рабочих мест. Использование таких механизмов является важнейшим условием развития производства и решения проблем соответствия спроса и предложения на рынке труда. Кроме того, речь должна идти о создании экономически эффективных рабочих мест, обеспечивающих работнику уровень дохода не ниже прожиточного минимума, а государству – налоговые поступления и отчисления в соответствующие внебюджетные фонды. Эта задача в условиях Кыргызстана тесно связана с реализацией мероприятий по сокращению масштабов коррумпированности и теневой экономики, а также определением приоритетов развития и подготовкой соответствующих им крупных общенациональных проектов.

На современном этапе социально-экономического развития главными целями при осуществлении мероприятий по созданию рабочих мест являются:

- формирование рациональной системы создания и сохранения рабочих мест на основе определения приоритетных направлений развития отраслей экономики и социально-экономического потенциала регионов;
- решение вопросов стабилизации рынка труда в регионах со сложным социально-экономическим положением и в регионах с экстремальными условиями проживания (в первую очередь высокогорных);

- достижение и поддержание продуктивной занятости населения, повышение эффективности и доходности труда в интересах работников, работодателей и всего населения страны;
- снижение социальной напряженности в обществе.

Для решения поставленных целей, как предусмотрено в Программе занятости населения до 2010 года, к первоочередным мерам можно отнести:

- улучшение инвестиционного климата: содействие конкуренции на рынке, реализацию налоговых реформ, включая снижение налогового бремени посредством налогового администрирования и инспектирования, а также увеличение доступа к финансовым ресурсам частного сектора;
- привлечение инвестиций, в первую очередь прямых, и диверсификацию экспорта;
- сокращение времени, требуемое для открытия частной компании;
- создание оптимальной структуры национальной экономики с тем, чтобы перестать зависеть от сельского хозяйства;
- ускорение развития агропромышленного комплекса при уделении основного внимания развитию небольших предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и народных промыслов;
- упрощение доступа к кредитным ресурсам через развитие кредитных союзов и микрофинансовых институтов;
- повышение потенциала занятости в топливно-энергетическом комплексе за счет продолжения строительства Камбаратинских ГЭС, возобновления деятельности законсервированных малых ГЭС и строительства новых;
- интенсивное развитие горнодобывающей промышленности, и в первую очередь предприятий, разрабатывающих месторождения золота (Кумтор, Макмал, Терексай, Солгон-Сары), ртути (город Хайдаркан), сурьмы (Кадамжай), олова и вольфрама (ОсОО «Тянь-Шаньолово»);
- запуск крупных простаивающих градообразующих предприятий, как ОАО «Карабалтинский горнорудный комбинат», Таш-Кумырский завод полупроводниковых материалов, Майли-Сайский электроламповый завод и др.
- повышение потенциала занятости в легкой и перерабатывающей промышленности, для развития которой имеются трудовые и сырьевые ресурсы во всех регионах страны;
- развитие строительства с учетом направления основных инвестиций на восстановление и строительство дорог, ирригационных сетей, туристической и энергетической инфраструктуры, производственное и жилищное строительство;
- всемерное развитие сферы услуг, в первую очередь туризма.

Особо следует подчеркнуть специфику Кыргызстана, заключающуюся в том, что в решении проблем на рынке труда большую роль играет развитие индивидуального, малого и среднего предпринимательства. О его значении в экономике республики можно судить по увеличению его доли в ВВП, которая в 2005 году составила 43,6 %. Этот сектор динамично влияет на рост занятости и снижение социальной напряженности в обществе, поэтому перспективным направлением в сглаживании диспропорций на рынке труда является реализация программ по развитию малого и среднего предпринимательства и содействию самозанятости граждан. Малый бизнес довольно хорошо развивается в сфере оказа-

ния услуг, народных промыслов, швейной и пищевой промышленности и сельском хозяйстве, в котором в настоящее время отсутствуют крупные коллективные хозяйства. В силу этого развитие частного сектора в Кыргызской Республике отнесено к числу важнейших, приоритетных направлений экономической политики страны. Решение задачи расширения экономических возможностей предпринимательства и сокращения административных барьеров зависит от повышения эффективности действий государственной власти в тех сферах, где ее участие абсолютно необходимо, установления адекватной системы налогообложения и расширения доступа субъектов предпринимательства к кредитным ресурсам.

В заключение необходимо отметить, что стабилизация на рынке труда, создание рабочих мест и оптимизация структуры использования рабочей силы – это сложная проблема, решение которой предполагает согласованные действия всего общества и поиск дополнительных финансовых средств, в первую очередь за счет повышения инвестиционной привлекательности страны и увеличения объемов финансирования программы государственных инвестиций.

Библиографический список

1. Исследование Международного фонда сельскохозяйственного развития (IFAD) и Межамериканского банка развития (IDB). 2006 // Белый пароход. – 2007. – № 61. – С. 2.
2. Занятость и безработица. – Бишкек: Нацстаткомитет, 2005. – С. 27.
3. Дисбаланс в вузах (итоги проведения национальной эдвокаси кампании «Элсең» и «Голден Гол») // Белый пароход. – 2007. – № 73. – С. 2.

СИНТЕЗ ИСКУССТВ В ПРАВОСЛАВИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.А. Митасова

Православие, искусство, древнерусская культура, литургия, таинство, синтез, богослужение, храм, почитание мощей, святыня, чудотворение, реликвии, книголюбие, чувство вневременности.

На фоне пестрой религиозной жизни современного российского общества наблюдается тенденция возврата к традиционной русской религии – православию. После периода официальной идеологии атеизма по крупицам восстанавливаются утраченные смыслы православной русской культуры, одним из важнейших компонентов которой является искусство. Русское культовое искусство есть не только «духовный костыль» для верующего, но и значимая часть культурного наследия России.

В данной статье предполагается проанализировать синтез искусств в православии, который находит максимальное воплощение в литургии с точки зрения его социокультурных значений на примере древнерусской культуры.

Культовые предметы одновременно являются и святыней, и произведениями искусства, и памятниками культуры. Художественное качество культовых предметов – основа для проявления божественного Первообраза. Великолепие произведений слагается из двух элементов – «из ценности материала и достоинства и совершенства работ» [Голубинский 1997 : 289], что необходимо для создания «веземной» атмосферы богослужения.

В православии исключительно важна концепция, что сама церковь наиболее аутентична тогда, когда община верующих собирается на совместную молитву. Литургия считается общим опытом, воздействующим одновременно на эмоциональные, интеллектуальные и эстетические стороны человека; она совмещает разные образы, символы, формальные богословские утверждения, телесное восприятие и жесты, музыку, воскурения ладана и изобразительное искусство. Все это предназначено для раскрытия содержания христианской веры как образованным, так и необразованным людям. Реформирование литургии часто воспринимается как реформирование самой веры.

В церковном культе необходимо отличать обряд, форму, образ от сакрального ядра – таинства, которое не поддается рациональному осмыслению. Слово «обряд» происходит от слова «обрядить», «облечь». Обряд облакает таинства в формы культового искусства, он есть воплощение вечного в земном творчестве. При этом культовое искусство в богослужении выступает в синтезе различных видов.

Понятие «синтез искусств» означает органичное соединение произведений разных видов искусств в художественное целое, которое эстетически организует среду обитания человека. Синтез искусств подразумевает создание качественно нового художественного явления, не сводимого к простой сумме составляющих его компонентов, образное и композиционное единство, общее участие в художественной организации пространства и времени.

Проблема синтеза искусств может рассматриваться в разных ракурсах. Например, русские философы В.И. Иванов и Н.Ф. Федоров считали, что синтез искусств может быть только литургическим: «в богослужении, и только в богослужении, находят системы искусств свою естественную ось» [Иванов 1979 : 167].

Наиболее полно проанализировал «храмовое действо» с точки зрения синтеза искусств религиозный философ П.А. Флоренский. Заслуга Флоренского состоит в максимальном расширении понятия «искусство», с включением в него всех «вспомогательных» элементов православного богослужения. В храме «все сплетается во всем: храмовая архитектура, например, учитывает даже самый малый, по-видимому, эффект, как выходящие по фрескам и обвивающие столпы купола ленты голубоватого фимиама, которые своим движением и сплетением почти беспредельно расширяют архитектурные пространства храма, смягчают сухость и жесткость линий и, как бы расплавляя их, приводят в движение и жизнь» [Флоренский 1996 : 210]. Флоренский не затрагивал социокультурные значения богослужения, исследуя видовое многообразие православного искусства.

Совокупность образов литургии – словесного, музыкального, живописного, архитектурного – является как бы преобразованным творением, которое, в свою очередь, являет собою образ иного, божественного мира. Следовательно, пространство, организуемое видами культового искусства, было обозначением сакральной сферы культуры, которая часто противопоставляется профанной сфере, но тем не менее связана с ней в противоречивое единство. С сакральной сферой культуры непосредственно связан праздник как повышенное присутствие нездешнего в натурально-ощутимой вещественности земного мира.

Для древнерусского человека посещение церковного богослужения являлось прежде всего праздником. Для прихода в храм люди наряжались в самую лучшую одежду, украшенную золотым вышиванием и мехами. Женщины обильно красили лицо, глаза, шею, руки разными красками. Мужчины в щегольстве не отставали от женщин, украшая себя перстнями, драгоценными пуговицами, поясами. Празднично-яркий вид приходящих в храм давал повод церковным служителям к обличению и нареканию. Например, митрополит Даниил (XVI век) считал, что опасность интереса к яркой одежде плоха не только тем, что может склонить к блуду. Такая одежда есть выражение определенного образа жизни и мировосприятия, о котором Даниил пишет: «все на земли хотят жити, все по смерти жития не памятствуют, все красятся и упекуваются» [Найденова 2003 : 105]. С одной стороны, средневековый человек приходил в храм показать свое социальное положение, свое место в социальной иерархии, иными словами, репрезентировать себя. С другой – в богослужении человек имел возможность отрешиться от мирской суеты, осознать свое особое положение в мире как существа высшего, духовного, приближенного к небесному миру и имеющего возможность приобщиться к нему при условии стремления к морально-нравственному совершенству в обыденной жизни.

Социокультурное значение литургического синтеза искусств состоит в организации соборного единства. Соборное единство понимается здесь как единение людей в целостный социум, единение земного мира и небесного, и единение мира живых и мира мертвых.

Указанное единство визуализировано самой структурой храма, храмовой росписью, иконостасом, при этом приходящий в храм видит как бы «удвоенный божественный мир» – на стенах храма в виде росписи и на иконостасе. В этом случае воздействие на верующего усиливается.

Единение мира живых с миром мертвых происходило посредством почитания мощей. В Древней Руси термин «мощи» прилагается как к останкам святых, так и к телу простого смертного. Становление литургической практики почитания мощей выросло из погребального обряда как феномена «приручения смерти». Гробница святого чаще всего находилась в южной или юго-восточной части храма, вблизи иконостаса. На ее крышке имелось рельефное или живописное полнофигурное изображение святого. Рака по возможности должна была быть богато украшена. Значение мощей не ограничивалось пространством храма. Носимые в разнообразных процессиях, они определяли расположение церквей и улиц, оказывая решающее влияние на сакральную топографию средневековых городов, которые в эти моменты обретали свой наивысший иконно-литургический смысл. Динамический аспект бытования святынь нашел отражение в древнерусской иконографии, зримо представившей многочисленные церковные празднования в честь обретения, перенесения и чудотворения реликвий.

Единение людей друг с другом происходило посредством общей молитвы. Эффективность этого действия зависит в большей мере от искренности чувств, с которыми человек приходит в храм, от искренности его молитвы, которая составляет основу любого богослужения. Великим моментом православного общего моления является вынос Евангелия в так называемом малом выходе. Из Царских врат во второй части литургии – Литургии оглашенных (те, кто готовится к крещению) – священник выносит Евангелие, которое символизирует самого Иисуса Христа, принесшего свет своего учения миру. Слово играет определяющую роль в православном литургическом действии, здесь следовали библейскому принципу: «В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ев. от Иоанна, 1 : 1).

Древнерусские люди с почтением относились к книге святого Евангелия; его следовало брать в руки не иначе как с благоговением, с поникшею головою и после крестного знамения. От присущего христианству преклонения перед Библией как письменно фиксированным «Словом Божьим» устанавливается культ книги. Книголюбие рассматривалось как одна из христианских добродетелей. Образованность в Древней Руси ценилась очень высоко. Книжная мудрость, книги были источником духовного наслаждения, радости приобщения к истине. Единицам удавалось достичь сакральной мудрости чтением богодухновенных книг. Многие приобретали лишь начитанность, а еще Протагор предупреждал: «Многознание уму не научает». Начитанность в монашеской среде понималась как греховность и бесовство.

Церковное словесное и музыкальное искусство взаимообусловлены. Для православного богослужения характерна гимнологическая форма речи, показывающая действие благодати, религиозного экстаза. На протяжении всего богослужения речитативное исполнение псалмов сменяется монологическим или хорovým пением. Музыкальность речи можно также проследить в некоторых местах проповеди, повествовательный тон речи переходит в богослужебное песнопение,

церковный гимн. Богослужение есть молитва – беседа души с Богом, здесь все должно было быть благоговейным, чинным, сосредоточенным, погруженным в «небесный поток».

Песнопения, пронизывая все уровни православного богослужения, являются тем связующим элементом, который дает возможность воспринимать культовое действо как единый неразрывный процесс.

Своеобразная «хореография» православного богослужения предписывала молящимся стоять рядами, одновременно крестясь и кланяясь, где это требовалось церковным уставом. Непозволительно молиться на коленях, это латинский обычай. Православный человек, по большей части, должен стоять в церкви не шелохнувшись, на излюбленном, «своем» месте, так как в богослужении верующий «сумирает» для мира, чтобы ожить для Бога.

В богослужении иное время. Человек как существо тварное временен, смертен, в богослужении он может обрести вневременность существования. Религиозный философ С.Н. Булгаков полагает, что само сознание временности с его жгучестью и остротой порождено чувством вневременности. Это чувство родится лишь при взгляде во время из вечности, которая лежит «не за временем или после времени, но наряду с ним, над временем, как для него идеал, и под временем, как его основа, которая ощущается временем лишь через призму нечто, не-бытия» [Булгаков 2001 : 315].

Богослужение для древнерусского человека было ориентиром во времени года и суток. В русском православном календаре каждый день года посвящен поминовению какого-либо святого, есть так называемые великие праздники, к которым относятся двенадцатые. Пасха считается великим праздником воскресения Христа из мертвых и празднуется особо торжественно.

Ориентацией во времени суток служил звон колоколов, призывающий народ на богослужение, он начинается и завершает литургию, отмечая ее самые важные моменты. Для русского человека колокольный звон составлял обязательный бытовой и культурный фон. Колокола буквально были голосом средневекового русского города, которым люди связывались в единое целое, в будни и праздники.

Колокола в Древней Руси воспринимались живыми субъектами. Известно, что 15 мая 1591 года угличские горожане неожиданно были разбужены звоном набата, который оповещал людей о смерти царевича Дмитрия. Борис Годунов повелел сечь кнутом колокол, вырвать ноздри, отсечь ухо и отправить в ссылку. Кроме своей обрядовой функции колокольный звон имел социально-репрезентативное значение. В вольных городах Пскове и Новгороде колокола собирали народ на вече. В снежный бурян далеко разносился звон «путевого колокола», указывая страннику дорогу. Пожар или опасность от внешнего врага – звучал всполошный, или набатный, колокол. Неприятель подошел к стенам города – гремел осадный. По свидетельствам прошлого, колокол заменял на Руси даже газету. От селения к селению звон нес вести о празднике или беде, о радости или горе. Торжественный звон раздавался по случаю коронаваний, царских свадеб, военных побед, прибытия знатных гостей. Есть еще одно значение колокольного звона – эстетическое, каждая колокольная с колоколами являет собой неповторимый музыкальный инструмент. Русские музыканты-звонари изобрели необычный для европейцев способ извлечения звука: не колокол качался и бил в не-

подвижный язык, а звонарь управлял языками неподвижно висящих колоколов, извлекая различного тона и громкости звук.

В храме символически осуществляется незримое единство неба и земли, и в богослужении и соборной молитве участвуют, по мнению святых отцов церкви, не только люди, но и все небесные чины. Богослужение проходит одновременно на двух уровнях: видимом – земном – и невидимом – духовном. Единение неба и земли в храмовом действе приобретает еще большую силу, а само богослужение – особую торжественность и одухотворенность, так как, по мнению христианских идеологов, сам Бог участвует в них.

Художественная среда храма и театрализованное культовое действо были доступны самым широким слоям русского населения и достаточно эффективно воздействовали на них.

Единство древнерусских людей обеспечивалось участием в литургических драмах, входивших в состав пасхальной или рождественской служб. На Руси были известны два рода литургических драм – драмы пасхального цикла (например, «Шествие на осляти» и «Умовение ног») и драмы рождественского цикла («Пещное действо»).

«Шествие на осляти» отправлялось в Вербное воскресенье (за неделю до Пасхи). В Москве приводили в Кремль осла или белую лошадь под белым покрывалом. При этом в богослужебный текст вклинивалось пререкание с владельцем осла. Духовенство выходило на площадь, митрополит (в XVII веке – патриарх) садился боком в особое седло и брал в правую руку крест, а в левую – Евангелие. Осла под уздцы обычно вел сам царь или его ближний боярин; царь бывал в парадном одеянии, в Мономаховой шапке. На крышу одного из домов специально становился человек, руководивший шествием. Во время процессии по пути митрополита постилали одежды и бросали зеленеющие ветки вербы. В 1620–1630-х годах это делали специальные люди – «постилальники». Они снимали с себя красные кафтаны и постилали их на землю под ноги шествующим. Число постилальников доходило до пятидесяти, а к концу XVII века их было уже до ста человек. Все шествие в целом также становилось пышнее и торжественнее. За митрополитом следовал облаченный во все регалии царевич, далее шло множество бояр; шествие замыкал народ. Процессия направлялась из Кремля к храму Василия Блаженного, где совершалась краткая служба, а затем возвращалась в Кремль. Кроме целей религиозных «Шествие на осляти» имело цели политические, а именно публично декларировало превосходство духовной власти над светской.

Православную культуру невозможно разъять на составные части без потерь. Архитектура, церковный культ, изобразительное искусство, музыка и литература, бытовая сфера – все они взаимно дополняли друг друга. Так, например, икона всегда создавалась под влиянием письменных источников, ее почитание сопровождалось определенными ритуалами, целью которых могло быть изменение в повседневной жизни. Аналогично воспринималась и книга, которая была не только источником определенных знаний, но и объектом поклонения, тексты древнерусских книг часто сопровождал изобразительный ряд. По преданию, первый иконописец – св. Лука – был и создателем одного из четырех Евангелий. «Писанием» в древнерусской традиции, которая здесь неуклонно следовала гре-

ческой, именовались как литературные, так и изобразительные произведения. Тем более что сам процесс создания и тех и других также назывался «писанием». «Видение» играло не меньшую роль, чем «писание» или чтение. Письменная (в той или иной форме) традиция вовсе не отменяет устную, которая является основой культуры, ведь первым оригинальным достоянием русской культуры, несомненно, является её исконный фольклорный состав.

Целостность православной русской культуры как единства трех сфер бытия – подземной (сфера мертвых), земной (сфера живых) и небесной (сфера божественного) – реализовывалась в богослужении. Данная целостность и есть то новое качество, которое образуется в результате синтеза видов культового православного искусства.

Библиографический список

1. Булгаков, С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 672 с.
2. Голубинский, Е.Е. История Русской Церкви. Т.1 / Е.Е. Голубинский. – М.: Грааль, 1997. – 926 с.
3. Иванов, Вяч. И. Чурлянис и проблема синтеза / Вяч. И. Иванов // *Собрание сочинений*. В 4 т. – Брюссель, 1979. – Т.3. – С. 147–172.
4. Найденова, Л.П. Мир русского человека XVI – XVII веков / Л.П. Найденова. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2003. – 207с.
5. Флоренский, П.А. Храмовое действо как синтез искусств / П.А. Флоренский // *Флоренский П.А. Избранные труды по искусству*. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – С. 199–215.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГИМНАЗИИ

Н.А. Шубина

Модель культурологической школы, трансляция социального опыта, массовая культура, общее среднее образование, гуманизация и гуманитаризация, социокультурный подход, культуросообразная среда.

Современная школа находится сегодня на этапе перемен. Набирает темпы процесс модернизации образования. Изменения затрагивают все стороны образовательной деятельности: увеличены сроки обучения в школе, введено централизованное тестирование, осуществляется профилизация в старшем звене, система аттестации заменяется на ЕГЭ.

Однако на этом фоне перемен школа демонстрирует весьма скромные результаты. Последние исследования, проведенные PISA (Программа международной оценки обучающихся: Мониторинг знаний и умений в новом тысячелетии) в 2000 году, показали, «...что российская школа не обеспечивает достаточную готовность ее выпускников к жизни в постиндустриальном информационном обществе, отвечающую современным международным требованиям». По таким параметрам, как грамотность чтения, математическая и естественнонаучная грамотность, российские школьники заняли только 21–29 места среди школьников 32 стран Европы, Азии, Австралии, Северной и Южной Америки [Назипов 2003 :14–17].

Современной традиционной школе больше 300 лет. Возвращенная на идеях Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, И.Ф. Гербарта и их последователей, она для своего времени была действительно более передовой и культуросообразной, чем схоластическая школа средневековья. Сегодня мы наблюдаем обратное – школа не успевает за темпами развития общества, в образовании создан дефицит культуры. Информационная революция, проблемы глобализации, динамика развития современного общества требуют строительства новых моделей образования, новых и разных моделей школ, соответствующих разным потребностям как родителей и учащихся, так и общества в целом.

Одной из таких моделей может быть модель культурологической школы. Как указывает Р.М. Назипов, «культурологическая модель школы должна выстраиваться в соответствии с культурой современного общества. Характерными признаками этой культуры являются динамизм, открытость, полифоничность, диалогичность. Чтобы образование отвечало духу времени, нужно соответствовать этим критериям».

При этом также важно учитывать и тенденции развития самой культуры, чтобы не стать заложниками ее негативных проявлений. Так, например, В.Л. Бенин и Е.Д. Жукова предупреждают, что в глобальной системе трансляции социального опыта произошли серьезные изменения, качественно влияющие на развитие образования. Они связаны с феноменом мозаичности культу-

ры, которая в процессе развития умножает массовую культуру [Бенин, Жукова 2006 : 187–190].

Ориентация общего среднего образования на развитие культуры расширяет существующий научно ориентированный подход к обучению и является одним из ведущих направлений модернизации образования. Определение места культуры в современном образовании, возрастающая ее роль в реализации преемственности поколений и в индивидуальном развитии человека, переход от идеи поддерживающего образования к идее опережающего образования – таковы основные тенденции развития нового информационного общества XXI века.

Ряд исследователей (Е.В. Бондаревская, М.Ю. Бухаркина, А.Д. Глейзер, М.В. Моисеева, В.Д. Семенов, А.Е. Петров, Е.С. Полат и др.) считают необходимым в целях гуманизации и гуманитаризации построение культуросообразной социализирующей личности системы образования. Решение этой задачи предполагает определение ведущих взаимосвязей между культурой и образованием в их современном состоянии [Умникова 2005 : 3–8].

Чтобы окончательно определиться с сущностью и содержанием культурологического образования, проведем дополнительный анализ понятийного аппарата данной проблемы. Разработанность понятийного аппарата и другие теоретические проблемы напрямую зависят от парадигмального развития педагогики и смежных с ней наук. Поэтому для начала зафиксируем, на какой парадигмальной основе формировался культурологический подход к образованию.

Отметим, что в гуманитарной науке последние годы развивался социокультурный подход. Ключевым для этого подхода было понятие «культура как предельно широкая категория», включающее в себя статичные нормативные характеристики и динамичные творческо-смысловые аспекты [Библер 1991 : 51]. Культурология является российским изобретением, не носящим идеологической окраски, но заполняющим определенную нишу и удовлетворяющим потребность в целостном осмыслении истории, социума, искусства, религии, науки, человека в контексте культуры.

Культурологический подход к образованию предполагает, что человек – это носитель и мера культуры. Именно культурологический подход, ставший особенно актуальным к середине 90-х годов XX века, выступает в качестве важной методологической основы построения культурологической модели образования [Бабошина 2002 : 89–92].

Свои истоки культурологический подход берет из принципа культуросообразности воспитания, продекларированного еще в XIX веке. Тогда этот принцип понимался недостаточно широко: как учет общечеловеческих ценностей и ценностей национальных культур. Динамический характер культуры, ее творческий, смысловой аспекты оставались в тени или были не востребованы. Поэтому из принципа воспитания культуросообразность должна перерасти в одну из парадигм новой педагогики – культурологическую. Данная парадигма связана с процессами гуманизации и антропологизации в современном мире. Она позволяет преодолеть традиционный консерватизм образования и сделать человека точкой отсчета в гармонизации личных и общественных интересов.

Образование, являясь специфической частью культуры, стремится к отображению, выражению и развитию ее лучших достижений. При этом главные фун-

кции образования как культурного феномена выводятся из сущности, задач и функций самой культуры. Ведущей образовательной стратегией этого процесса является диалогичность как содержательная характеристика культурного и, следовательно, образовательного развития.

Диалогичность, свойственная современному культурному процессу, выражает себя в активном поликультурном (полилогичном) развитии. Полилогичный характер развития современной культуры предопределяет открытость образования как его ведущую характеристику. Открытость образования – это прежде всего его многомерность и полицентричность. Многомерность предполагает вариативность в подходах к образовательной деятельности, к оценке ее результатов, масштабность видения педагогических проблем и способность к их решению. Полицентричность указывает на амбивалентность происходящих в образовательном процессе событий, на «объемность» создаваемого в этих событиях образовательного пространства [Библер 1991].

Главным признаком «открытости» выступает ориентир на развитие и творческую самореализацию личности как субъекта образовательного процесса. Границами открытости образования выступают границы самой культуры. В отношении к образованию это означает, что оно, основываясь на культуре как «идеалообразующей стороне человеческой жизни» (Д.В. Пивоваров), становится культурологическим образованием.

Культурологическое образование опирается на сущность понимания самой культуры как феномена человеческого бытия и выстраивает собственную парадигму (в данном случае образовательную) на основе этого понимания. Сущностной и существенной особенностью такого диалогического соотношения образования и культуры является возможность понимания культуры в русле ведущих идей образования и, следовательно, коррекции ее развития под влиянием образования. Диалогическая взаимосвязь культуры и образования заключается в первую очередь в их адекватной соотнесенности между собой и относительно ценностных ориентиров (общечеловеческих ценностей), что и обеспечивает возможность их конструктивного взаимовлияния. Главным критерием этого взаимовлияния и соотнесения выступает принцип гуманизма как ведущая общечеловеческая ценность.

Из сказанного вытекают задачи культурологического образования: 1) создание необходимых и достаточных условий для культурного становления субъектов образовательного процесса; 2) создание максимально плодотворных условий для творческого саморазвития личности в образовательном процессе; 3) обеспечение возможности активного вхождения личности в мир культуры на правах ее бережного и творческого преемника и уникального представителя.

Первая из задач предполагает создание культуросообразной среды в образовательном учреждении через гуманизацию имеющихся условий этой среды и гуманитаризацию содержания преподаваемого материала и характера преподавания. Возможность решения второй задачи в значительной мере определяется уровнем и качеством решения первой, а также предполагает замену «знаниевого» подхода в образовании на его «смыслообразующие» основы. Решение третьей задачи Е.Б. Бабошина видит в гармонизирующем сопряжении действий, особой организации образовательного процесса в целом в решении первой и второй за-

дач, в интегративно-творческом характере взаимодействий субъектов образовательного пространства. Общей целью такого образовательного процесса становится выход за узкие рамки конкретного предмета на личностные и культурные смыслы.

Поскольку образование в отношении к культуре выступает ее идеалообразующей частью, постольку ведущим результатом культурологического образования, основанного на «диалоге культур» (В.С. Библер), выступает «человек культуры». Именно «человек культуры» является основным субъектом культурного пространства, в том числе образовательного.

В качестве ведущих характеристик «человека культуры» в современных условиях можно выделить: позитивность в отношении к культурному контексту; успешность, адаптивность, но не конформность; творческую направленность и рефлексивность. В таком понимании «человек культуры» выступает необходимым условием формирования полистилистического общества, а значит, необходимой ступенью к личностному типу (антропоцентрическая модель личности).

Сегодня востребована стратегия образования, которая стимулирует развитие культуры личности, понимаемой как способность человека выбирать и анализировать, нести ответственность, быть готовым к самовоспитанию, самообразованию. На первый план выходят индивидуально-стилевые характеристики личности и деятельности.

Культурный контекст индивидуальной деятельности становится главным стержнем новой парадигмы. Данный подход актуализирует личностные смыслы процесса передачи социального опыта и знаний, а воспитатель и воспитуемый становятся онтологически необходимыми друг другу.

Отсюда профилактика проблемных ситуаций предполагает сосредоточение внимания на создании условий для развития личностного потенциала и потенциала среды, а в целом на формировании культуры личности и культурного пространства. В нашей стране в начале XX века существовала «педагогика среды» С.Т. Шацкого. Для нашей культуры характерен подход, акцентирующий влияние среды на развитие личности (Б.Г. Юдин). Разработкой данного понятия сегодня занимаются А.К. Лукина, И.Д. Фрумин, Г.А. Ковалев, Е.А. Мясоедова. В работах В.Д. Семенова даются пояснения о воспитательных влияниях среды.

Несмотря на это, понятие среды не является достаточно разработанным. Часто сводится к механическому перечислению составных элементов, выделению различных уровней, иерархических структур. Интересной представляется возможность использования вместо понятия «среда» понятия «ситуация» (Л.М. Андрухина). Среда – это нечто статичное, неизменный фон нашей жизни. В реальности среда распадается на множество неповторимых ситуаций, которые создаются человеком. Мы живем в меняющихся ситуациях и, исходя из этого, выбираем свои жизненные стратегии.

С точки зрения культурологической парадигмы современная школа призвана заниматься саморазвитием и самоопределением человека в культурном контексте определенного социума.

Таким образом, проведенный сущностный анализ культурологической парадигмы позволяет обогатить категориальный аппарат педагогики, предложив взять на вооружение разработку данных понятий в их новом статусе.

В современной педагогической практике наметилось несколько путей реализации культурологической модели образования. Первый из них – гуманитаризация образования. Идеи гуманитаризации были подняты на щит в период перестройки и реформы образования в начале 90-х годов XX века с целью как-то оживить и модернизировать советскую систему образования. В.П. Зинченко писал тогда о гуманитаризации естественнонаучных предметов: «... их содержанием станет история науки: борьба личностей и интеллектов, психологические портреты ученых, описание стилей исследовательского поиска и т. п. Такой учебник будет затрагивать не только ум, но и душу человека, будет способствовать формированию мировоззрения».

На сегодняшний день это наиболее распространенный вариант реализации культурологических идей в образовании. Его можно было бы назвать предметно-историческим или предметно-культурным. Он не меняет традиционный способ обучения, по сути, является просветительским и, безусловно, имеет право на существование.

Другой вариант реализации культурологической модели связан с идеями педагогической антропологии и гуманной педагогики. В основе этих идей – принцип природосообразности в образовании. Это направление в педагогике можно связать с именами Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, В.А. Дистервега, К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, С. Френе, М. Монтессори, Р. Штейнера, К. Роджерса, А. Маслоу, В.А. Сухомлинского, Ш. Амонашвили и др. Перенесение центра внимания с объекта познания на его субъект, создание возможностей для самоактуализации личности ребенка, провозглашение идеи ненасильственной педагогики нашло в начале 90-х годов много сторонников среди педагогов и директоров школ, стремившихся к изменению советской системы образования. К сожалению, на сегодняшний день эти идеи и школы оказались слаботехнологичными и мало адаптированными к современным требованиям постиндустриального общества. Поэтому они не получили широкого распространения в российской педагогической практике. Но идеи антропологической педагогики, развивая принцип природосообразности в образовании, оказывают серьезное влияние на трансформацию мировоззрения педагогического сообщества. Поэтому периодически возникают как бы новые модели школ: школа-парк, здоровьесберегающие технологии, природосообразное воспитание и т. д.

Идеи антропологической педагогики очень близки к идеям культурологического образования, и все же у них есть существенное отличие. Антропоцентризм этого направления в педагогике не позволяет до конца реализовать принцип культуросообразности, а значит, нередко дети, прошедшие обучение, например в вальдорфской школе, оказываются неконкурентоспособными в современном социуме.

Гармоничное сочетание принципов природосообразности и культуросообразности, адекватность способов обучения уровню современной культурной и научно-технической картины мира, стремление выстраивать диалог с субъектами образовательной деятельности, формирование системного мышления и гуманистического мировоззрения – это те принципы, на которых строится культурологическая модель образования. На наш взгляд, эта модель имеет большие перспективы в образовательном пространстве XXI века.

В плане создания и развития модели культурологического образования представляет значительный интерес опыт работы гимназий и лицеев г. Екатеринбурга и Свердловской области, который неоднократно обобщался на научно-практических конференциях и семинарах [Умникова 2005 : 3–8].

В первую очередь эта работа направлена на сохранение лучших традиций отечественного образования, усиление развивающей, личностной (ценностно-смысловой) и практической ориентации его содержания и организации образовательного процесса, предусматривающих личностное самоопределение и культурную самоидентификацию субъектов образовательного пространства.

Как отмечалось на конференциях, посвященных культурологическому подходу в образовании, эта цель может быть достигнута путем решения ряда актуальных задач модернизации системы образования, связанных с обеспечением:

- соответствия содержания образования культуре своего времени;
- соответствия способов образования современному уровню культуры;
- соответствия содержания и способов обучения и образования психолого-возрастным особенностям обучающихся;
- условий формирования системного мышления и мировоззрения обучающихся, позволяющих осуществлять осознанный выбор жизненного пути и обрести в конечном счете подлинный смысл своего существования на основе способности к диалогу, толерантности, открытости современному научному знанию.

Иными словами, образование нуждается в обретении культурологического смысла. Это наилучшим образом согласуется и с идеями практико-ориентированного подхода, направленного на формирование социальной компетентности обучающихся как «потенциальной готовности решать задачи со знанием дела» [Умникова 2005 : 3–8].

Безусловно, всего этого невозможно достигнуть, если рассматривать культуру как «довесок» к учебному процессу, а не системообразующий фактор, пронизывающий и определяющий его содержание. Поэтому простое количественное увеличение учебных часов на изучение культуры и искусства, часто рассматриваемое как «приобщение к культуре», не имеет отношения к реализации культурологического подхода в образовании. К сожалению, проблема упрощенного толкования некоторыми руководителями образовательных учреждений этого понятия все еще имеет место и нуждается в дальнейшем обсуждении.

Дело в том, что культурологический подход в образовании предполагает выбор стратегии системных изменений, затрагивающей все элементы системы образования, педагогической системы образовательного учреждения и системы управления.

Этапами развития культурологического подхода в образовании были:

- введение образовательного предмета «Культурология» в учебные программы всех высших учебных заведений России;
- разработка Министерством образования РФ нового содержания ряда учебных дисциплин на культурологической основе;
- утверждение Базисного учебного плана Свердловской области, национально-региональный компонент которого построен на культурологических принципах;
- разработка и утверждение ГОС (национально-региональный компонент) Свердловской области, ориентирующего образовательные учреждения на соз-

дание целостной модели образования, основанной на системном знании как важнейшем элементе культуры личности.

Пионером в реализации и развитии культурологического подхода в образовании в Уральском регионе по праву является Муниципальное общеобразовательное учреждение высшей категории «Гимназия № 212 г. Екатеринбурга», созданное в 1992 году практически сразу вслед за открытием в Москве первого в стране общеобразовательного учреждения аналогичного профиля. В 2000 году впервые была проведена региональная научно-практическая конференция «Культурологический подход в образовании», которая, став традиционной, уже в 2001 и 2003 годах обрела статус всероссийской. Целью этих конференций стало осмысление основных проблем и тенденций, а также обобщение опыта реализации культурологического подхода в образовании г. Екатеринбурга, Свердловской области, всего Уральского региона и других городов России.

Культурологическая модель школы стоит на стыке двух ключевых наук нашего времени – социологии и педагогики – и базируется на философском отношении к культуре.

Каковы же должны быть основные черты такой модели школы?

- Во-первых, открытость современному научному знанию;
- во-вторых, главной целью обучения должны быть не количественные характеристики знания, а качественные характеристики интеллекта ученика, такие, как умение работать с новой информацией, самостоятельно решать проблемы собственного «знания – незнания» и т. д.;
- в-третьих, способность к диалогу, толерантности и т. п.;
- в-четвертых, гуманистические отношения субъектов образования [Назипов 2003 : 14–17].

Еще одной особенностью культурологического подхода в образовании является обретение целостной интуитивно-смысловой причастности субъекта к постигаемому предмету.

Говоря о моделях культурологических школ, на наш взгляд, необходимо заострить внимание читателей на функциях современной гимназии в контексте культурологической парадигмы.

Сохраняя свои лучшие образовательные и воспитательные традиции, современная российская школа не должна ограничиваться воспитанием лишь двух типов граждан – производителей и потребителей. Свободный гражданин мыслит, творит, верит, помогает, страдает, защищает, жертвует, а не только производит и потребляет.

«Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года» определила, что сегодня нашему развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию, обладают чувством ответственности за судьбу страны, за ее социально-экономическое процветание» [Концепция модернизации ... 2002].

В связи с этим важной задачей образования представляется формирование у современной личности системы значимых ценностей и новых жизненных установок.

Вероятно, в ближайшие годы еще острее встанет и проблема личной ответственности за свои действия, поскольку, как показывает опыт развитых стран Запада, государство все меньше и меньше вмешивается в действия граждан, в определение принимаемых ими решений. Личность сама в ответе за то, что она предпринимает в своих действиях и как решает стоящие перед ней проблемы. Вопрос ставится иначе: на принятие решений, на успешное функционирование личности во многом будет влиять тот багаж, который она получила в ходе своего развития, то есть формирование той же ответственности, способности самостоятельно принимать решения и будут определять социальные институты, к которым мы с полным основанием причисляем современную гимназию [Формирование толерантной личности ... 2004].

Уникальный опыт культурологического образования представлен в разнообразных программах, учебных курсах и технологиях, реализуемых в гимназиях Екатеринбурга и Свердловской области.

Так, в Екатеринбурге активно внедряются авторские учебные программы, направленные на диалогизацию обучения, развитие восприятия, воображения, продуктивного мышления, творчества, эмоциональной сферы учащихся. Среди них образовательная программа «Образ и мысль», которую успешно применяют в своей педагогической практике учителя И.В. Семенина (ОУ № 77), Е.А. Кельбас (ОУ № 67), И.Н. Глазкова (ОУ № 99) Орджоникидзевского района, О.Ю. Загайнова (ОУ № 177) Чкаловского района и многие другие. На основе программ для детей дошкольного возраста «Восточка» и «Наследие» воспитатель детского сада № 317 О.М. Иванова организует занятия кружка «Горница», где в сюжетно-ролевых играх проживается целый исторический период, осваиваются элементы русских народных художественных ремесел. В ДОУ № 317, 253, 308, 569, 126 и многих других детских садах города средством приобщения к культуре становятся русские народные праздники. Формированию личности, обладающей коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенциями, способствует программа «Школьник и театр», которая в течение последних лет была апробирована в гимназии № 5 Ленинского района.

Образовательная программа «Русь мастеровая» Дома детского творчества Ленинского района поддерживает и освещает многообразные учебные программы по освоению традиционной культуры в системе внешкольного и дополнительного образования.

Авторская программа учителя ИЗО и черчения гимназии № 120 Ленинского района Л.А. Банных «Техническая графика и основы художественного конструирования» становится конкретным инструментарием по освоению учащимися закономерностей искусственного мира, созданного человеком, – мира архитектуры и дизайна.

На аксиологический результат направлены и формы организации образовательного процесса. Интегрированные уроки «Русская старина» (учитель русского языка и литературы Т.К. Коптяева и учитель истории Н.А. Астахова, ОУ № 44), «Вокруг света под Андреевским флагом», «Серебряный век в русской

культуре» учителей истории, географии, литературы, ИЗО, математики МОУ СОШ № 50 формируют ценностное восприятие мира, культуры, понимание связей между предметами.

Программа «Средний Урал: пространство культурь» помогает педагогам лицея № 110 Октябрьского района дать представление об особенностях жизни людей в данной геокультурной среде, связать жизнь конкретного человека и возможности его творческой самореализации. А экскурсионно-поисковая деятельность позволяет не только осязаемо представить социокультурное пространство, расширяя его до границ области, но и создает реальные предпосылки для освоения региона как целостного историко-культурного образования.

Разнообразие культурно-познавательных потребностей современного горожанина должно осознаваться уже в начальной школе. В связи с этим в курсе «Естествознание» учителя школы I ступени Экологического лицея № 3 Ленинского района, работающего по системе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, вместе с ребятами разрабатывают своеобразную карту наблюдения и изучения культурно-образовательных центров города. Особое значение приобретает умение учащихся проводить самоанализ посещения того или иного учреждения культуры, осознавать, насколько были достигнуты цели, которые ставил ребенок, участвуя в его работе.

Помочь старшеклассникам сориентироваться в современном социокультурном пространстве, обрести собственное место в обществе призвана программа «Художественная культура Урала», которая включена в учебный план большинства общеобразовательных учреждений Екатеринбурга.

Изучение педагогического потенциала российского гимназического образования позволило учительскому коллективу гимназии № 211 сформулировать шесть классических идей, которые легли в основу модели их образовательного учреждения.

Из года в год растет участие детей в культурно-образовательных путешествиях по родному краю и странам ближнего и дальнего зарубежья, реализуются так называемые «погружения в культуру» изучаемой исторической эпохи или страны. Так, в общеобразовательных учреждениях № 213, 198, 202 в течение 10 лет организуются учебные поездки учеников 7–8 классов, которые первоначально носили информативный, но впоследствии приобрели обучающий характер. Поездки превратились в учебный проект, суть которого – рассмотрение своеобразия культурно-исторического пространства России с разных точек зрения (истории, архитектуры, культуры, литературы) и постижение истоков, основ русской духовности, менталитета, национальной идеи.

Общеобразовательные учреждения Екатеринбурга находятся в постоянном поиске новых форм, направленных на приобщение подрастающего поколения к художественным ценностям. Стало доброй традицией активное сотрудничество екатеринбургских педагогов с музеем изобразительных искусств. Среди постоянных посетителей – ученики В.В. Субачева, учителя МХК гимназии № 166 Железнодорожного района, воспитанники ДОУ № 103, 104, 407, 145.

Действенным фактором общекультурного прогресса общества становятся иностранные языки. Они открывают учащимся непосредственный доступ к огромному духовному богатству народа, повышают уровень их гуманитарного образования. Большое содействие познанию иноязычной культуры, развитию способ-

ностей межкультурного общения оказывает деятельность городских ассоциаций учителей иностранного языка.

Культурологический подход в образовании находит все больше своих сторонников. Среди учреждений г. Екатеринбурга, имеющих свою концептуальную идею и культурологическую миссию, можно назвать следующие:

– гимназия № 99 – специализируется на гуманитарном направлении и является образовательным учреждением с углубленным изучением иностранного языка;

– гимназия № 210 «Корифей» – занимается продвижением технологий гуманитарного образования, апробируя различные педагогические подходы; внедряет социально-формирующую модель школы, включающую технологии социально-ориентированного образования и др.

– гуманитарный центр «Театр» – реализует модель школы творческого развития и саморазвития личности ребенка в период детства;

– гимназия № 94 – специализируется на подготовке педагогов вероятностного образования в условиях открытых культурно-информационных сред города и др.

Соответствие данных образовательных учреждений статусу гимназии, лицея или центра выражается прежде всего в культурологической направленности содержания образования, формах организации образовательного процесса и, конечно же, в технологиях обучения, среди которых выделяются когнитивные, деятельностные, творческие и аксиологические технологии.

Апробация идей педагогики сотрудничества, направленных на реализацию ведущего культурологического принципа единства объяснения и понимания, системный подход к управлению качеством образования МОУ гимназии № 212 г. Екатеринбурга привели к открытию в 2002 году на ее базе Федеральной экспериментальной площадки по теме «Культурологическая модель образования в средней школе».

Важное место в системе культурологического образования Екатеринбурга занимает и наша гимназия № 108.

Комплексный подход к формированию воспитывающей образовательной среды в гимназии позволяет решать и общие задачи создания механизма развития образования на уровне конкретного образовательного учреждения, и более частные, но не менее значительные, такие как этнокультурное воспитание.

В гимназии обучаются дети 13 национальностей. Для них создана поликультурная образовательная среда, которая способствует становлению социально активной творческой личности, опираясь при этом на культурные, духовные, национальные традиции представленных народов.

Замечательной формой полиэтничного образования является школьный театр. С одной стороны, театр позволяет сфокусировать вокруг себя множество творческих мастерских: историко-этнографический костюм, архитектура, предметы быта в оформлении сцены, музыка и пение, сценическое мастерство, танец. А с другой – ввиду своей познавательной направленности, театр требует от участников серьезной теоретической подготовки. Наличие общей цели сплачивает детей и дает им возможность пожить в образе представителя другой национальности и, как правило, изменяет систему этнических стереотипов.

Здесь успешно ведется тренинг межэтнического общения, широко используется работа с источниками (архивными документами), анализируются фольклор-

ные произведения, расширяется диапазон народоведческих интересов (этноэкология, этнолингвистика, этномузееведение). Наш театр известен не только в городе Екатеринбурге, но и далеко за пределами Уральского региона.

Через организацию культурного досуга мы успешно решаем задачи вовлечения детей и взрослых в различные совместные виды деятельности, создаем условия для общения в объединениях, клубах в процессе реализации творческих проектов.

Так, например, мы создали клуб для родителей гимназии «Счастливая семья», клуб для бабушек и дедушек «Мудрость века – утру жизни», семейный клуб интернациональной дружбы «Радуга», воскресную школу для детей и родителей нерусской национальности, создаем музей народного декоративно-прикладного искусства, где предусмотрено знакомство детей с народными промыслами, декоративно-прикладными видами искусства, творчеством национальных художников и музыкантов, а также исполнение народных песен и танцев.

В образовательном процессе также находит применение модульная структура национально-регионального компонента. Отдельные темы, отражающие этнокультурное своеобразие, интегрированы в учебные дисциплины, например: «Музыка» – народные песни славян и народов Кавказа; «Изобразительное искусство» – китайская живопись, гжельская роспись и т. д.; «Технология» – украшение костюма, резьба по дереву; «Физкультура» – народные игры, спортивные игры разных народов.

В июне 2005 года мы приняли участие в I Международном форуме «Русский язык вне России: лингвистический и социально-педагогический аспекты взаимодействия культур», который проходил в Берлине.

В августе 2005 года научно-исследовательский проект «Социально-педагогические условия развития толерантной личности в полиэтнической образовательной среде» был поддержан на совместном заседании ученого совета Федерального государственного учреждения «Институт семьи и воспитания» и международной научно-исследовательской лаборатории «Ученые, педагоги – практикам Европы».

Таким образом, изучение источников по истории гимназического образования в России и современной практики многих образовательных учреждений повышенного статуса Екатеринбурга и Свердловской области показывает, что гимназия в российской образовательной традиции – это школа, которая прежде всего воспитывала поколения культурных и образованных граждан.

Большинство гимназий и лицеев наших дней имеют выраженную культурологическую доминанту. Налицо становление культуры отношений (педагогических, межличностных, социальных), поддерживаемых и постоянно обогащаемых на основе единства целей, ценностей и традиций каждой школы и социокультурной специфики территорий Уральского региона.

При таком подходе к развитию гимназического образования на региональном уровне социальный резонанс может быть выражен в реализации сетевых образовательных проектов, которые позволят использовать ресурсы образовательных учреждений высшей категории для развития региональных систем образования.

Учитывая сложившуюся многолетнюю практику регионов Урала по развитию гимназического образования, наличие системы образовательных учреждений данного типа, кадровый научно-технический и академический потенциал крупных городов, можно считать целесообразным создание единого проекта гимназического образования, связанного с разработкой и использованием научно-методической продукции в целях совершенствования культурологического подхода в образовании.

Библиографический список

1. Бабошина, Е.Б. Целевые ориентиры базовых моделей образования в профессиональной подготовке учителя как условие сохранения культурно-педагогического наследия / Е.Б. Бабошина // Культура. Власть. Общество: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург 10–11 декабря 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – 154 с.
2. Бенин, В.Л. Мозаичность культуры – новый фактор, определяющий динамику образования / В.Л. Бенин, Е.Д. Жукова // Образование в Уральском регионе: научные основы развития: тез. докл. IV Научно-практической конференции, Екатеринбург, 20–21 февраля 2006 г. – Екатеринбург: Изд-во рос. гос. проф.-пед. ун.-та, 2006. – 651 с.
3. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век / В.С. Библер. – М., 1991.
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Директор школы. – 2002. – № 1. – С. 97–126.
5. Назипов, Р.М. Культурологическая модель образования: способы ее реализации в средней школе / Р.М. Назипов // Культурологический подход в образовании: материалы III Всероссийской научно-практической конференции 1 марта 2003 года. – Екатеринбург, 2003. – 176 с.
6. Умникова, Е.Л. Культурологический подход в образовании: состояние, проблемы и перспективы развития в образовательных учреждениях г. Екатеринбурга / Е.Л. Умникова // Культурологический подход в образовании: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 26 февраля 2005 года. – Екатеринбург: Гриф, 2005. – 312 с.
7. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде: учебное пособие / В.Н. Гуров, Б.З. Вульф, В.Н. Галяпина и др. – М., 2004. – 240 с.

ФИЛОЛОГИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ДОМИНИРУЮЩЕГО ВОКАТИВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А.Д. Васильев

Слово, эволюция, сжатый образ, лингвокультурный феномен, вокатив, господин, гражданин, товарищ, социокультурная парадигма.

Роль слова как социально важного знака специфическим образом воплощается в семантике и прагматике официально доминирующих в обществе вокативов.

Обращение самым сжатым образом выражает социокультурную парадигму санкционированных межличностных отношений. Вокативы весьма удачно манифестируют в конкретных лексемах компоненты универсальной семиотической оппозиции 'свой' / 'чужой', изменения которых почти в равной степени сигнализируют о социальных переменах и стимулируют их.

Так, во Франции после термидорианского переворота гибель республики (точнее – её уничтожение) начинается «с каких-то мелочей, которым не придавали никакого значения... Воскресло в разговорном обиходе слово «мадам». ...Вслед за «мадам», сначала робко, потом все увереннее, в разговорную речь вкралось слово «месье» – господин. В течение некоторого времени обе формы обращения как бы сосуществовали – «гражданин» и «господин». В официальных бумагах еще долго сохранялось строгое «гражданин». Но в повседневном обращении его употребляли всё реже... Казавшаяся иным столь невинной игра в новые словечки – «госпожа» вместо «гражданка», «господин» вместо «гражданин», «император» вместо «консул» – была доведена до конца... Вслед за ними была вычеркнута из французского словаря и давшая им жизнь «республика» [Манфред 1986 : 375, 443]. Конечно, вряд ли возможно говорить о полном совпадении лингвокультурных феноменов в разных странах и в разные исторические периоды, однако некоторые схожие черты усматриваются в эволюциях ряда русских вокативов: *господин, гражданин, товарищ*. Дополнительные сведения об эволюциях этих слов в функции вокативов можно получить при рассмотрении этапов их динамики в истории русского языка.

Существительное *господин*, известное по древнерусским письменным памятникам, по крайней мере, с XII в., использовалось как обращение (конкурируя на начальном этапе с существительным *государь*), по некоторым данным, не позднее чем с XIV – XV вв. К XVIII в. *господин* становится – и в течение этого столетия укрепляется, параллельно развивая многозначность, – уже традиционным

вежливым обращением, но при этом обычно ограниченным статусом адресата (он должен принадлежать, хотя бы по внешним признакам, к числу дворян и (или?) людей образованных).

Такое положение сохраняется прежде всего в официально-коммуникативной сфере почти вплоть до октября 1917 г.; затем исторически чуть ли не моментально слово архаизируется, служа лишь обозначением «чужих» (явных либо скрытых внутренних и внешних врагов) и обретает определенные коннотации (отенок иронии и под.). Торжество реформ в начале 1990-х извлекает из архивов языка слово *господин*, почти окончательно, казалось бы, ушедшее в сферу ограниченного употребления как вокатив, и делает его – особенно в роли обращения – одним из вербальных символов эпохи перемен. Но и теперь этот вокатив может быть применен далеко не ко всем обитателям РФ: его адресация довольно четко ограничена принадлежностью к кругу «владельцев заводов, газет, пароходов» и их обслуживающего персонала (в целом предпочитающих именовать себя и себе подобных «элитой»).

Существительное *гражданин*, известное по текстам памятников уже с XI в. и также приобретшее разветвленную многозначность, активно начинает выступать в функции официального (и затем даже «заофициализированного») обращения с 1917 г., оставаясь таковым не только в годы Советской власти, но и после её падения. Однако и сегодня вряд ли возможно оценивать этот вокатив как абсолютно общепринятый и повсеместно распространенный: препятствия оказываются, по-видимому, укорененность его в сугубо специфических коммуникативных сферах и ситуациях, и (хотя бы даже в малой степени) рудименты представлений о высокой социальной роли гражданина, о не изжитом пока ещё пафосе *гражданского долга* (который в «гражданском обществе» сводится главным образом к аккуратной уплате налогов, а в последние годы – как и в советские! – чуть ли не совсем вытесняет конституционное **право гражданина** участвовать в выборах органов власти) и о прочих нерыночных реалиях.

Существительное *товарищ* отражается в древнерусской письменности довольно поздно, с XIV в. Не сохранилось документальных свидетельств (по XIX в. включительно) о его использовании в роли официального вокатива; таковым оно становится лишь в начале XX в. Советская лексикография четко фиксирует его эволюцию: от стадии обращения к «своим» (с учетом незатухающей классовой борьбы) до неограниченной употребительности (в свете окончательной и бесповоротной, как казалось тогда, победы социализма). Сегодняшний же его уход в пассив – точнее, может быть, удаление пропагандистскими усилиями, включая и почти подчеркнутый отказ верхов российского общества от использования вокатива *товарищ* и их поголовное вступление в ряды *господ*, – законодательно тоже не инициировано. Однако этот, исторически столь же молниеносный поворот в судьбе слова явился знаменем триумфа новой (или, может быть, несколько модернизированной) социокультурной парадигмы; произошел переход от всеобщего равенства *товарищей* (иногда, наверное, имевшего декларативный характер) к откровенно афишируемому приоритету *господ* – о *гражданах* же теперь вспоминают, кажется, в случае необходимости.

Судьбы слов *господин*, *гражданин*, *товарищ* – и как официальных вокативов – дают возможность иллюстрировать некоторые важные общетеоретические

положения, в первую очередь о социальной природе языка и его имманентной идеологичности, по мере надобности используемой в чьих-то групповых интересах.

Слова принадлежат к инструментам общественной деятельности [Дорошевский 1973 : 51] – и при этом «слова суть символы» [Булгаков 1953 : 26]. Справедливо, что затухание в массовом сознании определенных динамических стереотипов (то есть заключенных в психике личностей зарядов потенциальной энергии весьма значительной силы и широкой шкалы общественного воздействия) связано с социальными переворотами [Дорошевский 1973 : 136]. Но то же самое приложимо и к феномену возникновения и актуализации многих лексико-фразеологических единиц. И поскольку эти динамические стереотипы имеют (или могут иметь, при условии их осмысленного восприятия) вербальную выраженность, то об их отмирании либо, напротив, зарождении свидетельствуют эволюции слов, одновременно и сигнализирующих о социальных сдвигах, и служащих их импульсами и катализаторами.

Специфическая роль официально доминирующих вокативов обуславливается их статусом как сконцентрированных экспликаций воли правящего класса: «приходя к власти и уничтожая культурные ценности своих предшественников, каждый класс тем самым может для следующих поколений, по крайней мере, уничтожить, изгнать из словаря, языка названия этих ценностей» [Баранников 1919 : 76]. Собственно, при этом малопринципиальными оказываются те или иные конкретные формулировки лозунгов, начертанных на знаменах победителей: модальная сущность их действий довольно однотипна (см. стихотворение М. Волошина «Государство»). Так, рассуждая о состоянии «человеческого субстрата» (под которым подразумевается «экономически предопределенный коллектив, нуждающийся в единообразном языке и потому всегда фактически и достигающий именно в своих пределах языкового единообразия»), Е.Д. Поливанов в 1928 г. говорит, что современный ему языковой стандарт («общерусский язык революционной эпохи») находится «на пути к будущему признаку бесклассовости» [Поливанов 2001 : 310] – и это в условиях конституционно гарантированной тогда диктатуры пролетариата.

Через несколько десятилетий (причем, учитывая обилие исторических событий, «пронеслось непомерное пространство времени», по выражению А.Н. Толстого) по-прежнему актуальна проблема отношения слов к идеологическому, классовому мировоззрению. «Является ли господствующий класс также господствующим в отношении языка? Если класс-гегемон – как это признано – диктует другим классам и слоям правовые и этические нормы, то распространяется ли это также на язык?» [Комлев 2003 : 107, 121]. По-видимому, и для самого цитируемого автора эти вопросы оправданно имеют по преимуществу риторический характер: «В условиях нашей страны, где сейчас осуществляется становление правового государства, а значит, и юридического равенства классов в государственном устройстве, напрашивается логический вывод о языковом равноправии классов. Допустим, что языки классов равноправны, но равны ли они в действительности?» [Комлев 2003 : 121]. Понятно, что, какие бы декларации ни тиражировались, подоплека действий любого властвующего социального слоя (класса) однотипна: укрепление всеми доступными способами своего господства

и недопущение прочих к рычагам управления («кормилу власти»). Закономерно, что эти феномены универсальны: идет ли речь о совершенном социальном равенстве, манифестированном вокативом *товарищ*, или об откровенном уничтожении этого равенства, воплощаемом вокативом *господин* (в котором, кстати говоря, можно увидеть и результат «обезьяньего пристрастия самозванных “элит” к самолюбванию» [Колесов 2004 : 204]).

Столь же закономерно, что для введения в широкий оборот какого-либо вокатива в статусе доминирующего вовсе не обязательны официальные декреты, указы или иные законодательные акты. Члены общества (каждый – в силу своих причин) более или менее осознанно, и совсем не только из конформистских соображений, станут принимать, в той или другой степени охотно, навязываемые им «правила игры», то есть публичного речевого поведения и общественных отношений. Среди побудительных мотивов не последнее место наверняка занимает легкодоступность такого способа подражания высшим социальным слоям и попытки собственного приобщения к ним – хотя бы на словах (оставаясь на деле всецело зависящими от «элитных групп» «равноправными гражданами»).

Библиографический список

1. Баранников, А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы / А. Баранников // Уч. зап. Самарского университета. – Самара, 1919. – Вып. 2. – С. 64–80.
2. Булгаков, С.Н. Философия имени / С.Н. Булгаков. – Paris, 1953.
3. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – М., 1973.
4. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб., 2004.
5. Комлев, Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев. – Изд. 2-е. – М., 2003.
6. Манфред, А.З. Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред. – 4-е изд. – М., 1986.
7. Поливанов, Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня / Е.Д. Поливанов // Международный научный семинар «Е.Д. Поливанов и его идея в современном освещении». – Смоленск, 2001. – С. 302–312.

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ХАКАСОВ

С.П. Васильева

Гендерные оппозиции, топонимическая картина мира, хакасы, ментальность, пространство, ландшафт, семантические подгруппы.

Под понятие КМ подводились в разное время и разными мыслителями «видение мира», «понимание вещей и событий», «идеология», «художественные представления разных культурных ценностей», «национальное восприятие окружающего мира» и т. п. [Уфимцева 1988 : 118]. В то же время, по замечанию Ю.Н. Караулова, «картина мира» продолжает оставаться на уровне метафоры [Караулов 1976 : 276]. За последние тридцать с небольшим лет произошли позитивные, на наш взгляд, изменения в поисках способов описания картины мира, накоплен опыт. «При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. При этом заведомо предполагается, что человек отражает эту действительность правильно и так же правильно эта действительность выражается в языке» [Серебренников 1988 : 87]. Вопрос об отображаемости первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека. «Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира» [Колшанский 1990 : 15]. Картина мира – это не зеркальное отражение мира, судя по разнообразию интерпретаций. Подлинно адекватный глобальный и целостный образ мира может создать только коллективный субъект в процессе всестороннего постижения внешнего мира, созидая общую картину мира, в которой снимаются все нюансы индивидуального мировосприятия. Нельзя не учитывать, что каждый отдельный субъект является «автором» своего видения, своей модели мировосприятия. Субъективизм в построении модели мира снимается, когда картина мира реконструируется на основе данных языка, как ЯЗЫКОВАЯ картина мира. Обращение (или возвращение, вспомните А.А. Потебню) русистики к принципам антропоцентризма, развитие идей антропоцентризма произошло в последней трети XX в. Развитие идеи антропоцентризма на русской почве относительно американской и европейской лингвистики (Лакофф, Вайсгербер и др.) заключается в обращении к духовности и психологизму отражаемого в языке сознания, т. е. языковой ментальности.

В.В. Колесов и его последователи оперируют понятием ментальности, определяемой как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества наци-

онального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004 : 15]. Близок к нему по определению ментальности Н.К. Фролов: «Под **ментальностью** обычно подразумевают образ мыслей, совокупность знаний, умений, навыков, нравственных установок конкретной личности, народности, нации, этнической общности» [Фролов 2004 : 3 (выделено Н.Ф.)].

По мнению Ю.С. Степанова, язык «создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 2002 : 15]. Человек отражен в языковой картине мира со всей его динамичностью, как деятель и преобразователь. Ему свойственно выполнять три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые; ему свойственны также определённые состояния – восприятие, желания, мнения, эмоции и т. п. В языковой картине мира отражены его реакции на внешние или внутренние воздействия [Апресян 1995 : 39–40].

Восприятие человеком окружающего пространства ярче всего выражено в топонимии.

В этом случае можно говорить о **ТОПОНИМИЧЕСКОЙ** картине мира как части языковой картины мира, т. е. совокупности стереотипов восприятия и отражения физико-географических особенностей ландшафта, а также различных впечатлений от географических объектов, связанных с национальной ментальностью. В книге «Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира» мы отмечали, что в восприятии и репрезентации представлений человека о самом себе значительное место занимает гендерный фактор – отражение в названиях специфически *мужского* и *женского* начал. В лингвокультурологии были предприняты попытки описать проявления гендерного фактора по данным паремий [Телия 1996 : 260–269; Кирилина 1997; Шишигина 2006 : 82–86]. В топонимии реализация обобщенных образов мужчины и женщины описана Е.Л. Березович. Ею отмечена довольно яркая прорисовка образа женщины (бабы) в структуре географического пространства с его анатомическими деталями, что предполагает номинативное авторство мужчины. Раритетность мужских названий объясняется тем, что «мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни с её бабьими прудами, ручьями и болотами, поэтому номинации, задействующие образ мужчины, обладали бы недостаточными дистриктивными возможностями» [Березович 1998 : 46]. Нами осуществлена попытка представить идеографическое поле **'Гендерные отношения'** в топонимии Приенисейской Сибири. Оно состоит из двух семантических полей: *Образ мужчины*, *Образ женщины*, топонимы которых реализованы главным образом в номинативных моделях посессивной и метонимического переноса. К числу ядерных топонимов семантических полей относятся географические названия от мужских и женских имен, отчеств, фамилий, прозвищ, выражающих отношение принадлежности к месту. На периферии находятся географические названия, обозначающие отношения к *бабе*, *девице*, имеющие коннотацию *близости* к деревне (например, Бабья купальня, Бабий пруд).

Женские имена используются в создании русской микротопонимии, ойконимии, гидронимии. В сравнении с мужскими, среди женских отантропонимических названий, кроме посессивной модели, актуализирована модель переноса имени или прозвища на географический объект (например, урочище Ирина).

Женские антропонимические названия в русской топонимии считаются более поздними. Женское имя в русской топонимии свидетельствует о выдвигании женщины в связи с потерей мужа (вдовство) или его болезнью, неспособностью кормить семью. Например, названия на -иха обозначают жену по имени или фамилии мужа, мать семейства, жену или вдову (например, поля Андрониха, Гордеиха) [Васильева 2005].

Целью данной статьи является описание гендерного фактора в топонимической картине мира хакасов, проживающих на сопредельных территориях и оставивших свои названия с давних времен на территории юга Красноярского края.

Источником материала для наблюдений послужили Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края В.Я. Бутанаева [Бутанаев 1995], Словарь оронимов Хакасии Р.Д. Сунчугашева [Сунчугашев 2001].

Чтобы представить себе причины гендерных особенностей хакасских топонимов, следует знать специфику духовной культуры народа и традиционных верований. Хакасы придавали большое значение общим молениям. Во время моления в жертву приносилось нечетное количество белых ягнят с черными головами. Женщины, шаманы и дети к обряду не допускались. Женщинам также запрещалось прикасаться к лошадям, посвященным изыхам – духам-покровителям домашних животных. У хакасов существовал культ тёсей – семейных родовых покровителей, воплощением которых считались их изображения, им молились, чтобы их задобрить, имитировали их кормление. Обряды совершались при участии шамана. Официально хакасы в XIX в. были крещены в православие, но до сих пор придерживаются традиционных верований.

Реализация гендерной оппозиции *мужской – женский* обнаружена в 59 хакасских географических названиях. Противопоставление выражается в наличии географических названий от имен существительных, обозначающих мужчин и женщин, в рамках семантических групп: по возрасту, по семейному положению, по социальному положению, по физическим данным, по роду занятий.

Прежде всего коррелируют топонимы, связанные с антропообразными древними каменными идолами-истуканами: девушки – хыс, мужчины – кізі [Жевлов 1984 : 11]. Исследователи отмечают важную роль в формировании хакасской топонимической системы фактора «земельного утиснения», при котором использовался каждый участок земли и источник обводнения. При этом возникали хакасские названия, включающие имя человека, например: о-в Онхак (назван по имени хакаса), кл. Мекей Шулу (ключ человека по имени Мекей), лог Мамат Холы (лог человека по имени Мамат) и др. [Жевлов 1984 : 19]. Антропонимы в составе оронимов отмечает Р.Д. Сунчугашев: Ах пастигей (Аск.) (здесь первым поселился человек по имени Ах пас. От него произошли Ахпашевы), Пидес орамы (Аск.) (овраг Пидеса – здесь первым поселился Пидес Угдыжеков), Абатай таг (Аск.) (существует предание о происхождении названия этой горы: влюбленный Абатай сделал девушке предложение, но она ответила так: «Если ты верхом на коне проскачешь вниз по склону этой горы, я стану твоей женой». Поскакал Абатай и разбился. В память этого события гору назвали Абатай). Приведенные названия-посессивы характерны также и для русских топонимов, образованных от мужских имен, как мы уже отмечали ранее. Легенды о трагических событиях (Абатай и др.), связанных у хакасов с мужчиной, в русской топонимии

характерны в большей степени для топонимов, образованных от женских имен (ур. Марьяна Береза – Марья повесилась).

Рассмотрим выделенные нами семантические подгруппы хакасских топонимов.

По возрасту, мужчина и женщина старшего возраста: *старик* – *старуха*; Апсахташ – старик-камень, каменное изваяние, почитаемое место; гора Апчагыс – старичок; *старуха* – гора Индей киндик – старушечий кендюх (Шир.); гора Иней тас – старуха-камень (У. – Абак.); гора Иней Тигей – старуха-вершина (по р. Немир); гора Иней хайа – старуха-скала (Аск.); гора Кадай (Хадай Таг) – Старушечья гора (Таш.); гора Хуртуйах (Хуртуйах Тас) – Старушечья гора (Аск.); лог Хуртуяк Хол (Хуртуйах Хол) – Старушечий лог – здесь стояло каменное изваяние старухи (Аск.); гора Эней-Кочик (Эней Кочиги Хайазы) – Скала старухи Эней-Кочик. – На этой горе жила ясновидящая старушка, которую каждый охотник одаривал куском мяса.

Номинации, представленные в оппозиции *старик* – *старуха*, отличает обозначение почитаемых мест. В количественном отношении сохранилось больше названий от женских наименований *старуха*, *дева*, *баба*, их сопровождает множество легенд, в которых героиней оказывается женщина. Более сдержанно легенды отражают поступки и судьбы мужчин. Однако большое количество названий содержат имена мужчин, охотников и скотоводов, или орудий охоты: Хуртан Хол – по имени владельца участка (Бей.); лог Айалыг хол – лог, где традиционно устанавливался самострел для охоты на коз, кабаргу, медведя (Аск.).

Оппозиция, представляющая молодой возраст: *парень* (*мальчик*) – *дева* (*баба*); гора Оолхая (Оол Хайа) – парень-скала (Аск.); ручей Оол – Чохтаджан, пр. реки Анзас (Оол Чохтачан Чулат) – Ручей, по которому поднимаются парни (Таш.);

мальчик – гора Оолахтаг (Оолах Таг) – мальчишечья гора (Орд.); гора Оолах Тасхыл (Оолах Тасхыл) – мальчишечий голец (Шир.);

дева – река Аскиз (Голодная дева) – по легенде; гора Ушкыс (Уш Хыс Таг) – Гора трех дев (Таш.); Кыс-кюзе (Хыс Кюзее) – каменное изваяние Девичье (Аск.); Кыс-обаа (Хыс Обаа) – каменная дева (Шир., У.-Аб., Богр.); гора Хыс-тури (Хыс Тури) – девичья стоянка (Шир.); гора Хыспынах или Кыз-каскал (Хыспанах) – девичья (Орд.); лог Хыстар-хол (Хыстар Хол) – Девичий лог (У.-Аб.); гора Читы-хыс (Чити Хыс) – Семь дев (Шир.); ручей Чити-хыс-чул (Чити Хыс Чулы) впадает в озеро Ошколь – ручей семи дев;

баба – Иней-Обаа (Каменная баба), каменное изваяние (Алт., У. Аб, Бей.), «изображение животных и человеческих личин в камне находит объяснение в религиозных взглядах хакасов. С религиозным мировоззрением связаны топонимы с лексемой обаа «камень на кургане», «груда жертвенных камней в честь духа горы» [Жевлов 1984 : 11]; Иней тас (Каменная баба) – место, где совершает моление род кыргыз (У.-Аб.); Хуртуях Тас Чолы (Дорога каменной бабы) – название остатков крепостной стены, принимаемой хакасами за мифологическую дорогу каменного изваяния; гора Чабалхат-тигей (Чабал Хат Тигей) – высота плохой бабы (У.-Аб.). Женские названия встречаются там, где стояли каменные идолы (бабы), почитаемые как религиозный символ, предмет поклонения. В этом случае отмечаем, как и в русской топонимии, наличие модели метонимического переноса –

названия гор по находящимся там идолам (бабам), имеющим женский лик. Отличие заключается в том, что в русской топонимии перенос осуществляется непосредственно «антропоним – топоним» (например, река Ангутиха).

Семейные отношения отражаются в названиях, образованных от имен существительных, обозначающих родственников: *отец, мать, дитя, вдова, невестка, приемыш*.

Отец – гора Большой Аталык (Отцовская); *мать* – река Иней – (Иней Суг) – Материнская река, в честь легендарной матери двух братьев Сыгда и Сыбы-Иней, прародителей рода иргит. Они отстаивали независимость во время монгольского нашествия (У.-Аб.); гора Иней-таг (материнская гора) – родовая гора Мойнагашевых, здесь ежегодно проводились моления, в 1956 г. её частично взорвали; гора Иней-тигей – материнская вершина (Аск.); река Ижа, л. пр. реки Абакан (Таш.); река Иджа, п. пр. реки Шуш (Шуш.); гора Энейтаг (Эней Таг) – материнская гора, культовое место (Орд.); *дитя (ребенок)* – аул Усть-Кындырла (второе название – Олган Ылгачан Холл) – Лог плачущего дитя. Вечером на красный закат солнца слышен плач ребенка (Бей.); гора Хасха Балазы (Хасха Палазы Таг) – гора ребенка из рода хасха (У.-Аб.);

вдова – гора Тулга Пасчан (Тулга Пасчан Таг) – вдовая гора (Аск.);

невестка – озеро Келинколь (озеро невестки) – культовое место, куда запрещается приходить невесткам (русское название Круглое) (Шар.); ручей Килень-Башпах – молодая невестка; *приемыш* – река Киргенек (приемыш), пр. реки Она (Таш.) – в номинации притока использована проекция семейных отношений на природные явления, в результате появилась метафора Приемыш.

Социальные отношения выражены в обозначении женщины: *госпожа* – река Кадым (Хадым) – госпожа (Орд.); река Кануи (Кур.), река Катый (Хатын) – госпожа (Бир.). В номинации некоторых рек отражается олицетворение природных явлений, почтительное отношение народа к реке как госпоже.

Физические данные мужчины и его деяния отражены в именовании: *богатырь* – гора Алып-Кодирген – скала, поднятая богатырем; Алып Пасхан Курген – курган с богатырской надписью; гора Алыштас – богатырский камень; гора Алып-тепкентас – камень, который пнул богатырь; гора Алып хапхан – скала, поднятая богатырем.

В хакасской топонимии мужские наименования связаны с обозначением гор, т. к. горные нагромождения вызывают представления человека о том, что здесь порезвился богатырь.

Род занятий: *шаман* – гора Шаман (хак. Хам Таг) – шаманская гора (Таш.); гора Чити пугтыг Хам таг – семиногая шаман-гора; гора Шаман (Богр.); гора Хамея – шаманская (Идр.); гора Хам Таскыл – шаманский голец в верховьях реки Томь, где покоится знаменитый хакасский шаман Хазыр-Бюгюр; гора Хамнан Таг – камлающая гора (Аск.); река Александровка (хак. Хамнаачы Суг) – камлающая река (Таш.); гора Камных (Хамныг Таг) – шаманская гора (Мыс.); река Камзас (Хам Суг) – шаманская река (Таш.); гора Хам Хая (Хам Хайзы) – шаманская скала (Аск.); гора Кам камнаджан-таг (Хам Хамначан таг) – гора, где камлает шаман – место жертвоприношений арбатских шаманистов.

В названиях гор отражены традиционные действия шаманов, камлание, горы внушали священные чувства – присутствия духов, тайных сил, жертвоприношений.

Таким образом, топонимическая картина мира хакасов имеет общие черты с топонимической картиной мира русских, проявляющиеся в наличии общих основных номинативных моделей: посессивной и метонимической. Специфика топонимической картины мира хакасов заключается в отражении анималистических представлений человека, в олицетворении природных явлений и географических объектов, надлении их человеческими качествами и приписывании им человеческих поступков (*приемыш* – о притоке, *госпожа* – о реке и др.). В топонимии Хакасии отразились традиционные верования и мифология народа. Происхождение многих топонимов связано с обозначением священных мест и шаманских действий.

Библиографический список

1. Березович, Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования: монография / Е.Л. Березович; УрГУ. – Екатеринбург, 1998. – 338 с.
2. Бутанаев, В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края / В.Я. Бутанаев; отв. ред. И.Н. Гесуев; Лаборатория этнографии НИС ХГУ им. Катанова. – Абакан: УПП «Хакасия», 1995. – 267 с.
3. Васильева, С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира / С.П. Васильева. – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – 240 с.
4. Жевлов, М.А. Топонимия Хакасско-Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Жевлов. – Алма-Ата, 1984. – 24 с.
5. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография: монография / Ю.Н. Караулов; Ин-т русск. яз. АН СССР. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
6. Кирилина, А.В. Женский голос в русской паремииологии / А.В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1997. – № 3. – С. 23–26.
7. Колесов, В.В. Язык и ментальность: монография / В.В. Колесов. – СПб., 2004. – 240 с.
8. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский / под ред. А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
9. Серебренников, Б.А. Язык отражает действительность или выражает её знаковым способом? / Б.А. Серебренников // Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постонова и др. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
10. Сунчугашев, Р.Д. Оронимия Хакасии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Д. Сунчугашев. – М.: Ин-т русск. яз. АН СССР, 1999. – 22 с.
11. Сунчугашев, Р.Д. Словарь оронимов Хакасии. – Абакан, 2001.
12. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, грамматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – С. 260–269.
13. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: монография. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
14. Фролов, Н.К. Лексико-семантические типы топонимизированных географических апеллятивов в русских диалектах Тюменского Приобья / Н.К. Фролов // Аспекты вузовской русистики. – Тюмень, 1998. – С. 17–24.

15. Фролов, Н.К. Духовная основа русской ментальности / Н.К. Фролов // Славяно-русское духовное пространство в Сибири: мат. XXVII Межрегион. научн.-практич. конф. В 2 ч. – Тюмень: Изд. ТГУ, 2004. – Ч.1. – С. 3–7.
16. Шишигина, О.Ю. Вербализация концепта «женщина» в английской фразеологии: учеб. пособие / О.Ю. Шишигина. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 140 с.

Список сокращений районов

- Алт. – Алтайский район
- Аск. – Аскизский район
- Богр. – Богградский район
- Бей. – Бейский район
- Идр. – Идринский район
- Орд. – Орджоникидзевский район
- Таш. – Таштышский район
- У.-Аб. – Усть-Абаканский район
- Шир. – Ширинский район

ПЕРЕВОД И КОНТЕКСТНАЯ МОТИВАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ ПРОЗВИЩ В СЕРБСКИХ И ХОРВАТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ)

С.А. Агапова

Оним, прозвища, внутренняя форма, художественный текст, автобиографическая трилогия, М. Горький, характеристическая функция, перевод, сербохорватский язык.

Целью настоящего исследования является выявление закономерности способов передачи имен собственных (ИС) с одного языка на другой в зависимости от актуализации мотивационных отношений онимов художественного текста. Вслед за С.Б. Велединской под актуализацией мотивационных отношений мы понимаем мотивацию связанных слов, т. е. слов, объективирующих мотивационную связь [Велединская 1997 : 4].

Материалом для данного исследования послужила частичная выборка из картотеки автора по русским именам собственным в сербских и хорватских текстах.

Источником текстового материала послужила автобиографическая трилогия А.М. Горького (повести «Детство», «В людях», «Мои университет»).

Имена собственные, содержащиеся в автобиографической трилогии М. Горького, обстоятельно изучены А.В. Федоровым и О.И. Фоянковой [Федоров 1973; Фоянкова 1974, 1980]. В словаре автобиографической трилогии М. Горького ИС описаны в отдельном выпуске [САТГ 1975]. Всесторонний анализ функционирования ИС в языке М. Горького¹, а также мотивационных отношений слов в его художественном тексте могут служить основой изучения способов передачи этой лексической категории в переводах на другие языки.

Характеристическая функция ИС, как известно, наиболее ярко выступает в так называемых «говорящих» фамилиях, а также в прозвищах. В автобиографической трилогии М. Горького из этой категории ИС представлены прозвища (Хорошее Дело, Дрянной Мужик, Рыжий Конь и др.), но их особенность состоит в том, что они, как и другие ИС (за исключением литературно-цитатных), являются не вымышленными, а реальными². С этим и связаны проблемы их адекватной передачи на другой язык: в реальных прозвищах иногда оказываются слова с затемненной внутренней формой (например, областные, устаревшие, жаргон-

¹ Ср. также и другие работы этого направления: *Дорогая В.Б.* Имя собственное и нарицательное в системе именования персонажа (роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина»): автореф. ... канд. дисс. – Л., 1985; *Турута И.И.* Собственное имя в художественной речи А.М. Горького (Прозвища и фамилии): автореф. канд. ... дисс. – Киев, 1985; *Словарь повести М. Горького «Фома Гордеев»*. – Вып. 1: Имена собственные / сост. О.Л. Рублева. – Владивосток, 1990.

² Для трилогии характерна высокая степень документальности, однако, подчеркивает А.В. Федоров, «произведение М. Горького следует считать прежде всего творением, а не сочинением хроникально-мемуарного жанра» [Федоров 1973 : 110].

ные и т. п.), что существенно осложняет переводческую задачу. С этой точки зрения прозвища, содержащиеся в повести «Детство», можно разделить на три группы.

1. ИС с прозрачной внутренней формой, мотивированность которых раскрыта в контексте произведения. К таким относится, например, наименование постояльца – «нахлебника» в доме Василия Каширина – Хорошее Дело. Ср. мотивирующий прозвище контекст: «Был он молчалив, незаметен и, когда его приглашали обедать, чай пить, неизменно отвечал: “Хорошее дело”. Бабушка так и стала его звать в глаза и за глаза: “Ленька, кричи Хорошее Дело чай пить! Вы, Хорошее Дело, что мало кушаете?”» [Горький 1951 : 95].

В анализируемых переводах используются два варианта передачи на сербохорватский язык этого прозвища *Dobra stvar* [Gorki 1940 : 121], *Lijepa stvar* [Gorki 1967 : 126].

Оба вариант нужно признать функционально адекватными, т. к. «*dobar*» и «*lijep*» здесь являются синонимами.

Буквальный перевод позволил передать характеристические свойства прозвищ Игоша Смерть в Кармане (*Igoša smrt u dzepu* [Gorki 1967 : 135]) и Дрянной Мужик (*Gadni sovječe* [Gorki 1967 : 263]), мотивированность которых также вытекает из контекста повести.

Являясь лексическими единицами с ярко выраженной оценочностью, где имеет место сконцентрированная экспрессия, прозвище показывает отношение к именуемому объекту других героев произведения. Безусловной доминантой в синонимическом ряду антропонимов, характеризующих образ подмастерья в доме Кашириных, является прозвище Цыганок: «...*молодой широкоплечий подмастерье Цыганок*» [Горький 1951 : 18].

Ярко выраженная говорящая внутренняя форма прозвища мотивирована описанием образа подмастерья Горьким: музыкальность, артистизм, умение плясать выделяют Цыганка среди других персонажей повести. Экспрессивный суффикс *-ок* говорит о ласковом, нежном отношении к нему бабушки и самого Алеши, что неизбежно теряется при следующей передаче ИС: *Potom роће nagovarati Ciganjoka* [Gorki 1948 : 26].

Переводчик не ощутил уменьшительного суффикса ИС, основа онима остается невыделенной, что затемняет внутреннюю форму прозвища. Таким образом, общая положительная оценка онима снижена. То, что данная передача ИС не является случайной, показывает и тот факт, что и в других переводах не был выделен суффикс *-ок*: *Ciganjoka su sahranili neprimetno I neupadljivo* [Gorki 1940 : 54; Gorki 1967 : 59].

Возможно, переводчики, стараясь сохранить национальный колорит онима, не стали заменять русский суффикс *-ок* соответствующими сербохорватскими антропоформантами, например *-че* (Цыганче). Ничем не компенсированные при переводе смысловые и грамматические несоответствия влекут за собой неизбежные функциональные потери: оказавшись нейтрализованным, прозвище не выполняет своей основной – социально-характеристической – функции.

Прозвище Ивана Жук мотивировано контекстом: «Я его вначале Жуком звала, – он, бывало, ужжал особенно, – совсем жук, ползает и ужжит на все горнищ» [Горький 1951 : 29]. Перевод – приемлемый способ передачи данного онима

в сербском и хорватском текстах. Б. Боевич передает его как *Jelenak* [Gorki 1940 : 40], Г. Крклец переводит оним как *Bubica* [Gorki 1967 : 40] (оба слова обозначают сербохорват. – ‘жучок, букашка’).

По экспрессивности прозвище *Жук* не уступает прозвищу *Цыганок*. Дополняя друг друга, эти прозвища создают своеобразный экспрессивно-синонимический ряд, характеризующий образ весельчака, трудяги и непоседы подмастерья Ивана. Переведенное всеми переводчиками, ИС сохраняет свои основные функции.

2. Гораздо более сложной оказывается задача переводчика, когда в роли прозвища выступает элемент безэквивалентной лексики. Ср., например, уличное прозвище деда Алеши – *Коцей*. Для русского читателя семантика прозвища совершенно ясна: худой, с острыми чертами лица, злой и прижимистый старик Каширин. В народном творчестве южных славян отсутствует аналогичный сказочный образ, поэтому в поисках функционально адекватного соответствия прозвища два переводчика используют слово с более общим значением «*Veštac*» ‘колдун, человек, связанный со злыми духами’ [Gorki 1940 : 114; Gorki 1967 : 91]. В одном из переводов прозвище *Коцей* передано транскрипцией, а в сноске дается пояснение: «персонаж русской народной сказки, символ скупости» [Gorki 1967 : 119]. Оба варианта не полностью передают семантику и экспрессивную сторону слова *Коцей*; утрачено и внешнее сходство Каширина со сказочным *Коцеем*.

Кроме того, одной из мотивировок прозвища *Коцей*, на наш взгляд, явилась и звуковая ассоциация фамилии с данным ИС (кащ (кош) – каш), что исчезает в сербских и хорватских текстах перевода [Gorki 1940 : 114; Gorki 1948 : 91]. Транслитерированное же Крклем ИС *Kašcej* [Gorki 1967 : 119] сохраняет вышеуказанные ассоциации, но, не будучи известным широкому читателю Сербии и Хорватии, не может считаться функционально адекватно переданным.

3. Наконец, особого подхода требует передача тех прозвищ, внутренняя форма которых в большей или меньшей степени затемнена, причем иногда не только для переводчика, но для современного русского читателя. Так, один из персонажей повести «*Детство*», друг Алеши Пешкова, именуется только прозвищем *Кострома*, которое в сознании каждого современного читателя, вероятно, связывается с названием города на Волге. Естественно, что в сербохорватских переводах слово транслитерируется как любой другой макротопоним. Между тем в тексте повести персонаж характеризуется так: «... безродный *Кострома*, вихрастый *к о с т л я в ы й* (разрядка наша. – С.А.) с огромными черными глазами...» [Горький 1951 : 188]. На этом основании составители Словаря М. Горького указывают возможную мотивацию прозвища, ссылаясь на данные словаря Даля. (*Кострома* – чучело из соломы и рогож.)

Прозвище другого товарища Алеши – *Вяхирь*. В тексте присутствует важное указание на мотивированность этого прозвища: «... Однажды *Вяхирь* сказал ему (*Хаби*) в о р к у ю щ и м голосом, который оправдывал прозвище (разрядка наша. – С.А.): «Чего ты? Разве на товарищов сердются?» [Горький 1957 : 190]. Вполне обосновано толкование прозвища в Словаре М. Горького: *Вяхирь*, *Санька Вяхирь*. Один из друзей Алеши ... прозванный так за доброту и воркующий голос (в словаре Даля «*вяхирь*» – голубь) [САТГ 1975]. В сербохорватских переводах повести «*Детство*» слово *Вяхирь* передается транскрипцией – *Vjahir*. В бо-

лее раннем переводе семантика слова осталась тайной для автора, и в приведенном выше контексте произведена произвольная замена эпитета «воркующий» на *mrzovoljni* (букв. «недовольный, раздраженный»): ...*Jednom Vjahir reče mrzovoljnim glasom? Koji je oprevdavao nadimak- šta ti je? Zar se ti na drugove ljutiš?* [Gorki 1940 : 244].

Подход переводчика Г. Крклеца свидетельствует о правильном восприятии семантики прозвища, что обусловило не только объяснение в сноске: (*Vjahir – vrsta goluba* [К.,258] «Вяхирь – вид голубя»), но и введение в текст отсутствующего в оригинале сравнения мальчика с голубем. Ср.: у М. Горького: «...сказал ему (Хаби) воркующим голосом?» [Горький 1951 : 190] в переводе Г. Крклеца: «*Jednom Vjahir reče goguči poput goluba* (букв. «сказал, воркуя как голубь»), *što je opravdavao njegov nadimak*» [Gorki 1967 : 258].

Подобные трудности пришлось преодолевать при передаче прозвищ *Чурка*, *Бырь*, *Язь*. Мотивировка прозвища *Язь* дана в контексте: «... мальчик лет восьми, молчаливый как рыба» [Горький 1951: 188]. Ср.: *язь* – ‘пресноводная рыба, семейства карповых’ [БАС 1865. Т.17 : 2063]. Переданное как *jaz* [Gorki 1940 : 242], прозвище может носителями сербохорватского языка восприниматься с дополнительными коннотациями, т. к. сербохорватская лексема *jaz* (*jaz*) многозначна: «*jaz* 1) жарак, канал, хлеб за одвојење воде, одводни канал, 2) јама, рупа, 3) раздор, неслагање, 4) празан простор, растојање, размак, 5) отвор, зев» [РСХЈ 1971–1976].

Употребление *jaz* в значении «рыба» тоже имеет место в сербохорватском языке (*jaz* – ‘рыба, месо јаза жуто, особито кад се ова риба у барама или при великим водама угоји’ [РСХЈ 1971–1976]. Из вышеуказанного следует, что семантика прозвища в переводе может расширяться, большая частотность употребления лексемы *jaz* в сербохорватском языке в значении «раздор, неслагање» может послужить причиной неадекватного восприятия ИС читателем перевода. В данном конкретном случае этого не происходит благодаря правильному и точному переводу всего контекста, где указана и мотивировка онима.

Трудным оказалось для перевода мотивированное контекстом прозвище *Чурка*: «... самым старшим по возрасту был сын портнихи Гришка Чурка...» [Горький 1951 : 155]. Как в сербском, так и в хорватском варианте перевода трилогии прозвище транслитерируется: *Čurka* [Gorki 1940 : 242; Gorki 1967 : 256]. Формальная передача данного ИС дает возможность реципиенту трактовать прозвище по случайно созданному «новому значению»: *čuriti /čuri mi dom/* дымиться (о трубе) [RHSJ 1971–1976].

Пожалуй, трудно упрекнуть переводчиков в том, что они не сделали попытки уяснить и передать в языке перевода внутреннюю форму прозвища. Слово «чурка» в русском языке полисеманлично. Так, например, словарь В.А. Даля приводит следующие его значения: ‘короткий обрубок бревна, жерди, круглого дерева’ (...) *переносн.* ‘глупый, неворотливый человек’ (...) ‘короткая палка для игры (например в городки)’.

Наконец, приводится и областное (вологодское) значение: ‘небрачно рожденный, пригульный’ [Даль 1955]. В принципе каждое из этих значений могло стать семантической основой прозвища, кроме переносного, которое БАС опре-

делает: 'О малоподвижном или бесчувственном и глупом человеке' [БАС 1950–1965].

Мотивировка прозвища в данном случае скрыта не только для переводчика, но и для русского читателя: будучи реальным, прозвище могло возникнуть по разным, может быть, и случайным, причинам, которые, не имея опоры в тексте, не поддаются объяснению.

Контекст не подтверждает того, что Гришка был бесчувственен и глуп. Его поступки говорят об обратном: он был душевным, чутким товарищем: «Бывало даже, во дни неудач, Чурка предлагал: – Давайте сложимся по копейке, Вяхиревой матери на вино, а то она побьет его!» [Горький 1951 : 191]. «Гришка, человек рассудительный, справедливый и страстный кулачный боец» [Горький 1951 : 155].

В некоторых случаях прозвище в силу его генетической связи с апеллятивом может быть и не воспринято как ИС, а лишь как ситуативное наименование, которое в любой момент может превратиться в постоянное, так же как и остаться «сиюминутным» именем нарицательным. В качестве иллюстрации может служить передача уличного прозвища Алеши – *Бырь*:

«Бырь пришел! – кричали они (мальчишки), завидя меня и поспешно вооружаясь. – Луни его! Я не знал что такое “бырь”, и прозвище не обижало меня» [Gorki 1951 : 66].

Для переводчика очень существенно указание в контексте на то, что внутренняя форма прозвища затемнена («Я не знал, что такое “бырь”, и прозвище не обижало меня»). Поэтому из трех возможных подходов предпочтительнее вариант М. Видойковича, который транслитерировал прозвище, а в сноске привел его возможные объяснения: «Došao je bir! ' povikali bi oni kad bi me ugledali pa bi se naoruzavali. ' Udri ga! Nisam znao šta je to „bir”i nadimak me nije vrijedaο...» [Gorki 1948 : 69]. В сноске (букв.): 'оскорбительное слово, потому что так подзывают овец и баранов'.

К транслитерации прибегает и Б. Бойович: «Bir je došao» [Gorki 1940 : 83], однако переводчица не пытается раскрыть смысла этого слова в сноске как это сделал М. Видойкович.

В третьем же переводе, Г. Крклеца, наблюдается противоположный подход: слово «бырь» передается онимом «Vjetrogonja» [Gorki 1967 : 86] – 'ветрогон' – с совершенно прозрачной внутренней формой.

«Vjetrogonja je došao! – vikali bi oni, čim bi me ugledali i brzo se naoruzavali. – Udri ga!

Nisam znao šta je to “vjetrogonja” i taj nadimak me nije vrijedaο...» [Gorki 1967 : 86].

С этим подходом трудно согласиться, потому что перевод «vjetrogonja» не поддерживается контекстом: слово с ясной внутренней формой вряд ли может быть непонятно, и, кроме того, мотивировка такого прозвища ничем не обосновывается в контексте¹.

¹ Показательно, что в САТГ дано лишь приблизительное, возможное толкование слова «бырь» (перед толкованием стоит знак ~): 'индюк' (прозвище, образованное от подзывного слова «бырь-бырь», которым кличут индюков). – САТГ. – Л.: ЛГУ, 1974. – Вып. I. – С. 1973.

Таким образом, при передаче прозвищ с русского на сербохорватский (сербский и хорватский) язык (языки), мотивированных контекстом, имеют место следующие языковые преобразования:

- конкретизация и, как правило, сужение семантики исходного ИС;
- компенсация (замена элемента исходной культуры элементом принимаемого языка), с сохранением общей положительной (отрицательной) оценки персонажа;
- компенсация с расширением значения исходного имени.

При передаче прозвищ, немотивированных контекстом, прибегают:

- к формальной передаче ИС (транскрипции, транслитерации) с дополнительной информацией об ониме в сноске;
- к замене ИС апеллятивом с объяснением последнего в сноске.

Библиографический список

1. Велединская, С.Б. Проблемы интерпретации лексической мотивации слов в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Б. Велединская. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – 20 с.
2. Горький, А.М. Собр.соч. В 30 т. / А.М. Горький. – М.: ГИХЛ, 1951.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – 6-е изд. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
4. Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений) / сост. А.В. Федоров, О.И. Фоякова. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 104 с. (САТГ).
5. Словарь современного литературного русского языка. В 17 т. Т.1–17. – М.; Л.: Наука, 1950–1965 (БАС).
6. Федоров А.В. Личные имена собственные в автобиографической трилогии М. Горького / М. Горький // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1973. – Вып. 6. – С. 109–121.
7. Фоякова, О.И. Имя собственное в языке и в художественной речи / О.И. Фоякова // Вестник ЛГУ. – 1974. – № 2. – История, языкознание, литературоведение. – Вып. 1. С. 104–108.
8. Фоякова, О.И. О принципах составления словаря имен собственных по автобиографической трилогии М. Горького / О.И. Фоякова // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 233–238.
9. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 1–3. – Нови-Сад; Загреб: Матица српска; Матица хрватска, 1971–1976. (РСХЈ).
10. Gorki, M. – Detinjstvo. Preveo Branislav Bojović / M. Gorki. – Beograd: Nolit, 1940. – 260 s.
11. Gorki, M. – Djetinjstvo. Preveo Gustav Krklec / M. Gorki. – Zagreb: Mladost, 1967. – 274 s.
12. Gorki, M. – Detinjstvo. Prijevod Marka Vidojkovića / M. Gorki. – Zagreb: Kultura, 1948. – 166 s.
13. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Obradio T. Maretić i dr. Zagreb. Jugoslovenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1984–1986 (RHSJ).

ИНТЕНСИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА

И.В. Ревенко

Концепт, интенсивы, экстенсивы, прототипические и индивидуальные признаки, языковая реализация, фрейм, субфрейм.

Концепт «любовь» – один из центральных в творчестве В.П. Астафьева. Вербализация этого концепта осуществляется при помощи обширного корпуса единиц, разнородных по своей семантической емкости и уровневой принадлежности. Предметом анализа в данной статье являются интенсивные единицы, которые рассматриваются как средство языкового представления прототипических и индивидуальных содержательных признаков указанного концепта.

Интенсивные единицы (интенсивы и экстенсивы) – это репрезентанты семантической категории интенсивности, отражающие субъективную качественно-количественную интерпретацию предмета, признака, действия с точки зрения соответствия/несоответствия нормативной (ординарной) степени их проявления.

Словарные дефиниции отражают следующие содержательные признаки концепта «любовь»:

- 1) любовь – это сильное сердечное чувство;
- 2) любовь связана с влечением и интимными отношениями;
- 3) любовь связана с ожиданием;
- 4) может приводить к замужеству;
- 5) временные характеристики (продолжительность);
- 6) любовь может вызывать страдания;
- 7) любовь бывает разной;
- 8) любовь не пустяк;
- 9) любимого не выбирают;
- 10) любовь может привести к рождению желанного ребенка [Словарь русского языка 1981; Ожегов, Шведова 2006].

Указанные признаки в соответствии с методикой компонентного анализа мы будем считать прототипическими.

Языковая реализация концепта в художественном тексте имеет некоторые особенности. Писатель, являясь мастером слова, тщательно отбирает языковые средства и сплетает их в единый текст, актуализируя таким образом наиболее значимый в данных условиях содержательный признак концепта.

При описании любви главных героев повести «Звездапад» автор использует интенсивные конструкции:

*О своей любви мне рассказывать не стыдно. Не потому, что любовь моя была какой-то уж **чересчур** особенной. Она была **обыкновенная**, эта любовь, и в то же время **самая необыкновенная**, такая, какой ни у кого и никогда не было, да и не будет... (Звездапад).*

При помощи вербальных средств актуализируются содержательные концептуальные признаки. Основу составляют прототипические признаки, которые в приведенном смысловом сегменте вербализуются частично, основная же их часть присутствует в контексте имплицитно. Автор исходит из того, что читатели уже обладают определенным опытом и имеют представление о типичных «признаках» любви, поэтому он указывает лишь на то, что это особенное чувство (не такое, как другие испытываемые человеком) и что любовь была обыкновенной, т. е. соответствовала типичным представлениям. Выраженные таким образом прототипические признаки являются фоном для актуализации индивидуальных признаков, вербализация которых осуществляется при помощи интенсификаторов.

В первом случае интенсивное значение передается при помощи словосочетания, включающего наречие-интенсификатор *чересчур* и прилагательное *особенной*. При этом происходит наложение семантики интенсификатора и интенсификатора, что приводит к усилению значения интенсивности и восприятию признака как такого, который в значительной степени отличается от ординарного уровня. Следующее предложение усиливает эффект. В нем представлена оппозиция, которая формируется в результате употребления слов с противоположной семантикой: *любовь была обыкновенной и в то же время самой необыкновенной*. Семантический диссонанс усиливается за счет введения аналитического средства, передающего значение предельной степени проявления признака: *самой необыкновенной*. Необычность чувства, его несоответствие представлениям о типичных признаках любви, подчеркивается фразой: *такая, какой ни у кого и никогда не было, да и не будет*.

Прототипические и индивидуальные признаки в анализируемом контексте выстраиваются в своеобразную градационную цепочку: обыкновенная любовь – особенная, но не чересчур – самая необыкновенная – такая, какой ни у кого и никогда не было, да и не будет.

Концепт «любовь» – это сложное образование, включающее другие концепты («нежность», «забота», «жалость», «ревность»). Эта особенность позволяет интерпретировать «любовь» как концепт-фрейм. «Фрейм – это объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев 2001 : 37].

Фреймы вводятся в процесс понимания текста вследствие их активации интерпретатором или самим текстом. «Фрейм активируется, когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста. Фрейм активируется текстом, если некоторая языковая форма или модель обычно ассоциируется с рассматриваемым фреймом» [Филлмор 1988 : 65].

Активация фрейма – это одновременно активация фреймов, входящих в его структуру. Субфреймы конкретизируют какую-то часть общего концепта, совокупность признаков, выражаемых субфреймами, дают представление о концепте в целом.

Для вербализации субфрейма «нежность» В.П. Астафьев использует экстенсивы (*А повыше петельки дышала ямка. Я видел, что она дышала эта ямочка*),

которые выражают и параметрическую оценку предмета, и его эмоционально-экспрессивную характеристику. Семантическая двуплановость экстенсивов позволяет автору одновременно показать причину возникновения нежности и выразить ее при помощи лексических единиц с деминутивными суффиксами.

К нежности примешивается снисходительность к слабому полу (*пальчишки*) и восхищение хрупкостью девушки (*аж светятся насквозь*):

Виновато погладил я ее руку, стал на пальцы дуть. А пальчишки, господи твоя воля, аж светятся насквозь и ногти розовенькие (Звездопад).

Нежность героя близка к отеческой заботе: он мужчина, он сильный, а она – маленькая, слабенькая, беспомощная:

По щеке ее покатилась слеза, круглая-круглая, и беспомощная-беспомощная такая Лида была; Я утер ей ладонью щеки, нос, и она показалась мне маленькой-маленькой, такой слабенькой-слабенькой... (Звездопад).

Субфрейм «забота» в данном случае не вербализуется, но имплицитно присутствует в контексте. Выявление этого фрейма происходит в результате интерпретации текста. Атрибутивные единицы, используемые для описания девушки, выстраиваются в своеобразный ряд. Первый элемент ряда (*беспомощная*) представляет собой опосредованный аргумент: она беспомощная, поэтому ее нужно защищать. Следующие элементы ряда поясняют состояние беспомощности: *беспомощная*, потому что *маленькая* и *слабая*. В целом все единицы данного ряда выражают типичное для русского менталитета представление об объекте, требующем заботы.

Молодой человек, побывавший на войне, воочию видевший ее ужасы и познавший ее тяготы, «раненый, почти убитый», жалеет Лиду:

И так пошла, что хоть верьте, хоть нет, я едва не разревелся: такая она была худенькая, усталая, такая жалостная – ну спасу нет никакого! (Звездопад).

Субфрейм «жалость» реализуется в виде концепта-представления. Концепт-представление «передается за счет обозначения зрительно (или посредством других органов чувств) воспринимаемых признаков объекта или явления» [Болдырев 2001 : 44]. Внешние признаки объекта – вид девушки (*худенькая*), ее состояние (*усталая*) вызывают у героя очень сильное чувство (*едва не разревелся; такая жалостная – ну спасу нет никакого*).

Фрейм в данном случае активизируется самим текстом, поскольку его вербализация осуществляется при помощи языковой формы (*жалостная*), которая ассоциируется с рассматриваемым фреймом. В качестве конкретизаторов степени проявления чувства жалости выступают синтаксические средства интенсификации (сложноподчиненное предложение с местоимением-градатором в главной части и придаточной частью эллиптического типа).

Выбор средств языковой репрезентации фрейма обусловлен прототипическими признаками. В те моменты, когда Миша испытывает чувство ревности, в описание Лиды вводятся интенсивы:

Она делает несколько вежливых хлопов и обращает свои глазищи к молоденькому офицеру, который отрастил усики, форсистые черные усики (Звездопад).

Приоритет средств интенсифицирующего содержания связан с типичным представлением ревности как очень сильного чувства.

Интенсивность описываемого эмоционального состояния подчеркивается использованием разных единиц для описания Лиды и офицера. Герой злится из-за того, что рядом с девушкой находится не он, а другой мужчина. Это эмоциональное состояние передается при помощи интенсификатора (*глазищи*). Описание потенциального соперника вводится посредством экстенсивов (*молоденькому офицеру, усики*), тем самым Миша пытается в собственных глазах принизить его достоинства.

В романе «Прокляты и убиты» концепт «любовь» также реализуется в виде фрейма. «Фрейм – это не просто иерархическая структура, но также и сеть, так как в нем существуют связи между терминалами одного или нескольких фреймов... Информация более высокого порядка (общая информация) в фреймах обычно бывает верна для любой ситуации и редко подвергается изменениям, но терминалы могут быть заполнены конкретными условиями, удовлетворяющими случаю или тексту» [Леванова, Валько 1997 : 229].

Фрейм «любовь» в романе имеет терминалы, связывающие его с фреймами «нетерпение», «радость»:

Теперь из Бердска она летела на крыльях, ворвавшись в клуб кричала: «Феликс! Вы здесь?» Он соловьем откликался, вылетал навстречу... (Прокляты и убиты).

Для вербализации фрейма «нетерпение» используются интенсивные процессуальные единицы со значением стремительного перемещения в пространстве (*летела, ворвавшись, вылетал*). Фрейм «радость» репрезентируется при помощи конструкции с именной формой творительного падежа (*соловьем откликался*).

Использованием однокоренных глаголов для обозначения действий Софьи (*летела*) и Феликса (*вылетал*) выражается фрейм «взаимность».

Контекст создает условия, благоприятные для двоякой соотнесенности вербального репрезентанта фрейма. В приведенном примере глагол *вылетал* может быть интерпретирован как репрезентант фрейма «нетерпение» (*вылетал, потому что спешил увидеть*) и фрейма «радость» (*вылетал, потому что был очень рад встрече*).

В романе фрейм реализуется в виде сценария. «Сценарии, или скрипты, – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев 2001 : 37].

Неожиданно было все: встреча, отношения, восторг, желание скорее быть ближе, успеть узнать друг друга до конца, до доньшка... (Прокляты и убиты).

«Сценарий в своей основе состоит из следующих онтологических элементов: начального состояния, последовательности событий и конечного состояния. Другими словами, сценарий структурирован схемой *источник – путь – цель...*» [Лаккофф 2004 : 371].

Первый элемент сценария (начальное состояние) репрезентируется существительным *встреча*, последовательность событий передается рядом существительных (*отношения, восторг, желание*), конечное состояние выражается глагольным словосочетанием *успеть узнать*. Грамматическая отнесенность средств вербализации элементов сценария является значимой: начальный и средний

элементы сценария передаются отвлеченными существительными, конечный его элемент передается процессуальной единицей, выражающей стремление к достижению определенной цели. Целевой характер конечного элемента подчеркивается при помощи контекстуальных интенсификаторов (*до конца, до доньшика*). Стремительность развития отношений передается при помощи конструкции, состоящей из двух инфинитивных форм (*успеть узнать*).

Любовь связана со стремлением к близости. Близость подразумевает не только и не столько физическую сторону любви, сколько духовную близость, стремление достичь родства душ. Этот содержательный признак концепта «близость» эксплицируется значением конечного элемента сценария (*успеть узнать друга до конца, до доньшика*).

Субфрейм «близость» имеет два противоположных прототипических признака:

1) близость – нечто греховное, запретное, предосудительное: *...Все, и жена-тики, и холостяки-удальцы, и вольные кавалеры, почему-то говорили о первой близости с женщиной как о поганом грехе, со срамцой, непременно употребляя какое-нибудь скотско-грубое сравнение;*

2) близость – священное таинство, нечто сокровенное, глубоко интимное: *У Лешки хватило ума и северного характера, склонного к потаенности, не оскорбить словом того, что летучим облачком коснулось его жизни, отлетело в тот уголок памяти, где должны храниться у человека личные ценности. Ничего плотского, телесного Лешка уже не помнил. Тело, оно, как и составная его часть – брюхо, добра не помнит, однако в памяти, в уголке том дальнем таилось сделавшееся частью его воспоминание, и суждено ему было сохраниться навсегда (Прокляты и убиты).*

Несмотря на типичность первого признака, второй является для автора основным. Именно так должен относиться к близости настоящий мужчина.

Война меняет человека, заставляет его переосмыслить свою жизнь, поступки, изменить отношение ко многим вещам. Меняет она и отношение к близости с женщиной. Женщина становится земным существом, достойным поклонения: *у мужчины бывает только одна женщина, потом все остальные, и от того, какая она будет, первая, зависит вся последующая мужичья судьба, наполненность души его, свойства характера, отношение к миру, к другим людям, и прежде всего к другим женщинам, среди которых есть мать, подарившая ему жизнь, и женщина, давшая познать чувство бесконечности жизни, тайное, сладостное наслаждение ею (Прокляты и убиты).*

Женщина – воплощение бесконечности жизни. И счастлив тот мужчина, для которого его первая женщина столь же священна, как мать, подарившая ему жизнь, *но для того, чтобы до конца это осознать, понадобится нахлебаться досыта грязи, испытать гнетущий груз одиночества, походить под смертью (Прокляты и убиты).*

Анализ значений интенсификаторов, участвующих в репрезентации концепта «любовь» в военной прозе В.П. Астафьева, позволяет выявить его содержательные признаки:

1) любовь – обычное чувство (его может испытать любой человек);

- 2) любовь – особенное чувство (соотнесенность с другими чувствами, испытываемыми человеком);
- 3) восприятие любви субъективно (для того, кто любит – это самое необыкновенное чувство);
- 4) любовь часто возникает неожиданно;
- 5) может быть взаимной;
- 6) любовь связана с такими проявлениями, как нежность, забота, жалость, ревность.

Сопоставление выявленных содержательных признаков с признаками, отраженными в словарных дефинициях, дает основания заключить, что большинство содержательных признаков, репрезентируемых в анализируемых произведениях посредством интенсивных единиц, является индивидуальными, актуализирующимися в условиях авторского контекста.

Библиографический список

1. Астафьев, В.П. Проза войны. В 2 т. / В.П. Астафьев. – Иркутск: Литера, 1993.
2. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – 110 с.
3. Лакофф, Дж. Женщины. Огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
4. Леванова, А.Е. Вариантность тематического фрейма в текстах различных жанров / А.Е. Леванова, О.В. Валько // Явление вариантности в языке. – Кемерово, 1997. – С. 227–236.
5. Словарь русского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1981.
6. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (электронная версия).
7. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–89.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА *АПОСТОЛ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

С.Н. Селезнёва

Историческая лексикология, лексикография, семантико-стилистические эволюции, национальная культура, мировоззрение, идеология, духовные ценности.

Историко-культурный подход к изучению словарного состава языка позволяет объяснять изменения, происходящие в языке, комплексом причин экстралингвистического характера: общественно-исторических, культурологических, социально-психологических. Таким образом, названный аспект вводит историческую лексикологию как науку в сферу антропоцентрических научных дисциплин.

Каждая историческая эпоха, с присущим ей комплексом экономических и социокультурных (в том числе политических и идеологических), объективных и субъективных характеристик, определяет направление изменений, происходящих в индивидуальном и общественном сознании и психологии представителей того или иного этноса; это, в свою очередь, обуславливает изменения в значениях слов. В.В. Виноградов, отмечая влияние социокультурных факторов на переосмысление семантики, писал: «Культурно-исторические изменения в быту и идеологии отражаются на значениях слова» [Виноградов 1995 : 8]. Слово как уникальный материальный носитель духовной культуры народа, в отличие от единиц других уровней языка, способно накапливать культурную информацию. «Эта информация содержится и в ранней семантике лексем, и в последующих смысловых наслоениях и разветвлениях. Прошлое и настоящее сливаются в слове, как и в национальной культуре, воедино...» [Васильев 1994 : 157]. Об изменениях в семантике слов вследствие изменений в общественном сознании говорится также и в Проекте Словаря русского языка XIX в.: «...изменения в лексике, отражающие нравственно-этические нормы XIX века, затрагивают семантический уровень, отражая характерные черты менталитета русского человека XIX столетия, претерпевающие определённую трансформацию в разные исторические периоды» [Словарь русского языка XIX века: Проект 2002 : 37]. Таким образом, значимость исследований семантико-стилистической эволюции слов определяется следующими причинами: во-первых, они «могут способствовать расшифровке того, что называют культурными и социальными кодами цивилизации» [Васильев 1997 : 5]; во-вторых, поскольку «формы мировоззрений также эволюционируют, едва ли воспроизведение идеологических систем прошлого возможно без помощи лингвистического анализа» [Васильев 1997 : 6]. Особенно интересны с этой точки зрения слова, семантика которых содержит сакральный компонент и оценку морально-нравственной стороны личности, которая [оценка] в общественном сознании не постоянна и изменяется в зависимости от разнообразных социально-исторических причин и идеологии эпохи. К таким словам относится, например, *апостол*.

Цель нашего исследования – выявление семантико-стилистической эволюции слова *апостол* в истории русского языка на основании лексикографических материалов.

Очень важную информацию содержат исторические, этимологические и толковые словари. Лексема *апостол* зафиксирована в значениях: 1. «посланник, проповедник», 2. Книга «Апостол», заключающая в себе деяния апостолов и послания Нового завета. И то и другое уже в ст. слав. апостоль. Из греч. *αποστολοу* [Фасмер 1964 : 81] Слово *апостол* в «Материалах ...» И.И. Срезневского представлено в двух значениях: 1. Ученик Христа, посланный проповедовать слово Божие: Есмь языкомъ апостоль, службу мою прославляю (Рим. IX, 13). 2. Книга апостольских чтений: – В годное лето написахъ евангелие и апль¹. Милят. Ев. 1215 г. Запись. – Чтение из апостольских деяний и посланий во время церковной службы: – Та же прокимен апостолу, а по апостоле аллилуйа. Грам. митр. Фот. к Псков. 1419 г. [Срезневский 1958 : 26]. В Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. первым приводится пример употребления слова *апостол* в Остромировом Евангелии (1056 г.) в значении «ученик Христа, проповедовавший его учение»: Тако бо и сты апль паоуль глетъ» [Сл. ДРЯ XI–XIV вв.: 90]. Это, вероятно, одно из первых письменно зафиксированных употреблений данной лексемы. Словарь не отмечает наличие данного слова в текстах берестяных грамот. Словарь русского языка XI–XVII вв. аналогично толкует интересующее нас слово и приводит две цитаты для первого значения: первая – из Лаврентьевской летописи (1377 г.): Тъмже словенску языку учитель есть Аньдронигъ апсль, в Моравы бо ходилъ: и апсль Павелъ учил ту: вторая датируется 1667 г.: По завѣщанию господню, иже миръ имети завѣщавающу ученикомъ и апостоламъ своимъ между собою и не токмо сие, но и другия въ миръ вводить. Пример употребления слова во втором значении дан из Изборника Святослава (1073 г.): Тьлкован<и>я о словесъхъ, в еуаггелии и в апсле и в иныхъ книгахъ, въкратъце съложены, на память и на готовъ ответ [Сл. РЯ XI–XVII вв.: 42].

Подобно приведённым выше дефинициям толкует лексему «апостол» Словарь Академии Российской (1806–1822): отмечается её греческое происхождение и наличие двух значений – «1. Сие название собственно принадлежит ученикамъ Христовым; понеже они отъ Господа нашего Иисуса Христа посланы были во весь миръ проповедовать Евангелие или слово Божие. 2. Так называется церковная книга, в которой содержатся деяния и послания апостольские. Читать Апостоль» [САР 1806 : 44–45].

Эти данные говорят о том, что слово *апостол* пришло в древнерусский язык с переводными текстами священных книг как религиозный термин греческого происхождения (ученик Иисуса Христа, проповедник Его учения). Принадлежность к религиозной тематике обуславливает его сакральность. С XII в. оно начинает активно употребляться в отечественных текстах, чаще всего в сочетании с именем собственным (кого-либо из апостолов).

Проанализированные словарные материалы позволяют утверждать, что слово *апостол* до XVII века включительно бытовало в русском языке в статусе термина (в своём основном прямом значении). Причём, по данным Частотного словаря русского языка второй половины XVI – начала XVII века (А.А. Грузберг),

¹ Отсутствие диакритических знаков объясняется техническими возможностями.

исследуемая лексема достаточно активно употреблялась во всех стилистических разновидностях литературно-письменной речи этого периода. Словарь отмечает 271 случай употребления существительного *апостол*, что соответствует 208 рангу из 438, и 102 случая употребления имени прилагательного *апостольский*.

В словарной статье слова *апостол* в Словаре русского языка XVIII в. у первого значения появляется оттенок с пометой «распротр.»: «О известном проповеднике христианства. Послушаем наших Словенских о обращении Славян и о Апостолах наших Кирилле и Мефодии достовернейших Историков [СлРЯ XVIII в.: 81]. Словарь не объясняет значение пометы «распротр.» (вероятно, оно аналогично значению одноимённой пометы в МАС2: «распространительное употребление, характерное для того или иного значения слова наряду со случаями субстантивации их, употребление существительного с собирательным значением»). В данном случае помета «распротр.» отмечает факт расширения семантического объёма лексемы: ученик Христа не только один из 12-ти и 70-ти, но и любой другой человек, проповедующий христианскую религию. Полный церковно-славянский словарь Г. Дьяченко также отмечает факт расширения семантического объёма слова: «Апостолами называются св. ученики Господа нашего Иисуса Христа, избранные Им для благовестия миру о наступлении на земле царствия Божия. Они разделяются на 12 и на 70 апостолов... Те святые люди, кои, подобно апостолам, много подъяли подвигов и труда для распространения Христовой веры в той или иной стране, как, например, у нас свв. кн. Владимир и Ольга, именуются равноапостольными» [Сл. Дьяченко 1900 : 20].

Проанализированные словарные материалы позволяют утверждать, что слово *апостол* со времени первых фиксаций в письменных памятниках русской словесности до конца XVII в. бытовало в русском языке в статусе термина: имело устойчивую семантику (ученик Христа) и стилистически закреплённую профессиональную сферу употребления. Сакральный смысловой компонент заполнял все содержательное пространство лексемы. В XVIII в. наблюдается явление расширения значения слова. Это, однако, не влияет на его принадлежность к религиозной сфере, слово продолжает сохранять сакральную окраску.

Дальнейшую судьбу слова узнаем, обратившись к Словарю языка Пушкина: «Апостол (8). Ближайший ученик Христа (в числе двенадцати). Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе: но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный — Пс. 246.7 Перен. а) Последователь кого-нибудь. Все возвышенные умы следуют за <Вольтером>. — пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Ж1 272.19; б) Проповедник чего-н. Черкесы очень давно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана. ПА 449.33. В шутол. употр. Апостол неги и прохлад, Мой добрый Галич, vale! С1 18.21; апостол гибели (о Марате, деятеле французской революции): Апостол гибели, усталому Аиду Перстом он жертвы назначал, Но вышний суд ему послал Тебя и деву Эвмениду. С2. 119.26» [Сл. Пушкина 1956 : 43].

Данная словарная статья позволяет сделать вывод: в текстах А.С. Пушкина (где лексема *апостол* встречается всего восемь раз) в первом прямом номинативном значении слово употребляется один раз в письмах, остальные 7 контекстов — примеры употребления слова в переносном значении. Приведённые в

словарной статье примеры употребления слова представляют собой функциональную метафору. Лексическая сочетаемость исследуемой единицы в метафорическом употреблении становится конструктивно ограниченной (последователь кого-н., проповедник чего-н. «апостол Вольтера», «апостол Корана»: им. сущ. + им. сущ. в род. п.); переносный смысл придает номинативному религиозному термину экспрессивно-синонимическую окраску. У Пушкина мы встречаем (возможно, впервые в истории русского литературного языка) случаи употребления слова *апостол* с шутливым оттенком смысла (*апостол неги и прохлад*), на что указывает словарная помета, и с отрицательной коннотацией (*апостол гибели*). Слово сочетание «апостол гибели» представляет собой оксюморон – стилистический оборот, в котором роль семантической оппозиционной оси выполняет религиозно-сакральный компонент: ученик Христа – проповедник вечной жизни, находится в отношении абсолютной противоположности понятию «гибель». Таким образом, в результате переносного употребления исследуемой лексемы в творчестве А.С. Пушкина её семантика подвергается явлению секуляризации (происходит процесс подмены религиозного содержания мирским). Это явление объясняется авторами монографии «История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века» особенностью раннего периода пушкинского творчества, для которого «...характерно “свободное” обращение со славянизмами, отрыв их от контекстуальных связей, которые были характерны для них в книжно-славянской литературе. Даже в тех случаях, когда Пушкин обращался к словам, составляющим фонд высоких, архаических славянизмов, их использование подчас не носило ни стилистической, ни предметно-смысловой обусловленности» [История лексики 1981 : 144–145]. Такое использование славянизмов приводило к тому, что «в ряде случаев они выступали не в прямых, а в переносно-метафорических употреблениях, далёких от значений, которые они имели в церковных текстах. В.В. Виноградов отмечает характерное для раннего Пушкина «специфическое смещение образов церковно-библейских с условно-литературными отражениями античной мифологии» как приём, направленный на устранение церковно-библейского колорита [Виноградов 2000 : 84]. Причина такого «свободного» обращения с церковно-славянской лексикой, вероятно, кроется в своеобразном отношении поэта в период раннего творчества к догматам православной веры.

Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, первый толковый словарь русского языка советской эпохи, объясняет интересующую нас лексику так: «Апостол, ... 1. В евангелии – ученик Иисуса Христа из числа двенадцати, посланных им для проповеди своего учения (церк.). 2. перен. Лицо, посвятившее себя проповеди какой-н. идеи (книжн.). А. мира. Аксаков – а. славянофильства. 3. Название церковной книги, заключающей в себе так наз. «Деяния апостолов», «Послания» их и «Апокалипсис» (церк.).» [СУ 1935 : 50].

Таким образом, дальнейшее развитие значения слова *апостол* идёт в соответствии с вектором секуляризации. Словарная статья, как видно, содержит уже не два, а три значения, каждое из которых снабжено пометой (к 1-му и 3-му значениям – *церк.*, ко 2-му – *книжн.*). Здесь второе значение выделяется в самостоятельную единицу, допускающую сочетание религиозного термина с нерелигиозным дополнением (см. пример употребления ко 2-му значению). Такая сочета-

емость привносит в мирское по содержанию высказывание определённый оттенок сакральности, придавая выражению высокую стилистическую тональность, на что и указывает помета «книжн.».

Сведения по анализируемой лексеме, представленные в академических словарях советского периода, подтверждают эти выводы.

БАС1: «1. Церк. По евангельскому преданию – каждый из двенадцати учеников Христа, распространителей его учения. <> Распространительно: о ревностном последователе какой-л. идеи, учения и т. п.» [БАС1 1948 : 169].

БАС2: «1. По евангельскому преданию – каждый из двенадцати учеников Христа, проповедовавших его учение. Двенадцать апостолов. 2. Изображение учеников Христа в живописи. 3. Последователь, проповедник какого-л. учения, идеи и т. п. (обычно в торжественной речи). [Тверинов] называл себя апостолом, проповедником истины. Плеханов, История русской общественной мысли... <> Апостол чего-л. Быть апостолами просвещения – вот наше назначение. Бел., Письмо Д.П. Иванову, 7 авг. 1837...» [БАС 1981 : 206].

МАС: Апостол, – а, м. 1. По евангельскому преданию – каждый из двенадцати учеников Христа, посланных им для проповеди своего учения.

2. *перен., чего. Книжн.* Ревностный последователь и распространитель какой-л. идеи, учения и т. п. *Неутомимые бойцы мысли и дела, апостолы независимости и нового общественного порядка... – они-то нам протягивают ... дружескую руку.* Герцен, К нашим. *Сомова встретила студентка задорным восклицанием: – Ох, апостол правды и добра, какой вы смешной!* М. Горький, Жизнь Клима Самгина.

3. Церковная книга, содержащая так наз. «Деяния» и «Послания апостолов». [Греч. *apostolog*] [МАС 1981 : 42].

В МАС второе значение занимает приоритетную позицию по отношению к первому: несмотря на то что прямое значение формально сохранено на первом месте (без текстовой иллюстрации), содержательно более разработано второе, переносное значение слова. В толкование добавлено определение «ревностный». В данном словаре это прилагательное семантизируется так: «с рвением и усердием относящийся к чему-либо» [МАС21981 : 692]. Второе значение слова *апостол* снабжено пометами: «перен.» и «книжн.», которые указывают на закрепившееся в языке употребление его в переносном значении и на принадлежность к книжному стилю речи. В качестве примеров, иллюстрирующих такое функционирование, словарь приводит следующие контексты: «...апостолы независимости и нового общественного порядка...», «апостол правды и добра, какой вы смешной!», в которых за главным словом закрепляется метафорическое значение, а смысловой акцент переносится на зависимое слово. Такой контекст возникает под воздействием определённой коммуникативной установки: придать содержанию высказывания возвышенный либо иронический тон. Сакральность, неотъемлемое свойство слова религиозной сферы, используется как средство создания высокого стиля. При этом изменяется иерархия в структуре лексического значения: основной религиозный компонент («ученик Христа») переходит в область смысловой периферии, а вторичный («распространитель какой-л. идеи») начинает занимать место семантического ядра.

Словарь русского языка С.И. Ожегова (18-е изд.) продолжает постулировать тенденцию «обмирщения» семантики слова: «Апостол, – а, м. 1. В христианской мифологии: ученик Христа, распространитель его учения. 2. перен., чего. Последователь и распространитель какой-л. идеи (книжн.). А. добра. 3. Церковная книга, содержащая так наз. «Деяния и послания апостолов». прил. апостольский, -ая, -ое (к 1-му знач.)» [Сл. Ожегова 1986 : 26].

В словарную дефиницию первого значения введено сочетание «христианская мифология», что переводит религиозный термин, обозначающий конкретное историческое лицо, в разряд слов с «мифической, сказочной» семантикой. У первого значения пример использования слова в речи отсутствует. Как и в БАС1, БАС2, МАС, второе значение слова объясняется более детально: словарная статья содержит пометы, характеризующие тип его лексического значения: переносное несвободное (конструктивно ограниченное). В качестве иллюстрации к этому значению приводится словосочетание: *апостол добра*. Семантика примера, обладая положительной коннотацией, содержательно не имеет сакрального (религиозного) компонента: она представляет собой обозначение лица вполне мирской направленности. Однако это значение слова снабжено стилевой пометой «книжн.», которая указывает на особые условия употребления слова – в книжной речи, отличая его от нейтральных и разговорных слов. Таким образом, слова, которые пережили «обмирщение» первоначальной религиозной семантики, сохраняют сакральный ореол в особой стилистической окрашенности. Это подтверждает мысль о том, что «первоначальный смысл слов не исчезает, не уходит в прошлое, а продолжает жить в памяти языка» [Васильев 1997 : 7].

Материал, представленный лексикографическими источниками по истории слова *апостол*, позволил воспроизвести панораму семантической эволюции анализируемых слов и ещё раз подтвердил мысль о социальной детерминированности данных языка, а именно: «чистый факт и незаинтересованный глаз – просто миф... Так называемые “факты” всегда сформированы той или иной версией мира» [Цит. по: Вендина 2002 : 67]. «Версии мира» – мировоззренческие основы эпох, составляющие её духовный базис, изменялись в зависимости от ответа на основной вопрос философии: об отношении сознания к бытию, духовного к материальному. По словам Энгельса, в Средние века основной вопрос философии принял ещё более острую форму: «создан ли мир Богом или он существует от века» [Маркс, Энгельс 1964 : 283]. В зависимости от того, какая «версия» ответа принималась за официальную (государственную), иерархически выстраивалась вся мировоззренческая система той или иной эпохи. Так, в эпоху Средневековья «главным регулятивным принципом [русской культуры] был Бог. В соответствии с этим принципом происходила организация мира духовных существ этой эпохи. Именно этот принцип регулировал нормы средневекового общества, переходя из сферы сознания человека в сферу его поступков» [Вендина 2002 : 67]. Этим объясняется употребление слов религиозной тематики в памятниках русской письменности только в их основных первичных значениях и отсутствие у них переносных значений вплоть до XVIII века. «Поскольку слово для средневекового человека было исполнено особого, магического значения. Слово не просто называло то или иное явление, оно составляло его сущность. Поэтому «переименовать» что-то, не изменяя, не задевая его «сущности», средне-

вековому человеку казалось невозможным» [Вендина 2002 : 70]. Поэтический гений А.С. Пушкина в сочетании с революционно-демократическим взглядом на мир породил массу «блестящих метафор», подготовив дальнейшие смысловые смещения в словах, изначально религиозного содержания. Эпоха революционного перехода к социализму в России начала XX века с присущим ей активно-атеистическим мировоззрением внесла свои изменения в семантику лексем с сакральным компонентом: переносное значение слов получило статус основного номинативного, сакральный компонент наполнился другим (мирским) содержанием. Таким образом, эволюция семантики слова отражает взаимосвязь языка, религии, культуры и национального самосознания. Н.Б. Мечковская, говоря о неразрывной связи языка с такими формами общественного сознания, как культура и религия, лежащая в её [культуре] основе, отмечает «внутренний» характер этой связи, затрагивающий «неосознаваемые, поэтому стихийные и влиятельные механизмы человеческой психологии и культуры» [Мечковская 1998 : 3–4].

В структуре общественного сознания религиозный уровень является базисным, определяющим. «Из мифолого-религиозного сознания развилось всё содержание человеческой культуры, постепенно приобретавшее семиотически различные формы общественного сознания (такие, как обыденное сознание, искусство, этика, право, философия, наука» [Мечковская 1998 : 36]. По мнению многих философов, лингвистов, психологов (Дж. Коглею, М. Элиаде, Эшли Монтегю, Э. Фромм), даже атеистов нельзя считать людьми по-настоящему неверующими, в их воззрениях проявляется смутное религиозное чувство, хотя и направленное на земные объекты, личности и идеи. Антирелигиозные доктрины нередко бывают связаны с внутренними порывами мистического характера: идеологические мифы, принимаемые на веру, есть по существу перелицованная религия. Многие атеисты именуют свои взгляды религиозными: «Мы тем более имеем право отвергать “небо”, чем более уверены в силе и красоте земной религии» [Луначарский 1908 : 263]. И впоследствии эта «религия» создавала свои непререкаемые авторитеты, догмы, писание, обряды, святых. В языке этот процесс отразился в переосмыслении семантики слов, обозначений лиц, связанных с религиозной деятельностью: они стали употребляться в переносном смысле, мирское содержание заняло место религиозного. Подобные семантические явления убедительно объясняются *переориентацией* в системе духовных ценностей общества, «в ходе которой традиционная религия под воздействием различных факторов постепенно утрачивает свои главенствующие позиции. Высвобождавшаяся вследствие этого весьма просторная ниша в общественном сознании заполнялась информацией совершенно иного свойства – политикой. По мере политизации общества такая информация и связанные с ней символы сами превратились (или были превращены?) в сакральные ценности: теперь уже сквозь их призму должны были рассматриваться достоинства и недостатки личности» [Васильев 1993 : 85].

Библиографический список

1. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. Репринтное изд-е. – М.: Отчий дом, 2006. – С. 20 (Сл. Дьяченко 1900).

2. Васильев, А.Д. Историко-культурный аспект динамики слова / А.Д. Васильев. – Красноярск, 1994. – С. 157.
3. Васильев, А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка / А.Д. Васильев. – Красноярск, 1997. – С. 85.
4. Васильев, А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике / А.Д. Васильев. – Красноярск, 1993. – С. 85.
5. Вендина, Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 67.
6. Виноградов, В.В. Слово и его значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 8.
7. Виноградов, В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 2000. – С. 84.
8. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – М.: Наука. – 1981. – С. 144–145.
9. Луначарский, А.В. Письмо в редакцию / А.В. Луначарский // Образование. – 1908. – № 1. – С. 163.
10. Маркс, К. Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1964. – Т. 21. – С. 283.
11. Мечковская, Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – М., 1998. – С. 3–4, 36.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – С. 26 (СО).
13. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806. – Ч. 1, А–Д. – Ст. 44–45 (САР).
14. Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб.: Наука, 2002. – С. 37.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М., 1988. – Т. 1. – С. 90.
16. Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1981. – Т.1. – С. 42 (МАС).
17. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М., 1975. – Т.1. – С. 42.
18. Словарь русского языка XVIII века. – М., 1989. – С. 81 (СлРЯ XVIII в.).
19. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М., 1948. – Т.1. – С. 169 (БАС).
20. Словарь современного русского литературного языка. – М., 1981. – Т.1. – С. 206 (БАС2).
21. Словарь языка Пушкина. – М., 1956. – С. 43 (Сл. Пушкина).
22. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – М., 1958. – Т.1. – С. 26.
23. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935. – Т.1. – 1935. – С. 50 (СУ).
24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1964. – Т.1. – С. 81.

СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫЕ СМЫСЛЫ РУССКОГО КОНЦЕПТА *ТЕРПЕНИЕ*

А.А. Бариловская

Концепт, вербализация, варианты, синонимы, терпеть, терпение, репрезентации, словообразовательные гнезда, контекстная сочетаемость.

Системно-языковые смыслы могут быть выявлены при разработке парадигматических связей слова, предполагающей изучение его синонимических и антонимических рядов, контекстной сочетаемости, в т. ч. в паремиях, а также семантических соотношений в словообразовательном гнезде.

Особый интерес вызывает в этом аспекте изучение вариантов вербализации концептов, ключевых для национальной ментальности, например концепта «терпение».

По лексикографическим данным, *терпение* представлено, в частности, в синонимических рядах слов: *терпеливость, долготерпение; многотерпеливость* – маркировано обычно как *устар.*

Так, глагол *терпеть* представлен в следующих синонимических рядах: *вооружиться (или запастись) терпением, выносить, сносить, переносить, выдерживать, нести (свой) крест /оскорбление: глотать, проглатывать (разг.); переносить, сдерживаться, испытывать, терпеть неудачу, терпеть крах, терпеть фиаско (книжн.), допускать, снисходить, послаблять, потворствовать, смолчать, промолчать, удерживаться, воздерживаться. Терпеть поражение: проигрывать, быть побежденным (или разбитым); быть под конем, возвращаться на щите (высок.). Терпимо – удовлетворительно; снисходительно.*

Семантические различия между приведенными синонимами наблюдаются по признаку близости к тому или иному осмыслению концепта «терпение».

1. Основную группу составляют экспликации значения 'переносить – быть стойким перед большим количеством неприятностей или несчастий, находить силу жить в тяжелое время': *выдерживать, выносить, сносить, переносить, испытывать, переживать, нуждаться, страдать, держаться, нести свой крест, крепиться.*

2. Следующая группа относится к значению 'мириться – быть сдержанным при огорчениях и сильных волнениях': *сдерживаться, стерпеть, смолчать, промолчать, удерживаться, воздерживаться, молча сносить обиды.*

3. 'Снисходительно относиться' – *допускать, снисходить, послаблять, потворствовать* [Урысон 2004 : 1154].

Итак, в современном русском литературном языке слово *терпеть* имеет синонимические параллели применительно к различным семантическим вариантам.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [Тихонов 1985 : 224] глагол *терпеть* представлен и как непроемный, и как производный; от него образуется 69 слов различных частей речи. Это словообразователь-

ное гнездо относится к полному структурному типу. Глагол *терпеть* образует 13-ступенчатую словообразовательную парадигму, которая является гетерогенной (образуются слова различных частей речи).

Способы образования новых слов здесь различны: префиксальный, суффиксальный, префиксально-постфиксальный. Анализ словообразовательного гнезда выявляет активность приставочных глагольных образований (*вы-терпеть, до-терпеть, с-терпеть, у-терпеть, пре-терпеть, по-терпеть*), которая указывает на наличие семы процессуальности, конкретизирующейся различными способами действия.

Активны также и атрибутивы *терпеливый, нетерпеливый, долготерпеливый* и т. д. с общим признаком 'имеющий состояние, обозначенное мотивирующим словом', указывающие на то, что *терпение* – это состояние, но следует иметь в виду, что *терпение* ещё и процесс (отглагольное существительное).

Словообразовательные гнезда слов *терпение/терпеть* показывают, что оно обладает хорошими словообразовательными потенциями, а потому продолжает пополняться новыми единицами, т. е. развивается. Однако стоит отметить, что в него не включены известные нам по более ранним эпохам слова *терпеливодушный, терпеливомудренный, терпеливострастный, многотерпеливый*. Древние же слова *долготерпение* и *страстотерпец* и сегодня присутствуют в языке.

В контексте слово каждый раз раскрывает один из своих парадигматических признаков. Конкретные синтагматические связи предопределяются парадигматическими, однако речевое употребление лексических единиц обусловлено не только факторами выбора, но и возможностями лексического и синтаксического соединения одного слова с другим [Медникова 1974 : 68].

В лингвистике стало общепринятым положение о том, что особенности сочетаемости слова находят отражение в его семантической структуре. По мнению исследователей [Апресян 1974; Арутюнова 1973, 1976; Виноградов 1954; Гак 1972, 1988; Телия 1986; Шмелев 1973 и др.], при «семантической синтагматике» (В.Г. Гак) учитываются не только формально выраженные, но и скрытые в значении семантические компоненты. В речевом употреблении происходит актуализация значения и формируется речевая семантика, отличающаяся бесконечным многообразием.

Контекстная сочетаемость слов *терпение /терпеть* анализируется нами на материале иллюстраций к лексикографическим толкованиям в различных словарях; при этом обращается внимание на жанрово-стилистический характер источника (художественная литература, публицистика, разговорная речь, пословицы и поговорки).

У слов с корнем *терп-* наблюдаются различные варианты сочетаемости: *терпеливый кто* (человек, больной, ученик), *терпелив в чем-то* (в несчастье), *терпеливый по чему* (по характеру, по натуре), с наречием *очень, исключительно терпеливый; быть, казаться, стать терпеливым; терпеливо переносить что-л., ждать, выслушивать; терпеть что-то* (боль, обиду); *терпеть как-долго, кого-либо, могу – не могу терпеть, терпеть кому* и др.

Словарь Даля дает возможность выявить, как концепт «терпение», будучи представленным в поговорках, закреплен в народном сознании. Этот материал можно разделить на несколько групп.

Терпенье и труд всё перетрут; терпи, казак, атаманом будешь; терпя, в люди выходят; обтерпимся, и мы люди будем; терпенье дает уменье. В данных пословицах отражается представление о том, что *терпение* – это качество, которое помогает человеку, позволяет ему двигаться вперед, совершенствоваться. В данном контексте терпению родственны семы «упорство, настойчивость, трудолюбие».

Терпение является одной из основных добродетелей религиозного сознания русского народа. Это подтверждают следующие выражения: *за терпенье Бог дает спасенье; терпению – спасенье; без терпенья нет спасенья; терпенье лучше спасенья.* В таком понимании *терпению* присуща сема «смиренье». Пословицы отсылают к евангельским сюжетам о *терпении* Спасителя.

Однако *терпенье* – это очень тяжелое испытание: *терпя, и камень треснет; терпя, и горшок надсядется.* Не каждый готов к *долготерпению* – данная репрезентация концепта активно используется как в сакральной, так и в профанной, бытовой сферах. Поэтому *терпенье* бывает разным, имеет предел, ресурс терпения может иссякнуть: *истерпелись мы, не стало терпения; дотерпелись донельзя; всякому терпению мера; никакого терпенья нет, нельзя терпеть.* Но *терпению* можно и нужно научиться, привыкнуть к такому состоянию: *во все втерпишься; обтерпишься, и в аду ничего; у кузнеца рука к огню притерпелась; стерпится, слюбится.* Встречаются высказывания, где *терпение* сопоставляется с любовью: *стерпится, слюбится; от того терплю, кого люблю.* Здесь оно выступает как умение прощать, принять другого человека. *Терпение* противопоставляется желаниям человека, из чего следует, что это вынужденное состояние: *на хотенье есть терпенье.* Но: *терпеть – это не беда, было бы чего ждать.* И: *лучше самому терпеть, чем других обижать.* Подобные высказывания характеризуют особое восприятие действительности русскими людьми, биполярную жизненную позицию, основанную, с одной стороны, на смирении, безропотном перенесении невзгод, но, с другой стороны, присутствуют настойчивость, упорство, стремление добиваться цели, надежда на лучшее.

В иллюстрациях (Сл. Даля) активно используется концепт «терпение». *Терпение* в основном имеет положительные коннотативные признаки, оно бывает: *удивительным, гордым, большим, необыкновенным, поразительным, похвальным.* Бывает *терпеливая любовь, терпеливые заботы, терпеливая работа.*

Терпеть приходится дураков, голод и холод, гонения, фиаско, крушение, наказание, притеснение, участь гордую, стыд и зло, лишения, нужду.

Основные аспекты концепта, репрезентируемые в контексте русской литературы, по нашим наблюдениям:

- 1) способность переносить нужду, боль, неприятности;
- 2) упорно делать что-то;
- 3) ждать без ропота;
- 4) мириться с наличием кого-, чего-либо;
- 5) очень не любить кого-то, что-то (с отриц.);
- 6) не допускать наличия чего-либо.

В лексикографических цитациях разговорной речи наиболее часто встречаются следующие сочетания: *терпеть боль, насмешки. Не терпится, выйти из терпения, вывести из терпения. Минутку терпения, не терпеть, терпеть не*

могу, терпеть от холода, от зловки, терпеть убытки, терпеть от наводнений, терпеть не люблю, терпеть ненавижу. Таким образом, актуальны значения, связанные с физической болью, с материальным ущербом, широко используется *терпеть* с отрицанием *не*.

Мы отметили некоторые особенности осмысления и выражения концепта «терпение», свойственные русскому народу, определили его особое отношение к данному концепту, даже на уровне анализа иллюстраций к словарным статьям нами были выявлены разноаспектные оценки терпения. Каждая эпоха выбирает своё доминирующее значение, вербализуя его в текстах и речи (ср., например, словари древнерусского языка и словари русского языка советской эпохи).

Библиографический список

1. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972.
2. Котелова, Н.З. Значение слова и его сочетаемость / Н.З. Котелова. – Л., 1975. – 70 с.
3. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов. – М., 1984.
4. Медникова, Э.М. Значение слова и методы его описания / Э.М. Медникова. – М., 1974. – 68 с.
5. Словарь антонимов. – (Серия «Словари»). – М., 2005. – 179–180 с.
6. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М., 1985. – 224 с.
7. Урысон, Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Е.В. Урысон; под общ. руковод. Ю.Д. Апресяна // Языки славянской культуры. – М., Вена, 2004. – 1154 с.

НЕОЛОГИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»

А.О. Тойтукова

Неологизм, внешность человека, периодическая печать, способ номинации, семантическая группа, заимствования, словообразование, морфологический способ, стилистический аспект.

Наиболее активно и очевидно инновационные процессы протекают на лексическом уровне. Пополнение языка новыми словами, отражающими социально-экономические и политические изменения в обществе, происходит постоянно. Интенсивность изменений на лексическом уровне объясняется подвижностью подсистемы. В условиях межкультурной коммуникации происходит усиление языковых контактов, что ведет к увеличению заимствований и активизации словообразовательных типов. Эта ситуация охарактеризована С.И. Алаторцевой как «неологический взрыв».

Проблеме новых слов в русском языке в разное время посвящали свои работы такие ученые, как Г.О. Винокур, А.Г. Горнфельд, А.А. Потебня, М.М. Покровский, А.И. Смирницкий, В.И. Чернышев, Л.В. Щерба. Наиболее активно новые слова исследуются в отечественном языкознании начиная с 60-х гг. XX в., им посвящены работы С.И. Алаторцевой, С.С. Волкова, В.Г. Гака, В.И. Заботкиной, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, И.С. Улуканова. Хотя субъективность критерия новизны делает неологизмы нелексикографируемыми или в очень слабой степени лексикографируемыми словами, их фиксация в словарях создает большие возможности для научного описания. В русской лексикографической традиции неологизмы фиксируются в специальных словарях-справочниках «Новые слова и значения» под редакцией Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина, Толковом словаре русского языка начала XXI в. под редакцией Г.Н. Складневской и др. В XXI в. неологизмам посвящены специальные исследования Е.В. Сенько, Г.Ф. Алиаскаровой, А.Ф. Страмного и др. «Современная лингвистическая наука пополнилась значительным количеством теоретических данных благодаря возникновению и развитию новой отрасли языкознания – неологии, изучающей процессы лексико-семантического обновления языка. Формирование неологии было вызвано осознанием нового слова как самостоятельной лингвистической категории, прошедшей в своем становлении путь от понимания неологизма как заимствованной русским языком лексической единицы до осмысления его как сложного многомерного явления языка» [Сенько 2000 : 373]. По мнению Н.З. Котеловой, возникновение новых номинаций как ответ на социальный запрос – главная движущая сила неологизации во всех языках и на всех этапах их развития [Котелова 1982 : 4].

Целью данного исследования является описание семантической группы неологизмов *Внешность человека*, извлеченных из периодической печати 2005–2008 гг., в семантическом, деривационном и функциональном аспектах.

Обращаясь к проблеме новых слов, определимся с критериями, согласно которым слово может считаться неологизмом.

1. Номинативный критерий: однозначное соответствие между означаемым и означающим: «лексические инновации, устанавливая во многих случаях однозначное соответствие между означаемым и означающим, способствуют языковому автоматизму: отдельное значение – отдельный знак, а тем самым – формальной лексической регулярности в системе языка, что отвечает знаковому характеру последнего как средства коммуникации» [Сенько 2000 : 377].
2. Психолингвистический: ощущение носителями языка «ореола новизны».
3. Временной, указывающий на существование неологизма в определенный период в истории языка и общества.
4. Локальный: языковое пространство.

По виду языковой единицы неологизмы делят на неолексемы, неофраземы, неосемемы [Попова и др. 2005 : 26].

Неолексемы – это новые слова, являющиеся результатом заимствования или словообразования. Неофраземы – новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические словосочетания (по терминологии Н.Э. Котеловой [Котелова 1978 : 17]). Неосемемы – новые значения старых слов и фразеологизмов.

Лингвистическими принципами классификации неологизмов в языке являются следующие: а) по способу номинации, согласно которому неологизмы подразделяются на собственно неологизмы естественного происхождения и собственно неологизмы искусственного происхождения – слова, впервые зафиксированные в языке, обладающие новым звукорядом и морфемным составом; б) деривационный принцип (по способу словообразования); в) частеречный (морфологический), по принадлежности к определенной части речи; г) стилистический, по функционированию неологизмов в определенном стиле речи [Алиаскарова 2006 : 8].

По способу номинации, например, Г.Ф. Алиаскарова отмечает как явление естественной номинации заимствования из английского языка и его варианта – американского, например: job – работа, shopping – покупки, DVD-плеер, ноутбук. Среди новых слов-заимствований наибольший удельный вес занимают существительные на -инг: аутсорсинг, банкинг, роуминг (banking, roaming). В связи с радикальными переменами в общественно-политической жизни России в русский язык прочно вошли некоторые политические термины английского происхождения: спикер – председатель парламента, от англ. speaker – оратор. Вошли в лексику исследуемых языков названия некоторых профессий: провайдер – поставщик (от англ. provider).

Большое количество новых слов в языке образовано из имеющегося в языке словообразовательного материала морфологическим способом.

Ученые считают, что в грамматическом отношении основную массу неологизмов, фиксируемых языковым сознанием, составляют существительные, это отражает основную функцию неологизмов – называть новые предметы и явления.

Исследуемые нами слова по виду языковой единицы являются неолексемами и неофразами. В данной работе рассматриваются неологизмы, относящиеся к семантической группе *Внешность человека*. В основе первого уровня класси-

фикации лежит семантический принцип. Нами выделены четыре семантические микрогруппы: *лицо, тело, волосы, мода*.

В семантическую микрогруппу *Лицо* вошли неолексемы со значением:

1) *косметика*: мейк-ап – макияж. – Но даже если не брать в расчет время (которое съедает мейк-ап), все равно жить с косметикой сложнее (Cos 06.2008. – С. 264);

2) *косметические процедуры*: термаж – безоперационная подтяжка кожи лица, шеи, тела (ЖЗ июнь 2008), из др. – греч. termos – «теплый, горячий» (НСИСВ 2007); матировать. – New and natural – увлажняет и матирует (G1 апрель 2008);

3) *предметы для макияжа*: бьюти-кейс, из англ. case < фр. casse < лат. caspa ящик, футляр – кейс красоты. – Оля мужественно убрала всю косметику в бьюти-кейс, а сам чемоданчик спрятала подальше – чтобы не было соблазна... (Cos 06.2008. – С. 264); палетка – мини-упаковка. – Проще (и экономнее) пользоваться мультипродуктами – палетками теней, румян, помад и т. д. (Cos 06.2008. – С. 327), из фр. palette – пластинка (НСИСВ 2007); сэмпл – пробник, из англ. sample. – Я бы хотела попробовать их, прежде чем покупать. У вас есть сэмплы? (Cos 06.2008. – С. 328); консилер – косметика для глаз (КИ фев. 2008); минитумблер. – Мини-тумблер на крышке тюбика переключает «мощности» пилинга (G1 апрель 2008); спонж – косметическая губка (G1 апрель 2008);

4) *косметические средства*: ревиталайзинг – крем (Кат. Фаберлик ноябрь 2007); гидрофреш – крем-гель (Cos июнь 2000); хайлайтер – выделитель. – Светлой пудрой хайлайтером выделите выступающие части: скулы, надбровные дуги, подбородок (дуэт для придания четкости чертам лица) (G1 апрель 2008); пилинг – крем и процесс (G1 апрель 2008); бронзер. – Матовым бронзером аккуратно припудрите щеки и крылья носа (дуэт для придания четкости чертам лица) (G1 апрель 2008);

5) *затраты*: бьюти-бюджет – бюджет красоты. – Чтобы не затягивать этот самый пояс, достаточно пересмотреть свой бьюти-бюджет (Cos 06.2008. – С. 327).

Из 15 неолексем семантической группы *Лицо* 14 грамматически оформлены как существительные, 1 – как глагол.

В семантической группе *Тело* неолексемы со следующими значениями:

1) *искусство делать тело*: боди-арт, – англ. body art – искусство делать тело (Выбирай июнь, 2008); body-ритр – силовой тренинг со специальной штангой+ сжигание калорий (Выбирай июнь, 2008); хиромассаж – массаж рук (Выбирай июнь, 2008); кинезиология – мышечное тестирование (Выбирай июнь, 2008);

2) *физкультура*: фитнес – поддержание физической формы (Выбирай июнь, 2008); пауэрстрейк – фитнес-программа (ДК июль 2008); пилатес – направление в аэробике (пластика, мягкое укрепление тела) – метод Пилатеса, от фамилии создателя Йозефа Пилатеса в начале XX в. Подразумевает практику контроля состояния мышц мысленным усилием, «в гармонии с собой» (Выбирай июнь, 2008); каратэробика – вид аэробики (Выбирай июнь, 2008); core-тренинг – направление в фитнесе (Выбирай июнь, 2008); тай-бо – направление в аэробике (Выбирай июнь, 2008);

3) *тренажеры*: слайд-супербедро – уникальная дорожка для проработки бедер (ДК май 2008);

4) *пробы*: тест-драйв – проба эпилятора. – Летом сотни восторженных взглядов провожают тебя, твою мини-юбку и, конечно, ноги! «Silk-epil Xpressive тест-драйва», протестировавших на себе новый эпилятор Braun и благодаря ему оказавшихся на страницах Cosmo (Cos 06.2008. – С. 138); англ. test – исследование, проба, испытание (НСИСВ 2007).

Семантическая группа **Тело** представлена 12 именами существительными.

В семантическую микрогруппу **Волосы** входят неолексемы со значением:

1) *прическа*: трессы – локоны, косички (Выбирай июнь, 2008); брайды – афро-косички. – Брайды могут заплести только те девушки и юноши, у которых волосы не короче 10 сантиметров (К. пр. 14–21.07.2005);

кониколон – искусственные волосы. – Альтернативная молодежь легко обходится без кониколона – обычными хлопчатными нитками для вязания (К.пр. 14–21.07.2005 № 110); креативная стрижка (из телерекламы 2008); лат. creatio – созидание, сотворение (НСИСВ 2007); керли – прическа (Выбирай июнь, 2008);

2) *уход за волосами*: биолаж-терапия – косметика для волос (Выбирай июнь, 2008);

3) *цвет волос*: красная армия. – В моду вернулся рыжий цвет (G1 апрель 2008); медные трубы. – Этой весной волосы знаменитостей бликуют всеми оттенками рыжего (G1 апрель 2008); меляж – придание отдельным прядям волос разных оттенков одного цвета. – Меляж отличается совершенно другой технологией, более долгой и трудоёмкой. Волосы в итоге получаются как бы в полтонах. Все это делается для того, чтобы придать выразительность волосам (КИ 01. 2008);

4) *наука о волосах*: трихология – греч. trichoma – волосы (Выбирай июнь, 2008);

Семантическая группа **Волосы** представлена 7 именами существительными и 2 словосочетаниями.

В семантической группе **Мода** наблюдаются неолексемы в следующих значениях:

1) *модный*: фэшн-направление (G1 апрель 2008); фэшн-идея – модная идея. – Мы уверены, что подражательниц этой «пернатой» фэшн-идеи будет великое множество (Cos 06.2008. – С. 142);

2) *мода прошлых лет*: ретро тема. – Эта ретро тема проходит через фильм в буквальном смысле красной нитью (Cos 06.2008. – С. 141); лат. retro – назад (НСИСВ 2007); винтаж – ретроаксессуар или предмет гардероба, не моложе 1980 г. либо сделанный в этом стиле (ДК май 2008); винтажный. – В одной из сцен Кэрри дефилирует в белом винтажном платье, на плече которого красуется брошь в виде гигантского гибискуса (Cos 06.2008. – С. 141); Это так винтажно! (G1 апрель 2008);

3) *стиль*: секси, англ. sex – пол, секс – сексуальный (G1 апрель 2008); милитари, лат. militaris – военный (Мода. Лиза, с. 120);

4) *цвет*: цветофор. – В новом сезоне помимо красного, желтого и зеленого движение регулируют синий, оранжевый и ярко-розовый (G1 апрель 2008);

5) *модные детали*: мегаукрашения. – После сериала в моду вошли украшения в виде цветов. В фильме эта тема продолжается и... укрупняется.... В филь-

ме можно увидеть огромные серьги. Массивные кольца и удивительное украшение, в котором предстанет Шарлотта на свадьбе (Cos 06.2008. – С. 141); греч. *mega*. – большой, приставка для обозначения единиц, по размеру равных миллиону (Крысин 2005; НСИСВ 2007); принт – рисунок. – Лодочки с принтом зебры (Cos 06.2008. – С. 141); Суровый морской принт (Cos 06.2008. – С. 324); англ. *to print* – печатать (Крысин 2005); танкини – разновидность бикини. – Низ закрытого купальника с низким вырезом на бёдрах (стиль 40–50-х гг. XX в., пляжная мода 2008); клатч – маленькая сумочка. – На протяжении всего фильма Кэрри появляется с огромным количеством разных клатчей и сумок (Cos 06.2008. – С. 142);

б) *контроль одежды*: дресс-код – правила, форма одежды. – У вас что, новый дресс-код на работе. – Если губы не накрасишь, не пустят?; фр. *code* – совокупность знаков, символов и определённых правил (НСИСВ 2007) (Cos 06.2008. – С. 263).

Из 13 неолексем семантической группы *Мода* 10 существительные, 3 прилагательные.

Выявляя пути возникновения новых слов, отмечаем, что из 50 проанализированных новых слов 21 представляет собой заимствование, 29 слов образованы из уже имеющихся в русском языке элементов на основе словообразовательных элементов языка:

а) морфологический способ:

аффиксация:

- 1) существительные с суффиксом *-аж* от иноязычной основы со значением названия действия: термаж, меляж;
- 2) существительное с суффиксом *-к* от иноязычной основы со значением предметности: палетка;
- 3) существительные с аффиксоидом *-лог* для обозначения науки: кинезиология, трихология;
- 4) прилагательные с суффиксом *-н* от иноязычной основы: винтажный, винтажно, креативный;
- 5) глаголы с суффиксом *-ирова* от прилагательного *матовый* со значением «делать матовым»: матировать;
- 6) словосложение заимствованного слова с другим, более ранним заимствованием: бьюти-кейс, бьюти-бюджет, боди-арт, хиромассаж, тест-драйв, слайд-супербедра, биолаж-терапия, фэшн-направление, фэшн-идея, дресс-код; мини-тумблер, каратэробика, ретротема;
- 7) сложные слова с первым корнем заимствованием, употребленным в латинской графике: *body-* ритр соге-тренинг;
- 8) сложные слова с первым корнем заимствованием, вторым корнем русским: мегаукрашения;

б) семантический способ:

- 1) существительные, образованные методом языковой игры: светофор – цветофор;
- 2) неофраземы, образованные методом языковой игры из устойчивых словосочетаний: красная армия (о красках для волос красных оттенков), медные трубы (о красках для волос с медными оттенками).

Таким образом, выясняется, что в данной семантической группе среди неолексем около 40 % заимствований. Однако 60 % неолексем образованы из средств русского языка. Это говорит о том, что современный русский язык пополняется не только заимствованиями, но в нем идут активные процессы пополнения русского лексикона путем новообразований.

Стилистический аспект описания неолексем обусловлен функционированием неологизмов семантической группы *Внешний вид* в публицистическом стиле речи, конкретнее, в текстах глянцевого журналов.

Несомненно, среди важнейших факторов внутреннего порядка, оказывающих влияние на процесс пополнения словарного запаса языка, выделяются потребность в наименовании новых явлений и предметов; тенденция, получившая название «языковой экономии» (О. Есперсен), или «закона экономии языковых усилий» (А. Мартине). В качестве причин, обуславливающих появление неологизмов и не служащих цели номинации новых реалий, выделяются стремление к обобщению, дифференциации, стремление говорящих нарушить языковой автоматизм.

Библиографический список

1. Алиаскарова, Г.Ф. Сравнительный анализ неологизмов в русском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Г.Ф. Алиаскарова; Казанский гос. ун-т. – Чебоксары, 2006. – 23 с.
2. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
3. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск, 2007.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова; изд. 25-е. – М.: Мир и образование, 2006.
5. Попова, Т.В. Неология и неография современного русского языка / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – М.: Флинта, 2005.
6. Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX в.: междисциплинарный аспект: дис. ... д-ра филол. н. / Е.В. Сенько. – Волгоград, 2000.
7. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Астрель; АСТ. – 2001. – 944 с.

Список сокращений

- Выбирай июнь, 2008 – журнал «Выбирай».
- ДК июль 2008 – газета «Деловой Красноярск».
- ЖЗ июнь 2008 – журнал «Женское здоровье».
- Кат. Фаберлик ноябрь 2007 – Каталог «Фаберлик».
- КИ фев. 2008 – журнал «Караван истории».
- К. пр. 14–21.07.2005 – газета «Комсомольская правда».
- Мода. Лиза, 2007 – журнал «Мода. Лиза».
- G1 апрель 2008 – журнал «Glamour».
- Cos 06.2008 – журнал «Cosmopolitan».

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЛОБАЛЬНОМ ЭВОЛЮЦИОНИЗМЕ И СИНЕРГЕТИКЕ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

В.В. Минеев

Синергетика, философия науки, неравновесность, нелинейность, кооперативность, хаос, диссипативная структура, фазовый переход, бифуркация, аттрактор, фрактал, обратная связь, энтропия.

Ни физики, ни философы не пришли к согласию по вопросу о том, насколько важную роль играют в современной науке понятия «синергетика», «самоорганизация», «странный аттрактор». Но факт остается фактом: формирование представлений о синергетике и глобальном эволюционизме стало одной из приоритетных задач, обозначенных в программе курса «История и философия науки» [Программа кандидатских экзаменов ... 2004]. Количество просветительских статей и изданий учебно-методического характера, авторы которых более или менее обстоятельно растолковывают преподавателю смысл этих понятий, не поддается счету [Черникова 2001; Философия ... 2005]. И всё же по-настоящему удачных методических решений пока не предложено. Задача трудная (может быть, даже поставленная не совсем правильно): суметь адекватно разъяснить аспиранту-гуманитарию категории высокоматематизированной дисциплины, каковой является синергетика. С другой стороны, аспиранта-физика предполагается убедить в том, что к концу XX в. его наука стала какой-то совершенно не такой, чем за пятьдесят лет до того, что она приобрела «человеческий» аспект (таков один из тезисов, выражающих трудноуловимую сущность глобального эволюционизма). Не претендуя на решение этой задачи, можем лишь поделиться опытом работы с новым для нас материалом.

Трехгодичный опыт преподавания курса подсказал следующий порядок развертывания понятий темы: сопоставление особенностей классического, неклассического и постнеклассического периодов в эволюции науки Нового времени – краткий экскурс в историю теории относительности и квантовой механики – обстоятельный (и обязательный!) экскурс в область термодинамики – знакомство с понятиями синергетики – обобщение представлений об энтропии и об информации – знакомство с главными идеями концепции глобального эволюционизма – рассмотрение концепции информационного общества с дальнейшим переходом к социально-философской проблематике. Остановимся на перечисленных «дидактических единицах» чуть подробнее.

Трансформация классических форм в неклассические происходила на рубеже XIX XX вв. во всех сферах культуры, во всех областях научного познания. Процесс этот протекал неравномерно (он не закончился даже сегодня). Трудно сказать, кто внес в него наибольший вклад: физики, биологи, художники или фи-

лософы. Однако ключевое положение (не главное, а именно ключевое, узловое) в неклассической парадигме науки занимают теория относительности и неразрывно с ней связанная квантовая механика. Подобно тому как классическая механика составила фундамент естествознания и обществоведения XVII-XIX вв., теория относительности образовала ядро чрезвычайно разросшейся системы научных знаний в XX в., послужила неким связующим звеном, всеобщим методологическим и мировоззренческим ориентиром для людей самых разных профессий и убеждений. Теория относительности – это физическая теория, рассматривающая пространственно-временные закономерности, универсальные метрические свойства пространства-времени. А ведь *любой* процесс протекает только в пространстве и во времени. Именно фиксация пространственных и временных совпадений лежит в основе отождествления или различения событий, в основе всякого наблюдения и эксперимента. Квантовая, или волновая, механика – физическая теория (область физики), изучающая взаимодействие (движение, свойства) микрочастиц, а также описывающая взаимозависимости между событиями микромира и состоянием макросистемы, сложилась в результате распространения принципа корпускулярно-волновой двойственности, первоначально установленной для фотона, на *любые* объекты микромира. Поскольку свойства макроскопических тел определяются взаимодействием микрочастиц, квантовая механика составляет фундамент современных научных и философских представлений о веществе и о поле. Принципы квантовой механики позволяют объяснить зависимость свойств веществ от их атомарного строения.

Воздействие квантово-механических воззрений на философскую онтологию и гносеологию было решающим: физики (а вслед за ними все остальные) отказались от жесткого детерминизма и от примитивно-материалистической веры в то, что истинное знание есть точная копия не зависящей от нас «реальности», отступили от требования наглядности физической теории и признали возможность сосуществования нескольких не сводимых одно к другому описаний объекта. Что касается философского (мировоззренческого и методологического) значения теории относительности, то оно заключается в следующем. *Во-первых*, было продемонстрировано внутреннее единство пространства и времени. *Во-вторых*, была раскрыта зависимость пространственно-временного континуума от распределения гравитационных масс и, таким образом, конкретизирована философская идея о том, что пространство и время выражают определенные отношения между объектами, а не являются самостоятельными «сущностями». *В-третьих*, теория относительности стала логическим завершением разнообразных научных поисков XIX в.: а) получило объяснение совпадение гравитационной и инертной масс; б) обрела физический смысл неевклидова геометрия; в) были преодолены трудности, с которыми столкнулась классическая электродинамика и т. д. *В-четвертых*, теория относительности стимулировала развитие комплекса новых научных теорий. *В-пятых*, ушла в прошлое механистическая, наивно-материалистическая картина мира. Эйнштейн говорил о влиянии, оказанном на него учениями Юма, Канта, Маха; раскрепощению мышления Бора способствовала философия Кьеркегора, направленная против классических форм материализма и идеализма; в мировоззрении Гейзенберга идеи Платона плодотворно взаимодействовали с позитивистскими установками. *В-шестых*, в теории отно-

сительности и в квантовой механике математизация знания достигла качественно нового уровня. Развертывание математического аппарата естественнонаучной теории стало опережать ее собственно физическую интерпретацию. Физическая (вообще вербальная) интерпретация полученных математических соотношений превращается в главную методологическую проблему.

Что касается философского значения современных естественнонаучных идей, то оно гораздо серьезнее, чем значение теории относительности и квантовой механики. Квантово-механическая модель, акцентировавшая неизменность законов природы и обратимость физических процессов, отвечала скорее царству искусственных механизмов, чем особенностям реальной вселенной. В первой половине XX в. необратимые процессы (например, старение) изучались биологами, но не физиками. По мнению Ильи Пригожина, именно «переоткрытие времени», связанное с осознанием важности факта термодинамической необратимости (а значит, зависимости от стрелы времени), знаменует начало новой эпохи в естествознании. Вселенная имеет возраст.

Итак, в постнеклассической науке методологической основой междисциплинарного обобщения знаний и, соответственно, теоретическим каркасом обновленной картины мира становится концепция глобального эволюционизма. Возникла она, *во-первых*, в результате синтеза системного и эволюционного подходов; *во-вторых*, вследствие сближения естественных и социально-гуманитарных наук; *в-третьих*, благодаря взаимодействию конкретно-научных теорий с философско-мировоззренческими учениями; *в-четвертых*, в силу необходимости глубже и конкретнее оценить положение человека в биосфере, в связи с экологизацией науки (и культуры в целом).

Глобальный эволюционизм – мировоззренческий и методологический принцип, а также общенаучная концепция, в рамках которой обобщаются биологические, геологические, физико-космологические и иные знания о механизмах эволюции, а весь мир рассматривается как единая самоорганизующаяся целостность. При этом человек и общество рассматриваются в качестве не только продукта, но и действующего фактора космического процесса – процесса коэволюции систем. Принципом глобального эволюционизма руководствуются Владимир Иванович Вернадский, Пьер Тейяр де Шарден, Эрнст Янч, Никита Николаевич Моисеев, А. Лима де Фариа и множество других выдающихся ученых XX в.

Поскольку природное бытие человека включает познавательную и практическую деятельность, то только глобальный эволюционизм открывает путь к пониманию единства природы и истории, к характерному для постнеклассической науки включению самого человека с его целями и ценностями, с его экологическими и нравственными императивами в структуру объекта познания.

Было бы заблуждением думать, будто классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы выстраиваются в статичную последовательность. Научная традиция представляет собой неравномерно развивающуюся *динамическую* систему. Сначала вперед вырываются одни области знания, затем их обгоняют другие: более или менее постоянный набор концепций время от времени меняет свою конфигурацию. Так, предпосылки теории относительности и квантовой механики – статистическая физика, теория поля, неевклидова геометрия – кристаллизовались еще в недрах классической науки. В свою очередь,

системный подход, эволюционизм, антропоцентризм, технократизм присутствовали в европейской научно-философской мысли, по крайней мере, начиная с эпохи Ренессанса. На протяжении столетий процесс формирования элементов будущей постнеклассической парадигмы протекал весьма интенсивно, но к середине XX в. стал настолько мощным, что перекрыл, поглотил креативные процессы, развертывавшиеся вокруг теории относительности и квантовой механики, что и выразилось в наступлении нового этапа в истории науки.

В основу динамической модели истории науки автор статьи положил бы принцип развития системы знаний путем взрывного изменения содержания, строения и функции одного из ее элементов с последующим преобразованием системы. В эпоху Ренессанса механика была одной из областей физико-космологических знаний (включавших также учения о свете, о магнетизме, о времени), а физико-космологические знания являлись частью еще более широкой совокупности организмических, натурфилософских представлений о мире. Затем механика раздалась вширь и ввысь и заключила в свои пределы остальные науки. В XX в. физико-космологическое знание (принявшее форму релятивистских и квантовых теорий) взорвало изнутри границы классической механики и вновь ее поглотило. Тем временем организмическая концепция переросла рамки классической и неклассической парадигм и сегодня близка к тому, чтобы вновь охватить всю совокупность знаний о мире и человеке. Охватить и биологию, и космологию, и историю, трансформирующуюся сегодня из летописи пресловутой «классовой» борьбы в исследование роли реальных сообществ *Homo sapiens* в эволюции биосферы.

В XX в. в связи с существенным усложнением объекта познания (микромир, мегамир, организм, язык, социум, экономика, биосфера, техносфера) складывается новое научное направление – общая теория систем (ОТС), изучающая свойства систем независимо от их вида и природы. Основоположником ОТС считается австрийско-канадский биолог Людвиг фон Бергаланфи (1901–1972). В 1930-е гг. он успешно применил к исследованию биологических систем – систем открытых и неравновесных – формальный аппарат термодинамики и физической химии. Работы Бергаланфи оказали обратное воздействие на судьбу термодинамики, на физику, обусловив становление постнеклассической парадигмы в естествознании. Термодинамика – раздел физики, в котором изучаются общие свойства термодинамических систем, термодинамические процессы. За термодинамическую систему принимается совокупность тел, которые могут обмениваться между собой и с окружающей средой веществом и энергией. Поскольку система состоит из огромного числа элементов (атомов, молекул), ей присущи макроскопические параметры – температура, давление, объем, концентрация, а реже – и некоторые другие (например, магнитная индукция). С течением времени в изолированной системе прекращаются все необратимые процессы, связанные с рассеянием энергии (диффузия, теплопроводность, химические реакции), и параметры перестают изменяться. В таком случае говорят, что система находится в состоянии термодинамического равновесия. Эмпирически установленные закономерности поведения термодинамических систем получили название «начал термодинамики». Согласно первому началу, невозможно совершить работу, не черпая энергию из какого-либо внутреннего или внешнего источника. Иными

словами, энергия всегда сохраняется, хотя существуют два способа ее передачи: теплота и работа. Нагревая систему, мы побуждаем ее структурные элементы двигаться неупорядоченно (хаотично), а, совершая над ней работу, принуждаем их двигаться упорядоченно. Сталкиваясь с частицами системы, частицы среды вовлекают их в согласованное или, наоборот, в несогласованное (тепловое) движение. Согласно второму началу термодинамики, в замкнутой системе энтропия (мера необратимого рассеяния энергии) либо возрастает, либо остается неизменной. Действительно, макроскопические процессы самопроизвольно протекают только в одном направлении. Теплота не переходит сама по себе от холодного тела к нагретому. Закон возрастания энтропии выражает тенденцию к переходу системы от менее вероятного состояния к более вероятному. Равновесие – самое вероятное состояние.

В отличие от первого начала второе начало термодинамики допускает отступления. В небольших зонах системы, содержащих незначительное число элементов, непрерывно возникают флуктуации. Флуктуации – случайные отклонения физических величин от средних значений. Примерами флуктуационных процессов, сопровождающихся локальным уменьшением энтропии, служат броуновское движение, радиошумы, колебания температуры и давления около средних значений... Согласно гипотезе Больцмана, выдвинутой им в 1872 г. и устаревшей только в деталях, вся наша вселенная может оказаться гигантской флуктуацией, зоной упорядоченности, спонтанно возникшей в мировой бесконечности. Изучение феномена самопроизвольного перехода из равновесного состояния в неравновесное (от хаоса к порядку) чрезвычайно важно для понимания процессов самоорганизации.

Неравновесным называют состояние системы, выведенной из равновесия. В ней сразу же начинаются необратимые (они же неравновесные) процессы, стремящиеся вернуть ее в состояние равновесия, то есть устранить любые различия между ее частями. Наблюдается направленный перенос вещества, теплоты, импульса, сопровождающийся повышением энтропии. Однако подвод энергии или вещества извне и, соответственно, отвод энтропии может воспрепятствовать долгожданному возвращению в состояние равновесия. Тогда-то и возникает стационарное неравновесное состояние, которое не изменяется с течением времени. Если классическая термодинамика описывала равновесные процессы, а для неравновесных лишь устанавливала возможное направление, то в XX в. неравновесная термодинамика захватила лидерство. В тесном контакте с ней и развивалась синергетика.

Синергетика (от греч. *synergetikos* – согласованно действующий) – междисциплинарная область научных исследований, направленных на познание общих закономерностей самоорганизации в неживой и в живой природе. Точнее, предметом синергетики являются процессы образования, поддержания и разрушения структур в неравновесных системах любой природы, процессы возникновения порядка из беспорядка: образование ячеек в подогреваемой жидкости (гидродинамика), синхронизация мод в лазерном генераторе посредством внешних периодических воздействий (физика), автоколебательные реакции (химия), рождение спиральных галактик (космология), организация сообществ (экология)... Синергетика, родоначальниками которой считаются немецкий физик

Герман Хакен и бельгийский физико-химик Илья Романович Пригожин, сложилась в 1970-е гг. и сразу же стала составляющей концепции глобального эволюционизма. Важную роль в истории науки о самоорганизации сыграли отечественные ученые: Б.П. Белоусов, открывший в 1951 г. автоколебательную химическую реакцию, и А.М. Жаботинский, обобщивший полученные Белоусовым результаты; М.Е. Жуковский и С.А. Чаплыгин, на заре XX в. попытавшиеся проникнуть в тайну турбулентности; А.А. Андронов, Р.В. Хохлов, С.А. Ахманов, занимавшиеся автоволновыми процессами (термин «автоколебания» Андронов ввел еще в 1928 г.); наконец, несколько поколений российских математиков, начиная с Л. Эйлера и А.М. Ляпунова, разработавших необходимый формальный аппарат.

Термин «синергетика» вошел в употребление в Германии и в России. Во франкоязычных странах прижилось название «теория диссипативных структур», в США – «теория динамического хаоса». Встречаются и другие наименования: «эволюционная термодинамика», «науки о сложном». Некоторые специалисты вообще отрицают особый дисциплинарный статус синергетики и относят ее предмет преимущественно к ведению таких разделов математического знания, как теория катастроф, теория бифуркаций, теория игр, теория автоколебаний.

Любимым процессам самоорганизации (и, соответственно, самоорганизующимся системам) присущи несколько черт: неравновесность, нелинейность, важная роль флуктуаций в связи с пороговым характером, кооперативность, конкурентность, пространственно-временная корреляция (пространственный и временной синхронизм). И, конечно же, речь идет о системах открытых и макроскопических. К центральным категориям синергетики относятся также хаос, диссипативная структура, фазовый переход, бифуркация, аттрактор, фрактал, обратная связь, энтропия. Остановимся на этих понятиях чуть-чуть подробнее.

Обычно самоорганизацию сравнивают с фазовым переходом, под которым понимается *скачкообразное* изменение свойств системы при *непрерывном*, плавном изменении внешних условий (вспомним переход вещества из одной фазы в другую, внезапное замерзание воды при понижении температуры). При достижении точки перехода мириады беспорядочно снующих элементов макросистемы вдруг начинают действовать согласованно, кооперативно (коллективно, когерентно): атомы лазера испускают когерентное излучение, молекулы формируют кристаллическую решетку, в подогреваемой жидкости устанавливаются конвекционные токи, волновые функции всех частиц синхронизируются, птицы выстраиваются правильным треугольником... Система приобретает новое качество (лазерный луч). При этом на макроскопическом уровне наблюдается появление диссипативной структуры, то есть некоторой упорядоченности, свидетельствующей об установлении стационарного неравновесного состояния (ячейки в подогреваемой жидкости). Такая структура поддерживается за счет непрерывного обмена энергией и веществом с окружающей средой, а диссипативной называется потому, что энергия упорядоченного движения постепенно рассеивается, переходит в энергию движения теплового.

Процессы самоорганизации относятся к нелинейным, не могут быть описаны линейными уравнениями. Все реальные физические системы, конечно, нели-

нейны; линейная система – это теоретическая идеализация, упрощенная модель. Но степень нелинейности может быть различной. Самоорганизация несовместима ни со слишком высокими показателями нелинейности, ни со слишком низкими. Нелинейность связана с присутствием флуктуаций и с наличием порога чувствительности к ним. Устойчивой системе удается гасить вспышки флуктуаций, всякий раз восстанавливать утраченное равновесие (говорят также, что система находится в устойчивом состоянии). Напротив, в неустойчивой системе (или в неустойчивом состоянии) небольшие отклонения спонтанно усиливаются до крупномасштабных возмущений, в результате чего она эволюционирует в качественно иное состояние. Линейная система колеблется вблизи некоторого устойчивого, стационарного состояния, а вот нелинейная имеет состояния устойчивые и неустойчивые, движется по сложной траектории от одной фазы к другой. Потеря устойчивости наблюдается вблизи точек бифуркации, в которых скачком изменяется режим процесса, система как бы выбирает путь, по которому двинется дальше.

Точка, притягивающая к себе фазовую траекторию и соответствующая состоянию равновесия системы, называется аттрактором. Представим себе колонну, потерявшую устойчивость. Колонна раскачивается вокруг одного центра притяжения, затем как бы перепрыгивает к другому центру и т. д. Множество всех таких центров-точек образует один аттрактор. Он может иметь форму круга, тора или эллипса, в случае же беспорядочного движения приобретает очень сложное строение и именуется странным. Странный аттрактор – область фазового пространства, заполненная запутанными, хаотическими траекториями, – обладает свойством фрактальности, или самоподобия. Фракталом называется объект, малый фрагмент которого воспроизводит структуру объекта в целом. Начертим прямую. При увеличении изображения линия окажется неровной. Возьмем на ней «прямой» отрезок между двумя ближайшими точками и вновь увеличим изображение. Ситуация повторится: мы увидим изгибы, шероховатости, разного рода нерегулярности. Фрактальное строение демонстрируют причудливо ветвящиеся кораллы, клеточные популяции, облака и спиральные галактики, коллоиды и кристаллические решетки, траектория броуновской частицы... Строго говоря, идеальные прямые и окружности природе не свойственны. Фрактальность структур отражает хаотический характер реальных процессов.

Под хаосом в синергетике понимается не беспорядок, а сверхсложная упорядоченность, которая существует неявно, потенциально и может проявиться во множестве разнообразных структур. Вспомним явление турбулентности. В потоке жидкости или газа образуются вихри различных размеров, в результате чего динамические характеристики течения (скорость, температура и т. д.) испытывают флуктуации. Однако турбулентное течение обладает более сложной организацией, чем ламинарное (когда жидкость перемещается ровными слоями параллельно направлению тока), и представляет собой пример динамического, или детерминированного, хаоса. Детерминированным он называется потому, что переходы из одного режима течения в другой подчиняются определенным, хотя и чрезвычайно тонким закономерностям. Хаос – источник неопределенности, случайных событий (флуктуаций), а случайности, в свою очередь, источник порядка.

Мерой хаоса служит энтропия, а мерой упорядоченности, более того, мерой усложнения системы в процессе развития – информация (негэнтропия). Так, при переходе вещества из газообразного состояния в твердое уменьшается энтропия системы и в то же время увеличивается количество информации о расположении молекул. В структуре живого организма запечатлено несравненно больше информации, чем в структуре металлической решетки.

Сложилось несколько основных философских концепций информации. Сторонники одной концепции считают информацию универсальным свойством всей природы. Это свойство связано со способностью систем воспринимать, сохранять и преобразовывать воздействия среды. Источниками, носителями, потребителями информации выступают любые материальные объекты. Сторонники другой концепции более осторожны и полагают, что информацией обладают только живые и самоуправляющиеся системы, а поборники третьей используют категорию «информация» исключительно по отношению к человеческому сознанию (в крайнем случае, по отношению к системам, созданным и функционирующим при участии человека).

По-видимому, именно с объяснением глубинного единства термодинамической, статистической, информационной и эволюционной трактовок энтропии (и информации) связаны перспективы дальнейшего развития концепции глобального эволюционизма. Совмещение термодинамического подхода с информационным позволило бы представить универсум как единую многоуровневую, самоуправляющуюся систему, включающую в качестве необходимого элемента и человечество. В таком универсуме средствами передачи сообщений могут служить символы культуры, молекулярно-генетические коды, электромагнитные волны, а сами законы природы могут соответствовать системным программам. Доказательство гипотез такого рода составляет мировоззренческую задачу сторонников номогенеза, антропного принципа, глобально-эволюционного подхода в целом.

Библиографический список

1. Программы кандидатских экзаменов «История и философия науки». – М.: Гардарики, 2004. – 64 с.
2. Черникова, И.В. Философия и история науки / И.В. Черникова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2001. – 352 с.
3. Философия и методология науки. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 220 с.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ НА ОСНОВЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

М. Кимура, В.Л. Гавриков, Е.В. Ворошилова

Когнитивная база, языковая картина мира, прецедентные феномены, ассоциативный эксперимент, японская национальная когнитивная база.

В настоящее время актуальным является исследование когнитивной базы русской национальной культуры, которое имеет значение как для теоретической лингвистики, так и для развития методических основ преподавания иностранных языков. Термин *когнитивная база* был введен О.А. Корниловым, который провел глубокий анализ понятия *языковая картина мира* и рассмотрел ее роль именно в межнациональной коммуникации [Корнилов 2003]. Под когнитивной базой понимают совокупность национальных реалий, определенным образом структурированные знания и представления, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета. Знание любого национального языка на научно-теоретическом уровне, не дополненное владением когнитивной базой, неизбежно приводит либо к коммуникативным сбоям, либо к псевдопониманию [Корнилов 2003 : 64]. Вербализованная когнитивная база народа состоит из вербальных прецедентных феноменов, в качестве которых могут выступать, например, общеизвестные литературные источники.

Понятие прецедентных феноменов (первоначально – прецедентных текстов) было введено и разработано Ю.Н. Карауловым [Караулов 1987]. Так, им обозначались «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению и данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987 : 216].

Исследование когнитивной базы представляет определённую трудность, как и исследование любой сущности, недоступной непосредственному наблюдению и восприятию. Одним из методов, применяемых в лингвистике, является ассоциативный эксперимент. Экспериментальное исследование ориентируется на актуальный языковой запас современных носителей русского языка. В 80-х гг. XX в. реальные носители языка изучались под руководством Ю.Н. Караулова, в результате чего появился «Русский ассоциативный словарь» [Караулов 1993]. Фактически, ассоциативный эксперимент является способом «возбуждения» невидимой глазу ментальной среды, который сопровождается затем анализом полученных откликов.

Авторами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором русскоязычная ментальная среда «возмущалась» вторжением фрагментов иноязычной культуры.

Описание методики эксперимента

Исследование было проведено методом тестирования-анкетирования, при котором изучались реакции русскоязычных людей на иноязычные литературные образцы. Анкета-тест содержала набор литературных источников, в которых пропущены некоторые фрагменты, а респонденты должны были их заполнить.

Литературными источниками для проведения ассоциативного эксперимента были выбраны японские пословицы и поговорки. Список пословиц и поговорок был составлен носителем языка, который выбирал их по принципу принадлежности к когнитивной базе японоязычной культуры. Он же перевел пословицы и поговорки на русский язык. Затем они были отредактированы русскоязычным специалистом-филологом с целью придания им формы, привычной русскоязычному люду (с условием сохранения исходного смысла источника). Всего было подобрано 16 пословиц и поговорок. Список этих источников (как в оригинальном написании, так и в переводе) приведен в Приложении.

В дальнейшем в ходе консультаций носителей русского языка с носителем японского из русских переводов были исключены некоторые ключевые слова. Вместо исключенных слов в пословицу / поговорку помещались знаки пропусков, и в таком виде пословицы / поговорки составляли тест-анкету. Анкеты предлагались для заполнения русскоязычным студентам различных специальностей Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Всего было собрано и обработано 144 анкеты.

Описание методики обработки полученных данных

Вероятностный анализ ответов на тест японских пословиц и поговорок проводился на основе энтропийной меры совокупности событий, введенной К. Шенноном.

Предположим, что есть какой-либо класс событий и при каком-либо испытании возникают разнообразные исходы этих событий. Как известно, энтропия H выражается следующим образом:

$$H = \sum_{i=1}^N p_i \times \log_2 p_i,$$

где p_i – частота появления какого-либо варианта исхода под номером i , причем количество всех вариантов исходов равно N . В нашем случае класс событий – это слова и короткие словосочетания русского языка, а исходы – реакции-ответы, которые респонденты дают на вопрос о конкретной японской пословице.

Свойство энтропийной меры состоит в том, что если количество ответов равно M и все ответы разные, то H максимальна для данного M . Если же все респонденты дали один и тот же ответ, то показатель H будет равен нулю. Энтропию еще называют мерой неопределенности. Если разнообразие ответов велико, то, соответственно, высока неопределенность в процессе появления тех или иных ответов.

При обработке полученных в эксперименте данных было принято следующее правило. Все словоформы считались разными вариантами ответов, даже если они были близки по смыслу. Например, «посеять» и «посеешь» – разные вариан-

ты ответов, хотя семантически они идентичны. Орфографические ошибки в ответах не учитывались.

Все ответы, данные респондентами разделялись, на два класса: 1) любой словесный ответ и 2) отсутствие ответа. Отсутствие ответа обозначено в настоящем анализе как «отказ» и использовано как один из содержательных показателей. Другими словами, отказ – это тоже содержательная реакция респондента.

Поскольку количество отказов в реакциях на разные пословицы было разным, то и количество всех ответов было также разным. Теоретически количество всех словесных ответов оказывает влияние на величину H . Однако это обстоятельство не учитывалось, так как общее количество словесных ответов в любом случае было большим (больше 105 из 144) и было больше количества вариантов ответов. Основное же влияние на величину H оказывает число разных вариантов ответов, которое варьировалось между разными пословицами / поговорками примерно в 2,4 раза. Для наших данных величина H и количество вариантов статистически связаны линейной связью с показателем тесноты связи R^2 , равным 0,91.

Результаты и обсуждение

На рисунке в графическом виде представлены результаты оценок величины H для отдельных пословиц относительно количества отказов для этих же пословиц.

На основе визуального восприятия можно сделать вывод, что какой-либо статистической связи между величиной H и количеством отказов, которая бы описывалась простой функцией, не существует. Это, однако, не означает, что между ними нет совсем никакой связи. Как известно, связь между двумя величинами может выражаться в том, что наблюдаются не все сочетания величин.

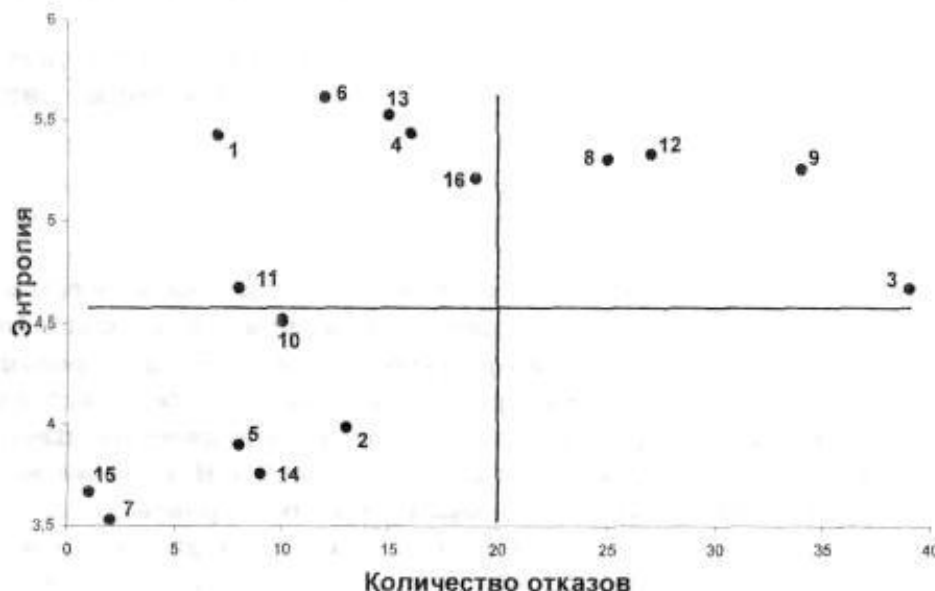

Рис. Взаимное распределение величины H и количества отказов. Числами в поле диаграммы обозначены номера пословиц/поговорок (Приложение). Вертикальная и горизонтальная линии – медианы данной совокупности точек в направлении соответствующих осей

С помощью метода проведения медиан через облако точек можно разделить все варианты сочетания наблюдаемых значений H и количества отказов на четыре категории.

- I. «Низкое количество отказов / низкое разнообразие ответов».
- II. «Низкое количество отказов / высокое разнообразие ответов».
- III. «Высокое количество отказов / высокое разнообразие ответов».
- IV. «Высокое количество отказов / низкое разнообразие ответов».

Как следует из показателей рисунка, связь между рассматриваемыми величинами может состоять в том, что отсутствуют пословицы, которые принадлежали бы к последней категории.

Другими словами, если в совокупности реакций на пословицу / поговорку возникает большое количество отказов, то обязательно наблюдается большое разнообразие ответов. Малое же количество отказов может сопровождаться как низким разнообразием («единодушием» респондентов), так и высоким разнообразием («разнобоем» мнений).

Вероятностный анализ обладает той очевидной особенностью, что он формален, т. е. «ему» все равно, какие именно ответы дают респонденты. Главное, чтобы ответы отличались друг от друга. В этом и преимущество, и недостаток такого подхода. Преимущество состоит прежде всего в том, что формальный анализ предоставляет объективную (независимую от субъективных предпочтений исследователя) и количественную меру рассматриваемых процессов.

Однако, помятуя о природе исследуемого объекта, необходимо принять во внимание не только размах и разнообразие реакций респондентов, но и смысловые характеристики пословиц / поговорок, которые вызвали эти реакции. Пусть область смысла слабо формализуема и допускает значительную субъективность восприятия.

Нами был рассмотрен вопрос о том, есть ли что-то содержательно общее между пословицами / поговорками, попавшими в одну и ту же категорию.

I. Категория

«низкое количество отказов / низкое разнообразие ответов»

2. *Удить морского окуня на креветку.*
5. *Обезьяна – и та падает с дерева.*
7. *Пролитая вода не вернётся в чашу.*
10. *Жить как обезьяна с собакой.*
14. *Если нет рукава, то и махать им не можешь.*
15. *Ничего не растёт, если не посеешь.*

II. Категория

«низкое количество отказов / высокое разнообразие ответов»

1. *Уж проще родить, чем этого бояться.*
4. *Спросишь – стыдно недолго. Не спросишь – стыдно всю жизнь.*
6. *Стыд путник оставляет дома.*
11. *Лягушка в колодце и не знает, что есть море.*
13. *Темнота вблизи маяка.*
16. *Отплывший корабль.*

III. Категория

«высокое количество отказов / высокое разнообразие ответов»

3. Дул ветер – заработал бондарь.
8. На камне нужно просидеть хотя бы три года.
9. Постукивать и по каменному мосту, проходя по нему.
12. Пусть любимый ребёнок отправится в путь.

По нашему мнению, смысловые различия между категориями пословиц / поговорок могут быть описаны следующим образом. В пословицах / поговорках категории I велик удельный вес конкретности знания, происходящей от того, что они либо описывают явления хозяйственной жизни (2, 7, 15), либо конкретные свойства предметов (5, 14). Исключение составляет поговорка 10, затрагивающая область взаимоотношений людей. Однако эта поговорка и не является ярким представителем категории I, так как находится близко от «границы» с категорией II (рис.). По-видимому, близость японских и русских хозяйственных реалий и породила у респондентов высокую готовность отвечать и единодушные ответы.

Пословицы / поговорки категории II значительно более «нагружены» абстрактными смыслами идей (13, 16) и чувствований (1, 4, 6). Они, как нам представляется, в большей степени несут черты японской национальной картины мира. Обе пословицы, описывающие специфическое, именно японское отношение к стыду, попали именно в эту категорию. До некоторой степени из этого ряда выделяется пословица 11, имеющая отношение к вопросам знания / незнания. На рисунке точка, соответствующая этой пословице, ближе других расположена к пословицам / поговоркам категории I.

Пословицы / поговорки категории III в наибольшей степени несут черты японской национальной когнитивной базы (3) и специфического мировоззрения (12). Например, смысл поговорки 3 невозможно восстановить представителю другой культуры, а представитель японской культуры просто знает ее с малых лет. Каменный мост (9) – также не типичное явление для нации, формировавшейся в лесных равнинных условиях. Смысл «сидеть на камне» (8) не характерен для русскоязычного восприятия, что видно из содержания наиболее узнаваемых русских народных сказок [Гавриков, Ворошилова 2008а, 2008б]. Например, в сказке «Маша и медведь» медведь говорил: «Сяду на пенек, съем пирожок». Аленушка из сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» присаживалась плакать на стожок.

Таким образом, прецедентные феномены иноязычной культуры могут быть использованы для изучения русскоязычной когнитивной базы. Как показывают наши исследования, реакции русскоязычных респондентов на японские поговорки и пословицы могут быть с помощью формального вероятностного анализа классифицированы в категории. Эти категории различаются с точки зрения близости их к русскоязычной национальной картине мира. Чем ближе литературный японский источник к русскоязычному восприятию, тем более охотно респонденты пытаются дополнить пропущенные фрагменты и тем единодушнее они в своем выборе. Чем более специфический смысл несет литературный источ-

ник, тем больше вариабельность ответов-реакций. В крайних случаях возрастает и количество наблюдаемых отказов.

Библиографический список

1. Гавриков, В.Л. Методологические аспекты исследования когнитивной базы русскоязычной культуры / В.Л. Гавриков, Е.В. Ворошилова // Нано, когни, хроно: человек среди людей и во власти технологий: сборник статей / под общ. ред. Т.С. Иларионовой. – М.: Институт энергии знаний, 2008а. – С. 65–73.
2. Гавриков, В.Л. Методические аспекты составления словаря-хрестоматии литературных прецедентных феноменов русскоязычной культуры / В.Л. Гавриков, Е.В. Ворошилова // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XIII Всероссийских чтений имени проф. Р.Т. Грив (1928–1995) / науч. ред. Б.Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2008б. – Вып.8. – С. 126–131.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. – М., 1993. – С. 190–218.
5. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 348 с.

Приложение

Японские пословицы и поговорки, использованные в эксперименте
(подчеркнуты слова, которые в анкетах были пропущены)

№ п/п	Оригинальное начертание пословицы / поговорки	Русский перевод пословицы / поговорки	Комментарий к смыслу пословицы / поговорки
1	案ずるより生むが易し	Уж проще <i>родить</i> , чем этого бояться.	
2	海老で鯛を釣る	Удить <i>морского окуня</i> на креветку.	Некоторые морские окуни семейства Sparidae являются деликатесными рыбами, а креветка – символ доступности и дешевизны.
3	風吹けば桶屋が儲かる	Дул ветер – <i>заработал</i> бондарь.	Основано на притче, описывающей связь отдаленных событий: «Дул ветер, поднималась пыль. Она попадала в глаза людям, поэтому у них начинали болеть глаза. Некоторые даже слепли. Слепых людей становилось всё больше, и они начали скупать сямисэны, ведь, как известно, слепые лучше других играют на сямисэне. Сямисэн покрыт кожей кота, поэтому котов становилось всё меньше, а мышей – всё больше. Мыши грызли опоры у домов, дома наклонялись, с них сыпалась черепица. Черепица падала на головы людей. Многие от этого умирали. Поэтому требовалось всё больше бочек (в них хоронили умерших), а бондарь зарабатывал все больше...»
4	聞くは一時の恥聞かぬは一生の恥	Спросишь – <i>стыдно</i> недолго. Не спросишь – <i>стыдно</i> всю жизнь.	В японском менталитете понятие стыда занимает важное место.
5	猿も木から落ちる	<i>Обезьяна</i> – и та падает с дерева.	
6	旅の恥はかきすて	<i>Стыд</i> путник оставляет дома.	В японском менталитете понятие стыда занимает важное место.
7	覆水盆にかえらず	Пролитая вода не вернется в <i>чашу</i> .	
8	石の上にも三年	На <i>камне</i> нужно просидеть хотя бы три года.	Призыв к терпению и отказу от поспешных выводов и действий, даже если в данный момент имеются очевидные неудобства.
9	石橋を叩いて渡る	Постукивать и по <i>каменному</i> мосту, проходя по нему.	Каменный мост – символ прочности. Постукивающий по каменному мосту с целью проверки его прочности значительно перестраховывается.

№ п/п	Оригинальное начертание пословицы / поговорки	Русский перевод пословицы / поговорки	Комментарий к смыслу пословицы / поговорки
10	犬猿の仲	Жить как обезьяна с собакой.	В японских реалиях собаки и обезьяны не дружат, как в русских не дружат кошки и собаки.
11	井の中の蛙大海を知らず	Лягушка в колоде и не знает, что есть море.	Намек на ограниченность восприятия мира.
12	可愛い子には旅をさせよ	Пусть любимый ребенок отправится в путь.	Если родители по-настоящему любят ребенка, им следует не держать его около себя, а отправить познавать мир.
13	灯台下暗し	Темнота вблизи маяка.	Намек на попытки искать что-то нужное, когда оно совсем рядом.
14	ない袖は振れぬ	Если нет рукава, то и махать им не можешь.	В традиционной японской одежде рукав использовался в качестве кошелька.
15	まかぬ種は生えぬ	Ничего не растёт, если не посеешь.	
16	乗りかかった舟	Отплывший корабль.	Символ того, что ситуация кардинально изменилась, и нужно жить и действовать в этой новой ситуации.

ФЕНОМЕН ГЕРОЯ-БОРЦА В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ И.А. ГОНЧАРОВА

Е.И. Пинженина

Гончаров, личность писателя и текст, критическое наследие, публицистика, герой-борец, образ Христа, образ Белинского, образ Чацкого.

Исследование критического наследия И.А. Гончарова не входит в ряд актуальных направлений гончароведения и практически не попадает в сферу литературоведческих интересов. Таким образом, публицистика писателя, наряду с малой прозой, традиционно относится на периферию его творчества. Как правило, речь в отношении статей Гончарова ведётся только о критической значимости отзывов писателя о тех или иных явлениях культуры. Действительно, поводом к написанию статьи всегда является некое событие: постановка комедии на сцене, выставка картины и т. д. Но одновременно очерки и этюды становятся одной из возможностей скрытого, вероятнее всего, бессознательного выражения настроений, страхов – вообще экзистенциальных состояний самого Гончарова.

На личностный «потенциал» гончаровских статей указывает Е.А. Краснощёкова, по большому счёту, единственный их комментатор: «Источник интереса (к статьям Гончарова. – Е.П.) – с одной стороны, в обаянии живой, горячей мысли незаурядного человека, с другой – в... безграничной возможности проникновения в сложную натуру Гончарова...» [Краснощёкова 1981 : 20]. Но как таковая проблема выявления значимости публицистических текстов для характеристики личности Гончарова в науке о писателе не ставится, однако анализ статей позволяет утверждать необходимость постановки данного вопроса.

Особый интерес в этом отношении представляют статьи «Мильон терзаний» (1971/72), «Христос в пустыне». Картина г. Крамского» (1874); «Опять “Гамлет” на русской сцене» (1875) и «Заметки о личности Белинского» (1881).

Указанные очерки объединяет то, что, несмотря на различие в исходном материале для статьи, в центре повествования всё же оказывается особый герой – герой-борец. Важно отметить, что в художественных текстах Гончарова подобный герой не обнаруживается. Писатель находит его именно в произведениях, созданных другими авторами. Гончаров последовательно выявляет ряд сходных доминант в характере и поведении совершенно разных на первый взгляд героев – Чацкого, Гамлета, Христа и Белинского, что с точки зрения традиционного их понимания может быть спорным. В чём причина такого настойчивого поиска писателем героя одного типа? Почему, не создав героя-борца в своём художественном творчестве, Гончаров его ищет в творчестве чужом?

Задачей данной работы стало выявление личностных источников появления образа героя-борца в критических статьях Гончарова.

Статьи, написанные по разным поводам и на различные темы, тем не менее оказываются сходными по проблематике и заложенному в них общему пафосу оправдания. Так, в статье «Христос в пустыне...» Гончаров берётся отражать об-

винения, выдвинутые публикой художнику И.Н. Крамскому, в том, что Христос на его полотне не наделён божественными чертами, как это было принято в традиции изображения богочеловека. В статье «Опять «Гамлет»...» писатель вступает за актёра А.А. Никольского, по мнению публики, не точно сыгравшего Гамлета. В «Миллионе терзаний» писатель оправдывает литературного героя, защищая Чацкого от обвинений во фразёрстве, «не-уме» и т. д. И, наконец, будучи лично знакомым с Белинским, искренне восхищаясь его личностью, однозначно признавая его литературный авторитет, Гончаров защищает его от обвинений в необразованности и непостоянстве его критических оценок, обвинений, которые сыпались на Белинского при жизни и не прекратились после его кончины.

Устойчивость оправдательного пафоса в статьях Гончарова 70–80-х гг., думается, не случайна. Гончаров-писатель по себе хорошо знал, как мучительно переживается непонимание публики художником, творцом (за исключением Чацкого, все остальные герои его статей могут считаться творцами, реализующими себя в различных сферах). Кроме почти однозначно позитивно принятой «Обыкновенной истории», художественную ценность других своих произведений Гончарову приходилось отстаивать печатно и публично: например, в автокритической статье «Лучше поздно, чем никогда» и др. Определённая болезненность писательского самолюбия отмечалась и современниками, и биографами писателя. Вероятно, в своих критических работах, посвящённых творчеству других авторов (все они лично симпатичны Гончарову), писатель как будто исправляет несправедливость, совершённую по отношению к нему, в его собственной творческой жизни.

Говоря об источниках литературного произведения вообще, испанский литературовед А. Прието называет в качестве основных личностные проблемы и конфликты, существующие в реальной жизни писателя. Для автора, таким образом, текст становится своеобразным способом «исправления» действительности через решение проблемы в пространстве литературного произведения. В некоторых случаях текст является «попыткой решить литературным путём проблемную ситуацию» [Прието : 395]. Писатель, «проецируя себя в героя», решает литературным путём собственные психологические проблемы [Прието : 408]. По-видимому, так произошло и с Гончаровым.

Отметим, что непосредственно личности героя (персонажа комедии, трагедии, картины или реально жившего человека) посвящено от нескольких абзацев («Христос в пустыне...») до нескольких страниц («Заметки...», «Опять «Гамлет»...») статьи. Остальное – фон, факты, размышления. Это позволяет предположить, что Гончаров не всегда ставил перед собой задачу – разговор о конкретной личности, о герое. Речь о них заходит как будто «в том числе». Однако прочтение четырёх статей в панораме приводит к выводу, что Чацкий, Гамлет, Христос и Белинский – один тип в четырёх вариациях, почти один и тот же герой, незначительно трансформирующийся от статьи к статье.

Действительно, героев указанных статей Гончарова объединяет ряд существенных в большей или меньшей степени им всем качеств.

Во-первых, в центре повествования находится герой-борец: Гончаров подчёркивает это в отношении Чацкого, называя его «один пылкий и отважный боец»

(8 : 28, 41)¹. О Белинском говорится, что он вёл непрерывную борьбу (8 : 89). Готовность к борьбе выражает и взгляд Христа: «Измученное лицо, задумчиво сильный, решительный и неодолимый взгляд» (8 : 73).

При этом выбранные для характеристики герои оказываются обречёнными на подвиг, их деяние неизбежно – это подчёркивает Гончаров. Главное, что герои знают об этой обречённости, принимают её: в первую очередь это, конечно, касается образа Спасителя: вся его фигура выражает «скорбь перед неизбежностью предстоящего подвига» (8 : 65). О роковой задаче сказано и в отношении Гамлета: ему «выпал жребий... стать по роковому выбору судьбы... борцом со злом, судьёй, мстителем» (8 : 60).

Готовясь к предначертанному подвигу, герой знает, что падёт жертвой своего деяния. О жертвенности Чацкого Гончаров пишет прямо: «Чацкого роль – роль страдательная... Такова роль всех Чацких, хотя она в то же время всегда победительная» (8 : 39). О нём же: «...эти честные, горячие, иногда желчные личности, которые не прячутся покорно в сторону от встречной уродливости, а смело идут навстречу ей и вступают в борьбу, часто не равную, всегда со вредом себе и без видимой пользы делу» (8 : 45). В отношении Христа это также очевидно: «Лицо, измученное постом, многотрудной молитвой, выстрадавшее, омывшее слезами и муками грехи мира – но добывшее себе силу на подвиг» (8 : 73). Также и Гамлету «выпал жребий... стать... главной искупительной жертвой» (8 : 58–59, 60). О нём же: «Он дойдёт до цели – и сам падёт там: он это знает» (8 : 59, 60). Жизненному пути Белинского жертвенность была также свойственна. По мнению Гончарова, она была заключена в самой его натуре: «В порывах... бесплодных, тогда казавшихся безнадежными... высказывалось его горячее нетерпение, иногда до ребячества» (8 : 78). Гончаров объясняет: «Он (Белинский. – Е.П.) был обычной жертвой в борьбе крайнего своего развития с целым океаном всякой сплошной, господствовавшей неразвитости» (8 : 83).

Таким образом, каждый из героев-борцов оказывается незаурядной, особенной личностью, которая по различным причинам противопоставлена толпе, обществу, в случае с Христом – вообще, человечеству. Иногда это противопоставление может разворачиваться в конфликт, но в любом случае герой остаётся один на один со своей миссией. Одиночество Чацкого подчёркнуто: «Он (Чацкий. – Е.П.) чувствует это и сам, говоря, что “в многолюдстве он растерян, сам не свой”» (8 : 34). О Гамлете Гончаров пишет, что это человек в схватке с толпой (8 : 58). И наконец, Белинский в реальной жизненной ситуации «был обычной жертвой в борьбе... с целым океаном... неразвитости» (8 : 83).

Причина одиночества, как правило, заключена в характере самого героя: в его неординарности, необычности, его порывы чаще всего не понятны окружающим: «Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу – не найдя ни в ком “сочувствия живого”, и уехать» (8 : 25). Гончаров пишет, что «холод безнадежности пахнул ему в душу» (8 : 32). «Холод безнадежности», ощущение одиночества были свойственны самому писателю: «...я уж ко всему стал холоден...», – пишет о себе Гончаров (8 : 252). Он также ощущал недостаток сочувствия и любви. В

¹ Здесь и далее произведения И. А. Гончарова цитируются по изданию: Гончаров И.А. Собр. соч. В 8 т. – М.: Худ. лит., 1972–1980, с указанием в скобках тома и страницы. Везде курсив Гончарова.

судьбе Чацкого писатель обращает внимание именно на те обстоятельства, которые волновали, были «болезненными» для него самого: «он (Чацкий. – Е.П.) хочет выпросить то, чего нельзя выпросить – любви, когда её нет» (8 : 30).

Ментально, нравственно, внутренней силой личности герои рассматриваемых статей, безусловно, превосходят окружающих, что и позволяет им стать героями-борцами. Важно отметить, что Гончаровым особо подчёркивается физическая слабость или убогость героев. Характерно, что описания Чацкого и Гамлета в этом отношении частично повторяют друг друга: «Он не франт, не лев» – о Чацком (8 : 35). И «он не лев, не герой, не грозен, он строго честен, благороден, добр» – это уже о Гамлете (8 : 58). Физическая немощь Белинского, как считает Гончаров, привела его к раннему угасанию, поскольку слабый организм не мог вместить всю силу его природы, раздражения, горения (8 : 80). И наконец, появляется характеристика «убогости» в образе Христа: «Здесь нет праздничного, геройского, победительного величия – будущая судьба мира и всего живущего кроется в этом убогом, маленьком существе, в нищем виде, под рубищем – в смиренной простоте, неразлучной с истинным величием и силой» (8 : 73). Далее описан «болящий взор» Христа (8 : 74). Физическая слабость лишь подчёркивает нравственную силу героев.

Личные, человеческие качества, черты характера также повторяются от героя к герою, от статьи к статье. Вероятно, именно эти качества ценил сам Гончаров. Это в первую очередь «сердце», т. е. гуманизм в высшем смысле, горячность, страстность, искренность, раздражительность природы. О Чацком: «У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен» (8 : 24). И далее о нём же: «Он – искренний и горячий деятель» (8 : 24). Гамлет – борец, это тонкая раздражительная натура, проявляющая лучшие свои качества – честность, благородство, доброту – «от прикосновения бури, под ударами, в борьбе» (8 : 58). Белинский – горячая и восприимчивая натура (8 : 76). О нём же: «Он точно горел в постоянном раздражении нерв», и именно «эта нервная, впечатлительная и раздражительная натура... убила, сожгла этого человека» (8 : 80). Заметим, что Гончаров подобным же образом характеризует и себя: «Свойство нервических людей – впечатлительность и раздражительность, а следовательно, и изменчивость...» (8 : 202).

Несколько отличен образ Христа, перечень его личностных качеств короче, но сами характеристики более концентрированы. Гончаров подчёркивает, что во всей фигуре Спасителя видна «внутренняя, нечеловеческая работа над своей мыслью и волей, добытое и готовое одоление» (8 : 73).

Указывает Гончаров и на некую странность, неординарность каждого из героев: Чацкий «как будто пятьдесят третья какая-то загадочная карта в колоде» (8 : 20). А «Гамлет – не типичная роль – её никто не сыграл» (8 : 57). Уникален, безусловно, и Белинский. Вопрос уникальности собственной личности для самого Гончарова стоял довольно остро: «Бог знает, каким надо быть психологом, чтобы угадать что-нибудь в такой нервной натуре!», – так пишет о себе Гончаров (7 : 391).

Помимо того что герои рассматриваемых статей обладают рядом схожих характеристик, писатель в самих статьях сравнивает героев между собой, ссылаясь на уже описанные образы, подспудно связывая Чацкого, Христа, Гамлета и Белинского в единую цепь.

Так, Чацкий и Белинский оказываются схожи в формулировке своих идеалов. О Чацком: «Его идеал "свободной жизни" определен: это – свобода от всех исчисленных цепей рабства, которыми оковано общество» (8 : 42). О Белинском: «Это «честная и прямая натура, влекомая к идеалам свободы, правды, добра, человечности» (8 : 78).

Оба героя отличаются от окружающих особым умом, который проявляется во всей их деятельности.

Сходными оказываются и терзания, выпавшие на долю и Чацкого, и Белинского. Гончаров пишет: в горячих импровизациях Белинского «звучат те же мотивы, тот же тон, как у Грибоедовского Чацкого. И также он умер, уничтоженный "миллионом терзаний", убитый лихорадкой ожидания и не дождавшийся исполнения своих грёз, которые теперь – уже не грёзы больше» (8 : 44). Более того, и Гамлет переживает: «все перипетии... мыслей, чувств, замыслов, падений, терзаний» (8 : 58).

В этот же контекст Гончаров включает себя. В письме 1874 года А.А. Толстой Гончаров так объясняет свое отшельничество: «...боязнь моя ходить во дворцы относится не к тем или другим личностям, а к толпе... <...> Я робел – до упадка нерв. Скромность, простота и незначительность собственной своей особы и написанной мне на роду роли – вот *внешние* причины моего удаления от так называемого света. <...> И я в многолюдстве, как Чацкий, всегда "растерян, сам не свой"» (курсив И.А. Гончарова. – *Е.П.*) [Гончаров И.А. Новые материалы... 2000: 415].

Чацкий и Гамлет связаны также несколькими чертами: Гончаров сам задаёт направление для сравнения их характеров: «Гамлеты не так редки, как с первого раза кажется» (8 : 58). То же сказано о Чацком (8 : 45). Чацким управляет любовь (8 : 43). Гамлет – тонкая натура, наделённая «гибельным избытком сердца, неумолимую логикой и чуткими нервами». И далее: он носит в себе частицы «страстной, нежной, глубокой и раздражительной натурь» (8 : 57).

Образы Христа и Белинского сходятся тем, что Белинскому было также суждено стать в своём кругу неким проповедником (8 : 89).

Таким образом, проблема борения со средой, готовность к жертвенному подвигу, обречённость на подвиг, жизненное одиночество распространяются на героев четырёх гончаровских статей: Чацкого – Христа – Гамлета – Белинского. Характерно, что эти качества обнаруживаются Гончаровым и в реально жившем человеке (В.Г. Белинский), и в литературных героях (Гамлет, Чацкий), и – особю – в Христе. Более того, в героях Гончаров видит те качества, которые либо были свойственны ему самому (одиночество, непризнанность), либо их недостаток в себе ощущался им как болезненный (сила характера, готовность к борьбе до конца, до жертвы).

Примечательно суждение Е.А. Краснощёковой о том, что «облик Чацкого, умного, тонкого человека, влюблённого и страдающего «и от ума, а ещё более от оскорблённого чувства», воссоздан Гончаровым с исключительной психологической верностью и последовательностью» [Краснощёкова 1980 : 495]. Вышеприведённый анализ позволяет расширить это утверждение: психологическая верность в обрисовке характеров свойственна всем разобранным статьям Гончарова. И причина этой верности – в высокой степени эмпатии Гончарова, в пережи-

вании чужой жизни как варианта или части своей. Подчеркнём, что в художественном творчестве самого писателя таких героев-борцов нет. Вероятно, он намеренно находил, «вычитывал» из чужих произведений героя, которого не смог создать сам, героя, наделённого набором определённых качеств. Не подлежит сомнению, что в действительности Чацкий и Гамлет, Белинский и Христос имеют в характерах и миссиях больше различий, чем сходств. Но те «Чацкий», «Гамлет», «Белинский» и «Христос», которых увидел и описал Гончаров, всё же воплощают общий тип героя-борца, отстаивающего ценность собственной личности и убеждений.

Психологическое состояние Гончарова в 70–80-е гг., когда создавались его критические статьи, было достаточно нестабильным: современники и биографы отмечают раздражительность, мнительность, одиночество, неуверенность в позитивных качествах собственной личности, сознательный эскапизм как доминанты мироощущения писателя. Заметим, что ощущение обречённости борьбы, непонятости и неприятности было ему также свойственно. Именно непонимание читателей и критиков было одним из наиболее болезненных обстоятельств последних десятилетий жизни Гончарова. Вероятнее всего, в настойчивых попытках увидеть героев-борцов в чужих произведениях отразилось желание Гончарова найти опору и для себя, быть подобным борцом в жизни, иметь достаточную силу характера, волю, которые позволили бы ему противостоять «толпе мучителей».

Следовательно, Гончаров проецирует потребность в опоре, внутренней силе, поддержке на героев разбираемых статей. В сущности, лично-гончаровского в этих статьях значительно больше или, по крайней мере, столько же, сколько собственно критического. И каждая из статей и все четыре статьи, поставленные в ряд, могут быть прочитаны как (вероятнее всего, бессознательная) попытка Гончарова решить собственные психологические проблемы (неуверенность в силе собственной личности) через вхождение этой проблематики в публицистический текст.

Библиографический список

1. Гайнцева, Э.Г. Семь писем И.А. Гончарова из Бахметевского архива / Э.Г. Гайнцева // Рус. лит. – 2002. – № 3. – С. 89–105.
2. Гончаров, И.А. Собр. соч. В 8 т. / И.А. Гончаров. – М.: Худ. лит., 1972–1980.
3. Гончаров, И.А. Новые материалы и исследования. – (Серия «Литературное наследство»). – Т. 102. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие и др., 2000. – 735 с.
4. Краснощёкова, Е.А. Критическое наследие И.А. Гончарова / Е.А. Краснощёкова // И.А. Гончаров – критик. – М.: Сов. Россия, 1981. – С. 5–20.
5. Краснощёкова, Е.А. Статьи, заметки, рецензии / Е.А. Краснощёкова // Гончаров, И.А. Собр. соч. В 8 т. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 8. – С. 489–510.
6. Прието, А. Морфология романа / А. Прието // Семиотика: антология. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 392–422.

РЕЦЕНЗИИ

БАРЫШНИ И КРЕСТЬЯНКА

(РЕЦЕНЗИЯ НА «ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. Е.В. ИВАНЦОВОЙ. – ТОМСК: ИЗД-ВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Т.1, 2006. – 358 с.; – Т. 2, 2007. – 338 с.)

Л.Г. Самотик

Антропоцентризм, лексикография, идиолект, диалект, русские старожильческие говоры Сибири, диалектная языковая личность, словарная помета, Томская диалектологическая школа, словарный запас личности.

Нельзя прочитать или услышать какой-либо текст на «языке вообще»: русский текст, английский и т. д. Всякий текст, всякое проявление языка связаны с личностью, язык воплощается только через индивидуально-авторскую речь. Внимание к языковой личности формируется в рамках младограмматизма в XIX веке. Эту мысль в русском языкознании разрабатывали И.А. Бодуэн де Куртене, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др. Новый этап в изучении проблемы «язык и личность» наступает в 70-е годы XX века в связи с формированием антропоцентрической парадигмы в языкознании. Как пишет Ю.Н. Караулов, «языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности» [Караулов 1987 : 48].

В русистике стабильно сложился интерес в изучении языковой личности в двух направлениях: описание т.н. элитарной языковой личности, которую в большинстве случаев представляют писатели, их язык изучается на материале художественных текстов, и диалектной языковой личности, язык которой описывается на основе записей речи диалектологами.

Особое значение при этом имеет лексикографический аспект исследования, в лексиконе отражаются «жизнь души» человека, круг его интересов, его мировосприятие, через лексику высвечивается человеческая личность.

Имеющиеся прецеденты – четыре словаря: «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971), «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000), «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефёдовой (М., 2001), «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстовой (под общ. рук. Л.Г. Самотик, Красноярск, 2004) – отражают лексикон личности частично: в словаре Г.А. Толстовой представлена письменная речь старообряд-

ки, три другие словаря являются дифференцированными, т. к. включают в себя только специфически диалектные слова.

Полный словарь диалектной личности задумывался давно: в 60-е годы в Пермском университете под руководством Ф.Л. Скитовой была начата работа над полным словарём языка Анны Герасимовны Горшковой, жительницы деревни Акчим. Картотека словаря пополнялась параллельно с картотекой полного словаря деревни Акчим. Какие возможности предоставляет такое соотносительное издание, трудно заранее просчитать, но что это многое обещает – совершенно несомненно. К сожалению, словарь языка Анны Герасимовны не опубликован. Но сегодня мы видим уже два изданных тома «Полного словаря диалектной языковой личности» Веры Прокофьевны Вершининой, жительницы села Вершинино Томского района Томской области. «Вершининский словарь» – полный словарь одной деревни, итог полувековой работы лексикографов Томского университета – издан в 2002 году [Самотик 2006].

Вера Прокофьевна Вершинина... Почему для наблюдения была выбрана именно эта женщина? Так описывают первую встречу с Верой Прокофьевной редакторы словаря (Л.Г. Гынгазова и Е.В. Иванцова): «Перед нами стояла довольно высокая, статная, ещё не старая женщина с волосами, почти не тронутыми сединой. Её лицо нельзя было назвать красивым, но оно было несомненно добрым. Её руки – загорелые, с деформированными суставами, чрезмерно большими кистями – говорили о годах тяжёлой, непосильной работы. Это были руки крестьянки» [ПСДЯЛ 2006 : 3]. «В.П. Вершинина – 1909 г. рождения, русская, коренная жительница села Вершинино Томского района Томской области... В этом селе диалектоносительница родилась и прожила всю жизнь (до 2004 года). Далее областного центра и окрестных деревень никуда не выезжала... Малограмотная (как и многие из её ровесниц, читать и писать выучилась в 20-е гг. на ликбезе, уже подростком). Детство и юность В.П. ещё пришлось на годы единоличного хозяйства, сама она всю жизнь проработала в колхозе и хорошо знакома со всеми занятиями крестьянского населения – от работы в поле и на огороде до заготовки леса, с многообразными видами труда в домашнем хозяйстве. Была замужем; вырастила и рано похоронила единственного сына... Живо интересуется событиями в селе и стране, обладает хорошей памятью, общительным характером, нестандартной, выразительной речью» [Иванцова 2002 : 22].

Языковая личность (ЯЛ) Веры Прокофьевны «типичная в качестве архаической народной культуры... ярко индивидуальная» [ПСДЯЛ 2006 : 5]. Согласно различным типологиям языковой личности (В.П. Нерознака, Н.Д. Арутюновой, Н.Л. Чулкиной, Б.Ю. Нормана), выделяются стандартная и нестандартная ЯЛ; подчиняющаяся языку и подчиняющая язык; типичный, рядовой, средний носитель языка и творческая ЯЛ, в свою очередь, – это архаисты, умеренные новаторы, экспериментаторы и т. д.

Как справедливо отмечает Е.В. Иванцова, в практике лингвистических исследований разграничить типы ЯЛ практически невозможно, «такое положение дел объясняется не столько методологическими просчётами, сколько сущностью любой ЯЛ, в которой органически переплетаются индивидуальное и типическое» [Иванцова 2002 : 13].

Сколько же слов в идиолекте Вершининой? Количественная оценка индивидуального лексикона (как и нации в целом) чрезвычайно важна. Цифры, приводимые в литературе в качестве среднего словарного запаса языковой личности, очень разнородны. Это связано и с разнообразием личностей, и с разным пониманием лексикона личности, и с очевидной приблизительностью подсчётов. Так, по данным В.П. Тимофеева, Макс Мюллер узнал «от достоверного авторитета, деревенского священника, что некоторые работники в его приходе имеют не более 300 слов в своём словаре». Впоследствии эта цифра была ещё раз упомянута Ж. Вандриесом в книге «Язык» [Тимофеев 1971 : 54]. Проф. Е.С. Холден утверждает, что «словарь многих людей включает в себе 30 000 слов... существует мало основания для распространённого мнения, будто дитя употребляет меньше 1000 слов, обыкновенный человек – от 3 000 до 4 000, образованный писатель – 10 000 слов... Е.А. Кирпатрик оценивает свой словарь в 70 000 слов» и т. д. [Тимофеев 1971 : 55]. В такого рода работах обычно не уточняется, о каком словарном запасе идёт речь – об активном или пассивном. И самое главное – все утверждения без полного словаря носят лишь гипотетический характер. В русской лингвистике долгие годы недосягаемым образцом считался «Словарь языка Пушкина» (М., 1956), насчитывающий 21 191 слово.

Первый в русистике полный словарь диалектной языковой личности – Веры Прокофьевны Вершининой – составляет около 23 000 слов.

Итак, малограмотная крестьянка... Сегодня, когда простой русский человек часто обобщается в неприглядном образе, в целом малоуважаем, такие данные говорят о многом. «Все удары судьбы эта женщина переносила со стойкостью. Может быть, именно такая трудная жизнь помогла сформироваться сильному характеру, способному выстоять вопреки обстоятельствам, обрести понимание единства своей личной жизни с жизнью своего народа («что в миру, то и нам»). Она сумела сохранить доброту, редкое качество принимать человека таким, каков он есть, не пытаясь исправить, осудить, оптимизм, самоиронию. *Богатый внутренний мир этой личности, как в зеркале, отразился в богатстве языка, ставшего основой Словаря*» [ПСДЯЛ 2006 : 5].

И.А. Бодуэн де Куртенэ наметил два основных подхода к исследованию лексикона личности: «по отношению к количеству (запас выражений и слов, употребляемых этим данным индивидуумом)» и «по отношению к качеству (способ произношения, известные слова, формы и обороты, свойственные данному индивидууму) и т. п.» [Бодуэн де Куртенэ 1963 : 77]. Качественный характер словарного запаса личности определяется прежде всего составом словаря, куда вошла вся отмеченная в речи В.П. Вершининой лексика и фразеология – общерусская, диалектная, диалектно-просторечная, независимо от её частотности, экспрессивной окрашенности, сферы употребления и т. д., представляющая как активный, так и пассивный словарный запас информанта. Особо важно ноу-хау – отражение языковых единиц, употребляемых диалектоносителем только при передаче чужой речи – фрагменты чужих лексиконов, приведённые с особой пометой. Одной из особенностей Словаря является включение в его состав сравнений, метафор, прецедентных текстов, отмеченных в идиолексиконе. Основной корпус Словаря отражает нарицательную лексику и фразеологию, но дополняют её приложения: топонимы, антропонимы; пословицы, поговорки и присказки; образцы связных текстов.

По признанию редакторов Словаря, по его картотеке и рукописному варианту написаны работы по типологическому классу единиц идиолексикона, системным связям, тропам, метаязыковому сознанию, особенностям строения текста, системе речевых жанров индивида, реконструкции некоторых черт языковой картины мира говорящего – как на уровне анализа лексических единиц, так и через описание ключевых концептов и т. д. Е.В. Иванцовой издан «Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» (Томск, 2005).

Несколько слов о главном – о качестве самого Словаря. Издание уникально не только с содержательной стороны, но во многом является новаторским и по форме. Под рубрикой «Тип словаря» авторы указывают: недифференцированный, толковый, хотя после знакомства с изданием хочется сказать не так – это *новый тип комплексного словаря*.

Почему комплексного? Потому, что информация в нём значительно выходит за рамки обычного толкового. В Словаре есть сведения, традиционно фиксированные в лексикографии, но в словарях другого типа: *системных* – синонимов и антонимов; вариантов; омонимов; *частотных*: собственно частотность заменена количественными показателями – при каждом варианте и каждой словоформе показано количество употреблений по двум спискам – отражающим сплошное расписывание материала из связных текстов и выборку низкочастотных слов; *орфоэпических*: показаны отдельные особенности произношения заглавных слов словарной статьи, особенности произношения передаются и в иллюстративном блоке, где приводится также иногда логическое ударение текста; *фразеологических*: показаны разные типы устойчивых сочетаний. Всего их 2, дополнительно вводится знак ограничения в валентности слова. Во фразеологических оборотах введено обозначение факультативных элементов, варьирующихся, допускающих синонимические замены.

Но есть такие сведения, которые *в русской лексикографии ранее не отображались*, что, естественно, прежде всего связано с особенностями его содержания. Так, стилистическая характеристика слова, помимо традиционных для толковых словарей экспрессивных помет (традиционных помет 16, из них 9 мелиоративных и 7 пейоративных), диахронических (даны новые, устаревшие и устаревающие), отнесения к функциональному стилю («официальное», а также «высокое», куда включена лексика, отображающая «отдельные природные явления, солнце, Бога, жизнь и смерть, хлеб, корову, мать, детей» [ПСДЯЛ 2006 : 16]) и страту (общерусская лексика, диалектно-просторечная, собственно диалектная; ценно, что авторы отмечают случаи несовпадения собственной оценки слова и представленной в толковых словарях литературного языка, сопровождая их звёздочкой; кроме того, в Словаре при помощи комбинации помет выделяются: диалектный вариант общерусского слова, диалектно-просторечный вариант общерусского слова, диалектный вариант диалектно-просторечного слова), имеет совершенно нестандартные характеристики: систему образных узуальных и индивидуальных средств идиолекта (метафоры, сравнения), элементы «чуждой речи», представленные в прецедентных текстах, нациолекте (украинизмы), детской речи (как слова, используемые при обращении с детьми, так и при передаче исключительно детской речи), коннотации, связанной с этикетными и прагматическими установками речи, у данной языковой личности она проявляются в

пометах «снисходительное» и «смягчённое», а также «негативная эстетическая оценка» и «позитивная эстетическая оценка».

Уровень лексикографической обработки материала достаточно высок. Общее количество условных сокращений, которые все являются лексикографическими пометами, 140, кроме того, использовано 15 графических обозначений, т. е. в Словаре использовано 155 лексикографических помет. Для сравнения: в МАС 234 сокращения, 63 из них – указание на область знания, где используется специальная лексика (*авиация, анатомия, антропология* и т. д.), 37 – обозначение языков (*английское, венгерское, голландское* и т. д.), 7 (?) – обозначение месяцев (*август, апрель* и т. д.), 6 – общие сокращения, не являющиеся пометами (*главным образом, и так далее, нашей эры*) и 5 графических обозначений, таким образом, в словаре общенационального литературного языка используется 126 лексикографических помет.

Тонко передана семантика словарных единиц, она чётко подразделяется на значения, оттенки значения и употребления, делается установка на отражение «компонентов смысла, существующих в обыденном сознании рядового носителя языка» [ПСДЯЛ 2006 : 17] и т. д. Много хороших слов можно сказать об издании ещё и ещё.

Каждый, читающий научный текст, прежде всего обращает внимание на те положения, которые созвучны его собственным наблюдениям. Нам показались особо значимыми оригинальное выделение функционально-стилевой дифференциации диалекта – одна помета «официальное», использование одной пометы при передаче нациолектизмов – «украинское», возможная характеристика личности через количественное соотношение слов с положительной и отрицательной коннотацией.

Как мы знаем, вопрос о стилистической дифференциации говоров не имеет однозначного ответа: или выделение функциональных стилей отрицается в принципе (в традиционной диалектологии), или их обозначается довольно много (В.Г. Орлов). Как нам представляется, выделение официального стиля соответствует представлению о языке в сознании рядового диалектоносителя: всё «правильное», отчуждаемое сознанием от собственного речевого опыта, связывается именно с официальной речью, исходящей от власти. Такое «народное» отношение к стилям не соответствует ни истории (исторически долгое время литературный язык в целом репрезентировал художественный стиль), ни современному состоянию стилистики: как бы мы не трансформировали систему стилей, официально-деловой стиль не представляет её в целом. Этим выявление такой стилистической дифференциации и интересно.

Словарь представляет не идиостиль вообще, а языковое сознание сибирской крестьянки. В сибирской крестьянской ментальности много своеобразного, в том числе отношение к украинцам и украинскому языку. Белорусы и белорусский язык не выделяются в языковом сознании (очевидно, что и национальное самосознание белорусов – процесс более позднего характера по сравнению со становлением русских старожильческих говоров Сибири). Украинцы же и украинский язык (мы бы сказали, ещё и украинские песни, и др.) осознаются в Сибири как инородные, но по сравнению с другими национальными чрезвычайно близкие, элементы речевой культуры которых воспроизводимы в речи.

Соотношение между мелиоративными и пейоративными коннотациями в языке В.П. Вершининой склоняется явно в сторону мелиоративных: из традиционных помет 9 положительных и 7 отрицательных, дополнительные к традиционным пометы (*снисходительное и смягчённое*) также несут положительную эмоционально-экспрессивную окрашенность. Для сравнения: в МАС использовано 10 коннотативных помет (*бранное, грубо-просторечное, в ироническом смысле, ласкательное, неодобрительное, почтительное, презрительное, пренебрежительное, уменьшительно-ласкательное, уничижительное*), из них 7 с отрицательной оценкой (что позволяет некоторым говорить о грубости языка и т. п., хотя это лишь свидетельство асимметрии языкового знака и соответствует наблюдению Л.Н. Толстого о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» [Толстой 1958 : 7]).

Итак, а барышни? Редакторы, составители словарных статей и авторы полевых записей – преподаватели, аспиранты и студенты в основном Томского университета. Широко известная в стране и за рубежом Томская диалектологическая школа включила в список своих достижений и этот Словарь, который создавался в течение почти четверти века [Томская диалектологическая школа... 2005, 2006]. Молоденькие студентки стали маститыми учёными, докторами наук (так все ступени прошла редактор рецензируемого издания Екатерина Вадимовна Иванцова). Хотя основную работу выполнял относительно небольшой коллектив, в целом, например, только список составителей картотеки словаря составляет 188 человек. Таким составом надо уметь руководить, при таком составе участников выдать цельный, непротиворечивый, как теперь выражаются, «конечный продукт» – дело далеко не лёгкое. Но самое главное – диалектолог не может быть плохим человеком. При сборе материала использовался метод «включения в языковое сознание» (Н.И. Конрад, Т.С. Коготкова), иначе – «метод сосуществования» (И.А. Оссовецкий), «метод соучастия» (В.П. Тимофеев), который базируется на двух основаниях: психологическая контактность между исследователем и информатором и долговременность сроков наблюдения. Всё это было. В предисловии к Словарю читаем: «Давняя встреча с Верой Прокофьевной Вершининой была тем счастливым событием, которое оставило глубокий след в жизни каждого из нас. Мы учились у неё доброте, душевной мудрости, терпимости, умению выстоять под ударами судьбы и жизнелюбию» [ПСДЯЛ 2006 : 7].

«Полный словарь диалектной личности» – далеко неординарное явление в русской лексикографии, значение которого понятно нам уже сегодня, значение которого со временем будет открываться перед исследователями и всеми, интересующимися русской языковой культурой, всё новыми гранями.

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртэнэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртэнэ. – М.: АН, 1963. – 383 с.
2. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

4. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Томского ун-та. – Т.1. – 2006. – 358 с.; Т.2. – 2007. – 338 с. (ПСДЯЛ).
5. Самотик, Л.Г. В селе Вершинино живут Вершинины... и говорят по-вершинински / Л.Г. Самотик // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. пед. ун-т; под общ. ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2006. – Вып. 8–9. – С. 254–262.
6. Тимофеев, В.П. Личность и языковая среда: учебное пособие / В.П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 120 с.
7. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981 (МАС).
8. Толстой, Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т.8. Анна Коренина / Л.Н. Толстой. – М.: Гос-е изд-во художественной литературы, 1958. – 478 с.
9. Томская диалектологическая школа в лицах: биогр. словарь / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та. – Вып. 1. – 2005. – 150 с.; Вып. 2. – 2006. – 130 с.
10. Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – 392 с.
11. Труды Томской диалектологической школы: библиографический указатель / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – 142 с.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Н.Ф. ФЕДОРОВЫМ КАНТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СООТНОШЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

Б.М. Машевский

Русская философия, классическая философия, практическая реализация, регуляция природы, априорные формы рассудка, познание, дело, биосферный уровень.

Вопрос о взаимодействии русской философии и европейской – один из недостаточно проясненных в истории философии. В целом известно, что русская философская мысль в XIX столетии все более смело включается в жизнь европейской классической философии. В разное время большое внимание привлекали сочинения Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, неокантианцев. Кантианство же вызывало скорее неприязнь, хотя и предпринимались отдельные попытки его распространения (А.И. Введенский, И.И. Лапшин), но об оригинальном усвоении учения Канта на русской почве говорить все же не приходится. По большому счёту, кантианство никогда не входило в душу русской философии, как это случилось с философией Шеллинга у любомудров 30–40-х годов XIX века или у В. Соловьева, а в особенности как это произошло с Гегелем. Неприятие кантианства обрело небывалую остроту, и одним из наиболее непримиримых критиков становится Н.Ф. Федоров. В чем причина неприязни, что послужило мишенью для критических стрел русского мыслителя?

В основании его столь необычной идеи воскрешения прежних поколений людей лежит соотношение теоретического и практического разума. В записке от неученых к учёным автор с первых страниц заостряет внимание на этой идее. В широком смысле полемический пафос Н. Фёдорова направлен на выявление ненормальности понимания предназначения «сословия» ученых и науки в целом в культуре Просвещения. И философия, и наука, должны, по мысли Н. Фёдорова, как можно скорее выбраться из блуждания в сфере отвлеченных абстракций, бесплодного теоретизирования и должны быть сориентированы на решение практических задач. Философские представления и научные достижения обретают смысл в практической реализации. Регуляция природы и воскрешение предков – это единственно достойная деятельность ученого сословия, это и есть «общее дело».

Разумеется, по ходу своих размышлений Н. Фёдоров не мог пройти мимо творчества И. Канта. «Критика чистого разума» родоначальника немецкой классической философии принадлежит к числу произведений, содержание и смысл которых и поныне остаются неисчерпаемыми. Почти каждая эпоха читает «Критику чистого разума» по-своему, видит в ней свою актуальность.

Кант усматривал задачу философии как раз в том, чтобы осуществить критику чистого разума. Причем он имеет в виду не какие-то отдельные сферы или системы. Он пытается отыскать корни всей проблематики разума, этой дарован-

ной человеку способности, чтобы понять, что он может, а что нет, как рождаются его принципы, формируются понятия.

По Канту, как известно, предмет познания конструируется человеческим сознанием из чувственного материала при помощи априорных форм рассудка, все категории рассудка представлены Кантом априорными формами сознания. Прежде всего, это относится к категориям пространства и времени. Пространство и время, по Канту, не объективные формы существования материи, а всего лишь формы человеческого сознания. Причинность также он считал не закономерностью природы, не объективной связью, а априорной формой человеческого рассудка.

Вывод Канта таков: достаточно строгий анализ любой теории, претендующей на безусловно полный синтез всех определений, на безусловную справедливость своих утверждений, всегда обнаружит в ее составе более или менее искусно замаскированные антиномии. Следовательно, критика чистого разума имеет вполне практический смысл. Кроме того, критика Кантом рассудочного мышления имела диалектический характер. Кант различал рассудок и разум; он считал, что разумное познание выше и по природе своей диалектично. В этом отношении особый интерес представляет его учение о противоречиях («антиномиях») разума. Согласно Канту, разум, решая вопрос о конечности или бесконечности мира, его простоте или сложности и т. д., впадает в противоречия. Диалектика, по его мнению, имеет негативный отрицательный смысл: с одинаковой убедительностью можно доказывать, что мир конечен во времени и пространстве (тезис) и что он бесконечен во времени и пространстве (антитезис). Как агностик Кант ошибочно полагал, что подобные антиномии неразрешимы. Тем не менее его учение об антиномиях разума было направлено против метафизики и самой постановкой вопроса о противоречиях способствовало развитию диалектического взгляда на мир. Конструируемый же сознанием предмет Кант называет природой и формально признает, что познание имеет своим предметом природу, но по существу противопоставляет ее объективному миру.

С таким подходом решительно не соглашается Фёдоров. Познание не только должно быть безусловно направлено на объективный мир, оно должно изменять мир. «Разум практический, равный по объему теоретическому, и есть разум правящий, или регуляция, т. е. обращение слепого хода природы в разумный...» [Фёдоров 2003. Т.1 : 13]. Однако, как пишет Фёдоров, сентенции, которые Кант произносил «...над знаниями, делами и произведениями человеческими, он называл не „суждениями“ (кроме суждений об искусстве), а обыкновенно „критиками“, хотя мог бы прямо назвать тюрьмами... ибо и самый „чистый“ разум он осудил на вечную тьму неведения, незнания...» [Фёдоров 2003. Т.2 : 199].

Далее критика распространяется на практический разум. Практический разум поставлен Кантом в еще более узкие пределы. «Практический разум не только дозволяет, но и требует повелительно, „императивно“ делать добро, однако с обязанностью не уничтожать зла. ... Разрешая людям их мелкие делишки, законодатель практического разума не говорит об одном общем, великом деле... Ложь или ограниченность философии Канта заключалась в отрицании или непризнании общего дела, в отрицании, являющемся предрассудком, свойственным сословию, обреченному на одно мышление» [Федоров 2003. Т.2 : 199].

Знание, чтобы не быть бесплодным, не должно быть отделено от дела. Тогда, согласно Федорову, человечеству как совокупному субъекту познания будет противопоставлена «неразумная природа» как целостный объект познания. Только таким образом структурированные субъект-объектные отношения позволят человечеству выполнить свою миссию «воссоздания».

Практическая часть «общего дела» Фёдорова опирается на познавательную деятельность, понимаемую исключительно как совместную деятельность всех «сынов и дочерей человеческих». «Таким образом мир или природа придет к самосознанию и самоуправлению через объединившиеся в общей цели и в общем деле существа, ныне в розни и в бездействии находящиеся» [Фёдоров 2003. Т.2 : 192].

Проект «регуляции природы» включает некоторые конкретные предложения, в том числе о регуляции погоды методом взрыва в облаках, который достаточно широко распространился в наше время, а также и более глобальные проекты «внесения в природу воли и разума»: об управлении движением земного шара и магнитными силами, об овладении новыми источниками энергии, о метеорологической регуляции в масштабах не только всей планеты, но и о выходе в космос и управлении космическими процессами.

«Регуляция природы» является для Фёдорова исполнением библейского представления о месте человека на земле. Перевод военной мощи в созидательную и мирную, победа над стихийными силами, над голодом, болезнями и смертью – в этом действительное христианское предназначение современного человечества.

Фёдоров расценивал как однозначно катастрофическое то направление, в котором движется развитие нынешней «эксплуатирующей, а не восстанавливающей» природу цивилизации. Человечество виновато не только в хищническом, сугубо потребительском отношении к природе, но даже пассивное бездействие человека означает измену эволюционному предназначению разума: стать орудием «внесения порядка в беспорядок, гармонии в слепой хаос».

Созерцательное отношение к космосу, уходящее в глубокую древность, преобладало многие века. И только начиная с Фёдорова, в философию и науку входит требование преобразовательной активности со стороны человечества, направленной на макрокосмос.

Не мог оставить без внимания русский мыслитель учения Ф. Бэкона и Р. Декарта. Основание для критики здесь Фёдоров усматривает вовсе не в эмпиризме и рационализме как таковых, но исключительно в том, что в этих учениях отсутствует идея универсализма («единичные опыты» Ф. Бэкона, «Декартово мышление в одиночку»). Именно влияние «ограниченного эмпиризма и столь же узкого и искусственного рационализма» стимулировало «мнимое» (по этой причине) западноевропейское Просвещение [Фёдоров 2003. Т.2 : 194].

Необходимой предпосылкой реализации проекта «общее дело» Фёдоров считает «наличность целей не только личных, но и коллективно достигаемых» у разных по уровню развития цивилизаций. Данный факт рассматривается в качестве основы тенденции возрастания «целесообразности в мире». Однако текущая эволюция «есть низшая ступень развития и ... следовательно, должна быть высшая, которая и должна в корне исправить зло, естественно проистекающее от

непризнания цели единой и общей и от постановки только личных и ближайших целей» [Фёдоров 2003. Т.2 : 195].

Ресурсами одного мышления вопрос о необходимости и возможности достижения полной целесообразности в мире не решить. В истории философии по проблеме субстанции обнаруживаются две принципиально отличающиеся позиции: монистическая и плюралистическая. Неспособность философии определиться по данной проблеме, по мысли Н. Фёдорова, свидетельствует об отсутствии у современной ему философии какой-либо практической направленности. «Философия, определяя себя лишь как знание, тем самым признает себя праздным любопытством, из которого ничего не выходит, ни даже знания» [Фёдоров 2003. Т.2 : 195]. Отсутствие общепризнанной точки зрения по проблеме субстанциональности мира в онтологии приравнивается, на взгляд Фёдорова, к самообличению философии в вопросе о мировой целесообразности. Сам объективный ход мировой истории на протяжении тысячелетий убеждает нас в возрастании целесообразности. Фёдоров считал, что после совершенного Христом спасения мира сила спасения уже пребывает в мире. Поэтому современное человечество способно активно влиять на мировую эволюцию, придавая ей всё более целесообразности. «Мы ... обязаны, – пишет Фёдоров, – поставить человечеству одну общую цель и утверждать необходимость, возможность и обязательность установления целесообразности не словом, *общим делом*» [Фёдоров 2003. Т.2 : 195]. Равноправное же существование в онтологии как плюрализма, так и монизма препятствует утверждению философии *общего дела*.

Так, Фёдоров весьма негативно высказывается по отношению к философскому плюрализму. Плюрализм, утверждающий множественность, по сути, утверждает, что мир есть беспорядок, а «если мир есть беспорядок, в нем невозможно и достаточное знание, пока длится беспорядок» и ни о какой целесообразности в данной парадигме не может быть и речи. Выход из тупика плюрализма один – преобразующая практическая деятельность – «общее дело» [Фёдоров 2003. Т.2 : 195].

В отношении философского монизма Н. Фёдоров высказывается также весьма скептически. По его мысли, если бы монизм не был только предположением, не было бы и надобности различать идеализм и материализм как две вполне самостоятельные субстанции. Однако как «линия Платона», так и «линия Демокрита» искони присутствуют в философии. «Существование разномнений здесь равносильно признанию недоказанности утверждения мирового единства, а с ним – и целесообразного порядка» [Фёдоров 2003. Т.2 : 196].

Кантианство («путь кенигсбергский») в силу метафизичности не способно признать «ни Сына Человеческого, ни сынов человеческих в их родственном единстве чистым разумом, знающим только всепоглощающее “Я” в его противоположности к чуждому ему “Не-я”». Для «пути кенигсбергского», утверждает Н. Фёдоров, удовлетворительное решение проблемы зла (беспорядка, нецелесообразности) в мире с философско-теистической точки зрения остается невозможным. Пантеизм отвергается на том основании, что по причине крайне отвлеченного мышления утверждает, «что в мире все-таки есть порядок и высшая целесообразность. Это уже прямая недобросовестность, непозволительная для предполагаемого достоинства философии» [Фёдоров 2003. Т.2 : 197].

Обобщая свои размышления по поводу «чистого разума Канта», Н. Фёдоров говорит, что философия Канта есть верный вывод из *всемирно-мещанской* истории вообще и германо-романской истории XVIII века в особенности. И если иной, более широкой и содержательной всемирно-сыновней истории не будет, то тогда не будет также и другой философии, которая должна быть (философия общего дела). «Философия, вышедшая из критики чистого разума, могла стать только тем, чем она стала и чем она пребывает и доселе, то есть только мышлением. Но вся философия и всякая философия несостоятельна, если она – мысль без дела ... превращение мыслимого в осуществляемое, в действительное есть дело всех людей без исключений, а не одного ученого сословия. Это дело реальное, нравственное и религиозное» [Фёдоров 2003. Т.2 : 198].

Противоречие, антиномия разумных существ и неразумной силы не разрешится, пока разумные (*разумно мыслящие*) существа не станут *разумно действующими*, то есть пока не объединятся два разума, теоретический и практический, а с ними и третий – художественный и религиозный. Только таким образом устранился противоречие разумного и неразумного, лежащее внутри самой природы. «Если теоретический разум представляет мир и таким, каким он есть, и таким, каким он должен быть, то разум практический должен представить его лишь в одном смысле, в должествующем быть, то есть в проективном» [Фёдоров 2003. Т.2 : 200].

Конечно, представление Фёдорова о космосе вполне христианское. Существующий для Фёдорова космос задан как следствие падения человека, так как изначальный мир был миром гармонии и чистоты. Поэтому и необходим всеобщий синтез («общее дело»). Космос у Фёдорова становится «хозяйством», подчинённым задаче воскрешения предков. «Регуляция природы» – это христианство, обращённое в действие воскрешения, вследствие чего проект неизбежно и вопреки желанию автора приобретает утопические черты.

К сожалению, ситуация автономизации, т. е. невключенности, русской философской мысли, пусть и религиозно окрашенной, в реалии европейской актуальности, – это ситуация нереализованных своевременно возможностей.

К примеру сказать, наряду с традиционными для естествознания стратегиями на наших глазах формируется принципиально новая стратегия – коэволюционная, которая лишь по видимости является продолжением эволюционистской стратегии, в действительности же идея коэволюции может выступить источником совершенно новой парадигмы и новой эпистемологии естествознания, следовательно, в своих предельных основаниях может явиться новой философией природы. Именно установка на идею коэволюции как основополагающий принцип новой натурфилософии и является важнейшей особенностью и неотъемлемой частью постнеклассической науки и современной философии науки.

Использование идеи коэволюции природы и общества, природы и человека (идея, биологической по своему происхождению, но приобретшей в современном мире универсальный характер, статус «коэволюционного императива», охватывающего в том числе и все стороны духовной жизни человека) позволяет выдвинуть не только новые теоретические основания философии природы, но и осуществить переосмысление всего научного знания на основе «натурализованной

эпистемологии», способной преодолеть трудности классической естественнонаучной эпистемологии.

Тем самым коэволюционная стратегия предполагает формирование новой эпистемологической системы, системы, которая позволяла бы описывать природные и социальные процессы как процессы природно-социальные в глобально-эволюционном контексте, поскольку поставленные на повестку дня проблемы современной науки – не только биологии, но и физики, химии, технических наук – ведут к представлению о биосферном уровне жизнедеятельности человека.

Библиографический список

1. Федоров, Н.Ф. *Философия общего дела*. В 2 т. Т.1 / Н.Ф. Федоров. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 699 с.
2. Федоров, Н.Ф. *Философия общего дела*. В 2 т. Т.2 / Н.Ф. Федоров. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 592 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТИКИ АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО ТРУДА В ПЕРИОД СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА КАК ОСНОВА ПОСТАНОВКИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И.С. Барсуков

Диалектика, абстрактный и конкретный труд, гносеологические проблемы, немецкая классическая философия.

То, что философия как специфическая сфера труда находится в непосредственной связи с процессами материальной жизни, с процессами экономическими, было осознано философами уже на ранних этапах ее становления. Так, Аристотель в своём главном произведении «Метафизика» напрямую связывает возможность философствования с экономическими условиями, указывая при этом лишь на внешнюю сторону связи философии и экономики [Аристотель 1975 : 69]. Это и составляет главную трудность на пути понимания их внутренней связи. Трудности в осознании этой связи добавляет и то, что во все эпохи существует и продолжает существовать до наших дней действительный разрыв между экономическими основами существования общества и уровнем развития философии.

Ведь и в реальной действительности эта связь затушёвана тем, что, несмотря на зависимость от материальных условий, философия есть самодостаточный культурный феномен. Философия полагает свои определения без оглядки на экономическую реальность, поэтому мышление в историко-философском процессе поднимается до самых высоких форм, до ступени диалектики и без экономической необходимости. Каждая область, и историко-философский, и экономический процессы, в истории оказываются рефлексированными в самих себе, и в течение долгого периода независимо сосуществуют.

И всё же в истории человечества наступают периоды, когда внутренняя необходимая взаимосвязь, казалось бы, таких очень далёких друг от друга областей, каковыми на первый взгляд являются философия и политэкономия, начинает действительно проявляться и становится актуальной как для философов, так и для теоретиков политической экономии. Таким периодом истории является рубеж XVIII – начало XIX века. Именно тогда, как образно заметил Гегель, дух «надевает сапоги-скороходы» и за десятилетия проделывает в развитии путь, на который в других условиях ему требуется тысяча лет.

Экономические особенности указанной выше эпохи хорошо известны, тем не менее следует остановиться на некоторых из них, чтобы с определённой ясностью указать на характер внутренней связи специфически философских проблем с проблемами политэкономии.

Уже во второй половине XVIII века в экономике Европы начинают проявляться процессы, которые даже в XVI–XVII веках, на этапе становления капиталистической формы, совсем не проявлялись или проявлялись в незначительной степени. В политической жизни происходят события мирового масштаба: Великая французская революция и промышленная революция в Англии. Экономическая основа этих перемен – развитие стоимости от простой её формы до более высокой – денежной. На смену капиталу в специфической форме: торговому, мануфактурному, ростовщическому, приходит капитал промышленный, или капитал в своей всеобщей форме. Этот реальный генезис стоимостного отношения отражён и в теориях политической экономии, последовательно сменявших в этот период друг друга: в монетарной системе, мануфактурной, физиократической, наконец, в теории трудового происхождения стоимости.

Различие систем политической экономии, выраженное в различии точек зрения политэкономов на источник богатства, отражало действительный уровень развития меновой стоимости. У А. Смита, яркого представителя трудовой теории стоимости, в качестве деятельности, создающей богатство, фигурирует труд как таковой и продукт труда как прошлый или овеществлённый труд. При этом абстракция от всякой определённости деятельности не была в теории А. Смита только его субъективной рефлексией, а была результатом действительного развития сферы труда в указанную выше эпоху. В этот период времени одной из важных характеристик экономического процесса в развитых странах становится тенденция к глубокому разделению труда, как общественному в целом, так и внутри отдельного производства, и превращение практически всех его видов в наёмный труд.

Несмотря на то что труд как экономическая категория имеет силу для всех эпох, в определённости этой абстрактности (безразличие к отдельным видам деятельности) он выступает как результат исторического развития именно в середине XVIII века. Труд как созидатель потребительных стоимостей и целесообразная деятельность впервые в истории человечества вычленяется как самостоятельный предмет, а в философской рефлексии это выражается в том, что труд как чистая формообразующая активность человека становится предметом исследования. Впервые наряду с полезностью продукта труда и способов его распределения начинает выступать и полезность субъективной деятельности, причём не в её определённости, конкретности и единичности, а в абстрактном безразличии и всеобщности. И если во второй половине XVIII – начале XIX века экономические отношения и идеологические формы находились по отношению друг к другу ещё лишь во внешней связи и в односторонней зависимости идеальных процессов от материальных, то теперь самой историей вырабатывается общая для философии и политэкономии основа исторического движения. Как в экономической жизни, так и в области философии всеобщей основой исследования становится один и тот же объект – продуктивная деятельность как проявление родовой и индивидуальной сущности человека – труд, а связь двух наук: политэкономии и философии, отражающих это явление в специфических категориях, приобретает внутренний взаимозависимый характер – характер взаимодействия или обмена определениями [Маркс 1980 : 223–224].

Уникальность исторического периода (вторая половина XVIII – начало XIX века) более определённо состоит в совпадении предмета политэкономии и философии. Как в одной, так и в другой области предмет, который развивается, – абстрактный труд. Если развитие меновой стоимости от товарной формы до капитала приводит к выработке полноты форм экономического процесса с возвращением к исходному пункту своего полагания, к процессу производства потребительных стоимостей, то и развитие всех видов труда возвращено к действительной своей основе – к абстрактному труду, исследующему проблемы целесообразного действия, или к философии, исследующей продуктивные или синтетические действия интеллекта. Получается так, что капитал актуализирует способность мышления, делает исследование её характеристик в области философии насущной задачей времени и точно отправляет её по адресу соответствующего научного ведомства.

Капитал как противоположность живому труду есть овеществлённый труд, поэтому определения, принадлежащие капиталу, принадлежат и процессу труда, в этом состоит момент их тождества. Овеществлённый труд представляет собой бытие, в котором деятельность (живой труд) угасла, но в то же время существенным остаётся их различие. Это противоречие в рассматриваемом нами периоде философии полагается в противопоставлении таких фигур процесса познания, как: «вещь» и «Я», «объект» и «субъект».

Капитал также полагает прибавочный труд, избыточный с точки зрения одной только потребительной стоимости, и количественно постоянно выходит за пределы необходимого труда. Поэтому труд на основе капитала – прибавочный труд – характеризуется существенно как деятельность, производящая предметы, или, выражая эту характеристику на языке философии, прибавочный труд – это деятельность, отрицающая закон тождества, поскольку в ней имеется постоянный выход за пределы существующих определений. Прибавочный труд с необходимостью предполагает прибавочное мышление, ведь то, чего не было ранее в форме идеи, не может появиться в продукте труда [Концепция школы XXI века 2001 : 18]. Тогда одной из центральных философских проблем становится проблема синтетических действий интеллекта. Синтез в составе познавательной деятельности становится существенной ступенью развития природы логического. Усилия философов направлены на исследования такой способности интеллекта, которая изначально содержит в себе возможность присоединения новых определений к имеющимся, то есть возможность синтеза. Поэтому определения мышления, приводящие к синтезу логических определений, к выводному знанию, в конце концов становятся предметом философских исследований. На эту черту философских исследований вполне определённо указывает Ильенков в историко-философских очерках о философии Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля [Ильенков 1984 : 55–139].

Что же касается способа мышления, позволяющего выразить природу положительной и отрицательной стороны отношения овеществлённого и живого труда, объективного и субъективного, вещи и «Я», выразить эту природу как процесс, как переход от одной формы сознания к другой, вскрыть противоречия познавательных процессов, то это под силу только такой форме мышления, которая внутри себя содержит положительные и отрицательные определения идеи. По-

этому востребованным становится диалектическое мышление. К тому же диалектика – не только критическое оружие в борьбе с отжившими идеологиями, не только форма скептицизма, но и форма, способная отражать процессы перехода противоположностей друг в друга и их единства, то есть включает в себя момент синтеза. Этот стиль мышления становится востребованным также во всём многообразии общественных явлений: в науке, в искусстве, которые своими специфическими средствами выражают коллизии идеологических форм, так верно охарактеризованных Гегелем как «мир отчуждённого от себя духа» [Гегель 2000 : 205–305].

Предметом философских изысканий становятся противоположные фигуры процесса познания: *объект и субъект, вещь и «Я», материя и дух, сознание и самосознание*, различия между которыми развиваются до противоречия, а форма мышления, необходимая для выражения отношений обозначенных выше фигур, – *диалектика*. Не случайно уже у Канта диалектика получает определения необходимой ступени в познавательном процессе, поскольку фигуры познавательного процесса, которые Канта занимают, противостоят друг другу как наиабстрактнейшие и исключают друг друга, противоречащие друг другу фигуры.

Поскольку на такого рода исследование у политэкономии того периода не было ни адекватного такому предмету, как живой процесс, метода, ни достаточного фактического материала, отражающего действительное развитие, то инициатива исследования определений труда переходит от политэкономии к философии. В рамках уже философских исследований абстрактный труд получает значение внутренне расчленённого целого, то есть значение конкретного. В этом отношении одной из значимых сторон философских исследований в немецкой классической философии является исследование логического процесса, включённого в процесс труда в качестве существенного его признака – целесообразности.

Философское развитие в этот период времени как раз и заключается в эволюции понимания отношения противоречащих друг другу объекта и субъекта познания. Если Кант в великих трёх «Критиках» бесконечно разделяет объективное и субъективное, то уже у Фихте порождающий принцип для «Я» выступает как возможность внутренней их связи, правда, только со стороны субъекта. Шеллинг понимает единство объекта и субъекта и, следовательно, порождающий принцип как принцип, изначально заложенный в самой природе как таковой и, следовательно, присущий человеку. И, наконец, Гегель обнаруживает единство объекта и субъекта познания в конкретной логической форме – в форме «Абсолютной идеи».

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.1 / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
3. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
4. Концепция школы XXI века (диалектика учебного процесса): монография / А.И. Гончарук. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2002. – 68 с.
5. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1861 годов. (Первоначальный вариант капитала.) В 2 ч. / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1980. – 564 с.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ

К.А. Рогов

Марксизм, предпосылки, экономические взгляды, общественная мысль, русские вопросы, Герцен, социальные преобразования, революции, свобода, русская интеллигенция, западное влияние, гегельянство, народники.

В сегодняшней российской действительности вести речь о марксизме, мягко говоря, не модно. Марксизм уже давно является объектом изучения «узкокорпоративной» группы ученых, хотя есть все основания именно этому явлению уделять особое внимание. С одной стороны, на фоне активных социальных и экономических трансформаций в нашей стране очевиден идеологический кризис, который привел к распаду традиционных социальных институтов и культурных форм. С другой – выработка стратегии социально-экономического развития страны возможна только путем создания новых гуманитарных технологий, в основе которых лежат социальная аналитика, социальная антропология, философия. В этом случае обращение к определённому этапу русской истории даёт возможность показать культурный аналог «поиска» и тех дискуссий, которые ведутся относительно дальнейшего пути развития. Около 150 лет назад в России начинается процесс проникновения идей К. Маркса и Ф. Энгельса, но популярен марксизм стал намного позже, и это было не только связано с объективными процессами развития страны, но и с теми противоречиями, которые носили социальный и психологический характер.

Русский марксизм – весьма неоднородное явление. Если мы попытаемся обнаружить параллель русского марксизма с европейским, то можем натолкнуться на его беспочвенность. С одной стороны, марксизм в России представлялся крайним западничеством и легко укладывался только в сознание определённого круга людей, с другой – в России отсутствовали объективные предпосылки для его зарождения. Более того, произведения К. Маркса и Ф. Энгельса почти не были известны российскому читателю. Например, произведение Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которое он написал в начале сороковых годов XIX века, в России было опубликовано в 1861 году в «Современнике». Работа К. Маркса «К критике политической экономии» в сокращённом переводе Ткачева была напечатана только в 1865 году. Первое русское издание «Манифеста коммунистической партии» в очень плохом переводе Бакунина вышло в 1869 году. Широкое распространение в России экономических взглядов Маркса происходило с 1872 года. В это время был переведён на русский язык «Капитал». Но несмотря на это, уже на заре своего творчества Маркс знакомится с русскими общественными деятелями, с которыми ведет переписку, а через них – с российской действительностью. Это плеяда тех деятелей, которых волновала судьба России, которые горячо и заинтересованно обсуждали перспективы её развития. Диалог русских деятелей и Маркса длился почти три четверти века – начиная с 1840-х гг., когда Маркс привлёк к себе внимание Анненкова, Боткина, Бакунина, Герцена, Чернышевского и других мыслителей.

В этом нескончаемом и так и не законченном диспуте оппоненты раскрываются с неожиданных сторон. С особой отчётливостью проявляются высокий уровень развития русской общественной мысли и вместе с тем её историческая ограниченность, оригинальность русских мыслителей и издержки их «самобытности», присущий многим из них максимализм в решении насущных вопросов. И Маркс в идейных столкновениях с русскими деятелями воспринимается по-новому. Выясняется, что на многие «русские вопросы» у него не было ответов. А его отношение к России, к русской революции по-иному заставляет задуматься об общественном идеале коммунистов. Когда в 1846 году Маркс знакомится с Анненковым, он находит время для обстоятельных с ним бесед, рассказывает ему о своих творческих планах, о текущей работе, приглашает на собрания коммунистов. Маркс пишет новому знакомому длинные письма, где обсуждаются серьёзные общественные проблемы, делится с ним исследовательскими открытиями. А между тем К. Маркс, в отличие от Анненкова, который был лёгок в общении, полон интереса к окружающим, терпим ко взглядам, которые не разделял, ни общительностью, ни открытостью не отличался. В знакомствах был разборчив и весьма избирателен, предъявлял к своему окружению жёсткие требования идейно-политического характера. Выработанные в процессе многолетних научных изысканий свои взгляды Маркс считал единственно верными и расхождение с ними обычно воспринимал как объявление войны. Анненков для К. Маркса – человек из чужого стана. Выходец из другого мира, из другой, по сути, феодальной эпохи – владелец крепостных душ, живущий в стране, где и в помине не было тех гражданских прав и свобод, которыми привыкли уже пользоваться европейцы, он разговаривал с Марксом как равный по образованию и знаниям, обнаружив прекрасное знакомство с европейской литературой. В 1840-е годы Павел Васильевич, как и многие русские из образованного дворянства, стремился в Европу, чтобы с помощью западного опыта, передовой мысли заглянуть в будущее своей страны, понять перспективы её развития. После отмены крепостного права в 1861 году в России ждали революции, но её возможность не встретила поддержки той самой передовой общественности, на которую Маркс возлагал большие надежды. В 1880-е годы Анненков в своих воспоминаниях так и не смог, как и в 1840-е, признать естественным и органичным процесс, прерываемый революционными катаклизмами, согласиться с тем, что надо «ниспровергнуть основу» цивилизации, чтобы сохранить её плоды. Также не смог это признать и А.И. Герцен. По его мысли, «каждое дело идёт не по законам отвлечённой логики, а сложным процессом эмбриогенеза. В помощь нашему делу нужна мысль Запада и нужен его опыт. Но нам столько же не нужна его революционная декламация, как французам была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили в конце прошлого века» [Ленин 1959: 56]. И хотя было очевидно, что социально-экономическое развитие России сильно отстаёт от Запада и наличие сильного рабочего класса в условиях крепостной России объективно невозможно, Герцен, находясь в Англии, тем не менее высказал своё отношение к рабочему классу. Он горячо сочувствовал рабочим, но видел их не только на баррикадах с булыжниками в руках, распевавших «Марсельезу», но и грабившими и поджигавшими дворцы и особняки. Герцен запомнил их не только мужественно сражавшимися, но и не способными отстоять свои

требования. Герцен сделал вывод, что быть готовым к революции – ещё не значит быть готовым к свободе, к социальным преобразованиям.

Все, кто писал о русских людях 1840-х, знакомых с Марксом, естественно задавались целью выяснить влияние на них его учения. В советской литературе до последнего времени оно, как правило, отрицалось. В интересе дворянской интеллигенции к марксизму видели нечто вроде «идейного гурманства», поскольку классовыми мотивами этот интерес объяснить было невозможно. Сам же процесс зарождения марксистских идей, следуя традиции, заложенной В.И. Лениным, относили к 1883 году, когда образовалась группа «Освобождение труда». Это не совсем верно, ибо как бы это не было парадоксально, но первыми марксистами были русские, поскольку именно в России разгорелся спор о возможности применения теории Маркса и появилась жёсткая критика его концепции, именно о России «споткнулся» Маркс и обнаружил логические и теоретические трудности завершения «Капитала». Россия была подготовлена к восприятию Маркса как социального аналитика, однако его практические революционные выводы не принимались тогда русской общественной мыслью в силу социальных и психологических причин.

Как уже было сказано, русская интеллигенция первая познакомилась с основными положениями марксизма. Интеллигенция в России состояла из разных социальных слоёв, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и после освобождения из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция. По словам Н.А. Бердяева, «интеллигенция всегда была увлечена какими-либо идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностью жить исключительно идеями» [Бердяев 1990 : 19]. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало развитию в ней социальной мечтательности. В России самодержавной и крепостнической вырабатывались самые радикальные социалистические и анархические идеи. Невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и литературу. «Русская душа, – пишет Н.А. Бердяев, – стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному, и это религиозная в ней черта» [Бердяев 1990 : 21].

Война с Наполеоном дала возможность увидеть другую Европу, совсем отличающуюся от России. Русское офицерство побывало в Европе и возвратилось с расширенным кругозором. Но не было целостности и единства в русской жизни. В то время, когда происходило движение декабристов, огромная масса русского дворянства была тёмной, ленивой и вела бессмысленную жизнь. После подавления восстания декабристов, после воцарения Николая I всё пошло путём нарастания раскола революции. В одной из своих работ Бердяев напишет, что после восстания декабристов русская интеллигенция окончательно оформилась в раскольничий тип. «Она всегда будет говорить про себя “мы”, про государство, про власть – “они”. Русский культурный слой оказался над бездной, раздавленным двумя основными силами – самодержавной монархией сверху и темной массой крестьянства снизу» [Бердяев 1990 : 24].

Основным западным влиянием, которое в значительной степени испытали на себе русская мысль и русская культура XIX века, было влияние Шеллинга и Гегеля. Германская мысль воспринималась активно и перерабатывалась в русский тип мысли. «Русский молодой человек, — отмечает Бердяев, — принадлежавший к поколению идеалистов 30-х и 40-х годов, исповедовал тоталитарное шеллингианство или тоталитарное гегелианство в отношении ко всей жизни, не только жизни мысли и жизни социальной, но и жизни личной, в отношении любви или чувства природы» [Бердяев 1950 : 271]. Поэтому, когда в 40-е годы XIX века Маркс, будучи младогегельянцем, вырабатывает свою философскую систему, знакомившиеся с ним в Европе русские прошли ту же эволюцию и были с ним согласны по поводу критики Гегеля. В России в конце 40-х годов наблюдался тот же диалектический процесс мысли, который в Германии совершался в левом гегелианстве, в воззрениях Фейербаха и Маркса. Происходят разрыв с отвлеченным идеализмом и переход к конкретной действительности. Но вот во взглядах на социализм у русских общественных деятелей с Марксом были существенные расхождения. Хотя стоит заметить, что с XIX века в России начинается увлечение социалистическими идеями. Но социализм интеллигенции XIX века носил мечтательный характер. Нигде на Западе не существовала в такой своеобразной форме проблема «интеллигенции и народа», которой посвящено всё русское мышление второй половины XIX века, ибо на Западе, в сущности, не было ни «интеллигенции», ни «народа» в русском смысле слова. По мнению народника Ткачева, русский народ является социалистическим по инстинкту. Однако проблема заключается в том, что социальная теория Маркса не совсем укладывалась в рамки российской действительности. В России второй половины XIX века пролетариат ещё не сформировался как класс в силу объективных социально-экономических причин, тем не менее интерес Маркса к России возрастает всё в большей мере. Взаимностью отвечает и общественная мысль России. Но теперь это не «мечтатели»-одиночки, каким был Анненков, теперь это целая плеяда мыслителей, подготовивших почву для возникновения в России социал-демократии. Однако тогда свои надежды они возлагали на русскую общину. Но именно народники, которые выступали за социальную революцию, минуя капитализм, смогли увязать свои основные теоретические положения с марксизмом. Марксизм не только выступил альтернативой народнической идеологии, но и вобрал в себя её основные социально-психологические черты. Новое учение словно накладывалось на ещё живую плоть старого — и на нём проступали родимые пятна. В одном из своих исследований Модест Колеров попытался выявить генетическую связь марксистского мировоззрения и народничества. По его мнению, идея «воспитания» интеллигенцией народа от крестьянства легко перешла к рабочему классу; религиозный в основе своей подход к взятой на вооружение доктрине продолжал распространяться и на марксизм и т. д. [Колеров 1990 : 661]. Сам процесс трансформации взглядов бывших народников происходил значительно сложнее. Многие исследователи (особенно в советский период) не учитывали тот факт, что в процессе перехода от народничества к марксизму русская интеллигенция зависила уровень развития капитализм в России и во многом проигнорировала степень отсталости страны. Но тогда марксизм резко раздвигал горизонты интеллигентского сознания, увеличивал историческую пер-

спективу, ставил цели далеко за пределы статус-кво, что не могло себе позволить, кроме марксизма, ни одно из радикальных учений в тогдашней России. Марксизм, интернациональный по существу, ставил перед отсталой страной общемировые задачи. С одной стороны, Россию это приобщало к насущным проблемам передовых обществ, с другой – эти проблемы не давали возможности их «выстрадать» и «прожить»: русский марксизм требовал от России более высокого темпа развития. В марксизме русская демократическая интеллигенция освобождалась от приобретённого с народническим опытом эволюционизма, от надежд на перемены сверху или мирным путём. Этот важный социально-психологический фактор поставил перед российской социал-демократией задачи просвещения не крестьян, а рабочих. Опыт народников показал, что народ не хотел просвещаться. Для крестьянина естественно то, что сложилось, поэтому схемы народников для них были неприемлемы. Но тогда почему марксизм легко укладывается в сознание рабочих? В эпоху Маркса на этот вопрос отвечала сама европейская действительность. В Европе просто не было похожих гражданских практик, по Марксу, пролетариат выпал из структуры гражданского общества. В России в начале XX века отмечается рост рабочего класса, но и здесь рабочему «ничего не знакомо». Если крестьянину в пространстве его социокультурных практик все понятно, то рабочему – отнюдь нет, ибо он столкнулся с совершенно новыми для него условиями жизни. Остается одно – адаптировать «Капитал» к российским условиям. Но социал-демократического сознания у рабочих не могло быть, «оно могло быть принесено только извне». «История всех стран свидетельствует, – пишет В.И. Ленин, – что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией... точно так же в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции» [Ленин 1959 : 31].

Но это не значит, что рабочие примут идеи социализма, наоборот, В.И. Ленин отмечает, что стихийное развитие рабочего движения идёт именно к подчинению его буржуазной идеологии, стихийность рабочего движения и есть то, что Ленин называет тред-юнионизмом, идейное порабощение рабочих буржуазией.

На основании вышесказанного В.И. Ленин определяет задачи российской социал-демократии, которые состоят в «борьбе со стихийностью... совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крышкой буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии» [Ленин 1959 : 40].

Поэтому после 1903 года большевики доформируют сознание рабочего класса посредством создания рабочих организаций и используют их как политическую силу.

Подводя итог, стоит отметить, что процессы формирования марксизма в России, имели неоднородный характер и связано это было с позицией, занимаемой марксизмом в России. Усвоение марксизма как теории «было обычным и повсеместным явлением, – размышляет Сергей Булгаков, – в разных концах страны молодые люди, вступающие в жизнь, жадно искали и выработывали целостное мировоззрение» [Булгаков 2006 : 12]. Склонность к идеям социализма, желание во всем разобраться, сформировать целостную картину мира явились тем условием, которое, по мнению С. Булгакова и Н. Бердяева, позволило принять русской интеллигенции теорию К. Маркса. Вторая позиция – марксизм как политическая практика, на неё и сделали акцент большевики, разобравшись не в социально-экономическом уровне развития страны, а в социальной психологии рабочего класса, что и позволило им в дальнейшем осуществить революцию. И последняя позиция – марксизм как культурно-просветительская практика, социальная аналитика. Во многом именно в этой форме выступал марксизм для многих народников, которые в дальнейшем стали марксистами, и для так называемых «легальных марксистов». Пытаясь привить европейскую рациональность на русскую почву, интеллигенция столкнулась с тем, что её европейский тип образования был деформирован азиатским образом жизни.

Марксизм в России по-своему уникален – он составляет одну из важнейших социокультурных практик в нашей стране. Обвиняя Маркса во всех бедах России, не стоит забывать, что марксизм – это не только теория пролетарской революции, но также культурная и просветительская практика, анализ процесса развития истории, теория прибавочной стоимости. Анализ марксизма в России требует изучения всех направлений русской общественной мысли, ибо только тогда понимание такого явления, как русский марксизм, будет полным и исчерпывающим.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Булгаков, С.Н. От марксизма к идеализму / С.Н. Булгаков. – М.: Астрель, 2006. – 1008 с.
3. Колеров, М. Народническое наследие и русский марксизм: 1890-е годы / М. Колеров // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. – М., 1990. – С. 58–70.
4. Ленин, В.И. ПСС. Т.6 / В.И. Ленин. – М., 1959.
5. Твардовская, В.А. Русские и Маркс: выбор или судьба? / В.А. Твардовская. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 216 с.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СВЯЗИ С ТЕОРИЕЙ ПРАВА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

М.Ю. Зырянов

Правосознание, категория, философия, право, правовая культура, социальные явления, класс, аксиологический, юридические знания, рациональные и психологические компоненты, волевой компонент.

Правосознание наряду с такими понятиями, как «право», «правовая культура» и т. д., принадлежит к числу наиболее значимых категорий философско-правовой науки, актуальность исследования которых существенно возрастает в связи с исторически переходным периодом российского общества, связанным с распадом Советского Союза. В связи с изменением общественно-политических условий возникает настоятельная потребность в переосмыслении сущности и роли правосознания в общественной жизни в целях улучшения сегодняшнего состояния правового регулирования и определения дальнейших путей научного развития. Для нас представляет интерес именно отечественная социальная философия, а если более конкретно – философия права, что определено указанной выше необходимостью переосмысления сущности права и правового сознания (предмет исследования) с точки зрения политико-правовой реальности современной России (объект исследования). В этой связи целесообразно условно выделить три временных периода: предреволюционный, советский и постсоветский. Мы сконцентрируем внимание на рассмотрении взглядов на сущность права и правосознания позднесоветского и современного этапов в истории России.

В качестве методологической базы используются диалектический метод, анализ и синтез, сравнительный, сравнительно-исторический метод, аксиологический подход, учет самоорганизационных общественных процессов, разграничение философских и правовых возможностей рассмотрения правосознания. Что особенно важно, в качестве основного инструментария принимаются два подхода к исследованию сущности права – позитивный, или нормативный, формальный, с одной стороны, и естественно-правовой («содержательный») – с другой, противостояние которых имеет длительную историю.

Следует обратить внимание на значительную политизированность вопроса о сущности права и правосознания как очень тесно взаимосвязанных социальных явлений, разрешение которого затрагивает жизнь каждого человека, так как это непосредственно воздействует на экономическую сферу общества и влияет на распределение общественных благ. Данная «политизированность», следовательно, вполне естественна, и ее учет способствует более верному раскрытию сущности правосознания. Также нужно обратить внимание на взаимосвязь правовой и нравственной сфер общества, что для российских условий имеет особенно большое значение в виду длительной исторической традиции рассмотрения права в тесной связи с нравственной стороной жизни, а иногда и подмены права

нравственными нормами. «Правосознание теснейшим образом связано и переплетается с сознанием политическим и нравственным. В реальной жизни оно выступает как своеобразный нравственно-политический и правовой сплав идей и эмоций. Это объясняется неразрывным единством государства и права в человеческом обществе и глубочайшим нравственным смыслом их существования» [Вошленко 2000 : 7]. Учет этого обязателен ввиду необходимости комплексного рассмотрения правосознания. Чему будет всесторонне способствовать философско-правовой характер исследования, который содействует преодолению некоторой юридической ограниченности путем выхода на более высокий уровень теоретических обобщений.

Необходимо обратить внимание на невозможность игнорирования классового понимания права путем только лишь подчеркивания его направленности на обеспечение всеобщих интересов. В этом кроется существенная опасность декларативности, так как выявленные основоположниками марксизма закономерности не перестают действовать, хотя и видоизменяются в своих проявлениях. Нельзя отрицать постоянно присутствующую тенденцию разделения общества на классы и, соответственно, первоочередного обеспечения путем правовых и иных средств именно интересов общественной элиты. Для сведения этой тенденции к минимуму требуются существенная работа, правовая активность всего населения по отстаиванию своих прав.

Для решения вопроса о сущности правосознания имеет первостепенное значение доминирующая система взглядов на право в целом. Так, в литературе советского времени внимание акцентируется на классовом характере права. Краткий словарь по философии определяет право как «совокупность норм, правил поведения людей, установленных или утвержденных *государством*, возведенная в закон воля господствующего класса» [Краткий словарь по философии 1970 : 239].

Представляет также определенный интерес следующее определение: «Право – возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни данного класса, его интересами. Право оформляется в виде системы норм, правил, установленных или санкционированных государственной властью» [Философский словарь 1972 : 323].

В Кратком словаре по философии указывается, что право, «с одной стороны, выступает как форма общественного сознания, в том смысле, что его содержание составляют правовые взгляды, идеи господствующего класса, которые при определенных условиях санкционируются государством и принимают силу закона, а с другой стороны, как форма организации общественных отношений, как юридическое учреждение» [Краткий философский словарь 1979 : 244]. Вышеприведенная цитата красноречиво выражает идею о неразрывной связи права и правосознания, подтверждая их «родство». Представляется, что здесь авторы видят право как явление, состоящее из двух частей – правосознания и закона.

В то же время необходимо сделать важную оговорку о том, что с аксиологической точки зрения данные дефиниции не рассматриваются как отражающие идеал в общественно-историческом развитии. Так, например, указывается, что «качественно новым типом права является социалистическое право, закрепляющее основанные на социалистической собственности производственные отношения

содружества и взаимопомощи и выступающее в качестве орудия построения коммунизма. Социалистическое право представляет собой возведенную в закон *волю народа* (курсив наш. – М.З.), впервые в истории устанавливает и реально гарантирует подлинно демократические свободы» [Философский словарь 1986 : 376]. Тем самым, хотя и при классовом подходе, в конечном счете советское правопонимание ведет к закреплению в праве воли всего народа, что особенно важно. В этом смысле оно созвучно с ключевым положением Конституции РФ, закрепленным в ч. 1 ст. 3: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [Конституция РФ 1993 г. 2006]. Хотя нельзя не отметить, что социалистический идеал права оставался зачастую лишь идеалом, как пока что остается только декларируемой целью процитированное положение Конституции РФ.

В современной российской науке классовый подход сменился плюрализмом воззрений на право. Здесь данный подход находится среди таких научных направлений, как: «теория естественного права; историческая школа права; психологическая теория; *материалистическая теория права* (курсив наш. – М.З.); нормативистское направление. В литературе, исходя из множественности взглядов на право, называют следующие основные его признаки: 1) право – это система правил поведения людей, которая устанавливается или санкционируется государством; 2) в силу того, что право имеет общеобязательный характер, его применение и реализация при необходимости обеспечивается государственным принуждением; для этих целей может быть использован специальный аппарат (полиция, суд, армия и др.). В силу своей общеобязательности право отличается от других социальных норм (морали, обычаев, религии и др.); 3) право выражается в официальной форме (имеет свои источники, например, законы). Право имеет определенные принципы – основные идеи его существования и развития» [Новейший философский словарь 1998 : 538].

Следует обратить внимание на многообразие определений правосознания, которые подчас существенно расходятся по смыслу. Это говорит не только о нестабильности общественно-правовой жизни, но и о нерешенности правовых проблем в науке. Также можно утверждать, что идет активное переосмысление сущности правосознания, а вариативность подходов объясняется в том числе подчеркиванием его роли в той или иной области общественной жизни.

Нам импонирует такое понимание правосознания: «*Правосознание – это представления и понятия, выражающие отношение людей к действующему праву, знание меры в поведении людей с точки зрения прав и обязанностей, законности и противозаконности; это правовые теории, правовая идеология*» [Спиркин 2006 : 657]. Мы склонны высоко оценивать научный уровень данного определения ввиду того, что оно в краткой форме аккумулирует ценностный аспект правосознания, указывает не просто на отношение человека к существующим правовым явлениям, а подразумевает определенный уровень развития личностной культуры и законопослушания.

Необходимо указать, что наша цель состоит именно в социально-философском исследовании правосознания, которое, в частности, «дает возможность проанализировать феномен правосознания и на уровне сущностных признаков (субстанциональный аспект социально-философского исследования), и на уровне

его структуры (структурный анализ социально-философского исследования), функций (функциональный анализ социально-философского исследования), субъектов (субъектный анализ социально-философского исследования), типов (таксономический анализ социально-философского исследования), динамических характеристик (динамический анализ социально-философского исследования)» [Уваркина 2004 : 13]. При этом выявление сущностных черт для нас является наиболее важным. В этом отношении первостепенное значение имеет рассмотрение тех идей, которые составляют или должны составлять правосознание как общественный феномен. Мы надеемся показать не только внутриправовые аспекты этого понятия, но также и «жизнь» правового сознания в рамках всего общества, его взаимодействие с другими формами сознания, как-то: политическим, нравственным и др. В этой связи особый смысл имеет понимание феномена права, т. к. от него зависит содержание правосознания.

В современной переходной ситуации для российского общества важно не противопоставление, а диалог трех правовых традиций: дореволюционной, советской и современной, что может способствовать гармонизации общественных отношений. «Возведение в закон воли относительного меньшинства не изменило и не способно было изменить человеческую природу права вообще... в результате борьбы за право его сущность смогла из воли меньшинства превратиться в волю большинства. Итак, естественно-позитивное право по своей сущности есть возведенная в закон (иные официальные источники) воля большинства людей, провозглашающая свободу (права и свободы) человека и гражданина как высшую ценность» [Шафиров 2005 : 23]. С другой стороны, чрезмерное заострение внимания на классовости права существенно обедняет его содержание, оставляя «за бортом» подлинную его сущность и назначение. Совершенно очевидно, что классовый аспект нельзя абсолютизировать, но его следует учитывать в процессе исследования.

Право и правосознание – тесно связанные и по некоторым взглядам пересекающиеся феномены, поэтому без уяснения содержания первого мы не смогли бы разобраться в сущности второго.

Согласно И.В. Андреевой, правосознание «представляет собой результат отражения в сознании людей правовой действительности в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций» [Андреева 2006 : 104].

И.М. Максимова определяет правосознание как «совокупность рациональных и психологических компонентов, которые не только отражают осознание правовой действительности, но и воздействуют на нее, формируя готовность личности к правовому поведению» [Максимова 2005 : 18]. Тем самым подчеркивается активно действенный, волевой компонент правосознания.

Г.Р. Ишкильдина считает, что правовое сознание – это «особая форма духовного освоения действительности, которая может быть представлена системой идей, представлений, убеждений, теорий, чувств, взглядов, складывающихся в отношении правовой действительности в процессе ее познания и осмысления. Правосознание может быть представлено следующими основными элементами: правовой психологией и правовой идеологией» [Ишкильдина 2002 : 20]. Данные определения не совсем четко выражают ценностный аспект. Если правосознани-

ем может быть любое отношение к праву, то и правовой нигилизм в принципе является таким же правосознанием. Используя эти определения, трудно определить: деформировано правосознание или нет. Поэтому они не достаточны для использования в качестве методологического инструментария при формировании правового сознания.

Итак, можно сделать закономерный и однозначный вывод о том, что правосознание невозможно определить без обращения к сущности права, разграничение этих феноменов представляет определенную трудность ввиду их теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости: «...право и правосознание – разные явления социально-правовой жизни, но говорить о правосознании вне права представляется бессмысленным, впрочем, так же бессмысленно, как говорить о праве вне правосознания» [Юрашевич 2005 : 71]. Мы понимаем право именно как *систему закрепленных в официальных источниках общеобязательных норм, устанавливаемых государством и обеспечиваемых его принудительной силой*. И этим фактически отождествляем право с законом. Это реалистичный взгляд на право, который позволяет избежать путаницы. Но, с другой стороны, мы также признаем необходимость обязательного учета исторически выработанных правовой наукой и практикой принципов, которые «безликую формулу» закона наполняют определенным содержанием. Сюда в первую очередь можно отнести теорию естественного права (в том числе достижения в области обеспечения прав человека), которая сыграла выдающуюся роль при разработке Всеобщей декларации прав человека и государственных конституций. Говоря о российской правовой системе, нельзя не учесть российскую культуру и исторически высокое уважение моральных начал в общественном сознании.

Можно сказать, что «...теперь, при изменении подхода к сущности самого права, его роли в жизни общества, при коренной переоценке всех ценностей в сфере права, в том числе и категории правосознания, особенно важно возродить, оценить и воплотить в жизнь весь накопленный в этой области научный потенциал. Это позволит надеяться на основательную разработку концепции правосознания, на формулирование «интегрального» определения этого понятия в ходе развития и обновления правовых, социально-политических, экономических и других реальностей нашего общества» [Юрашевич 2004 : 167].

Следует подчеркнуть то непреходящее значение, которое имеет правосознание в правовой жизни. Так как оно сопутствует и определяет без преувеличения все важнейшие стадии «жизни» закона: правосознанием законодателей определяется содержание принимаемого нормативного акта, который потом может эффективно действовать тоже только через правосознание его «адресатов». «Процесс воздействия права на общественные отношения невозможен без активной творческой роли правосознания, поскольку оно осуществимо только посредством воздействия на волю и сознание индивида. От специфики правосознания общества, уровня его зрелости во многом зависят сила права, эффективность всего механизма правового регулирования» [Юрашевич 2005 : 71].

Правосознание в силу своей природы значительно шире по содержанию, чем действующие законы, так как в нем отражается все многообразие точек зрения на право. Правосознание может быть как теоретическим, так и обыденным, но, на наш взгляд, теоретический аспект дает больше возможностей для формиро-

вания правового сознания посредством государственной идеологии. Наша цель рассмотреть правосознание не вообще, а именно исходя из социальной ситуации в российском трансформирующемся обществе, когда идет активный поиск дальнейших путей развития. Вследствие этого мы считаем не только допустимым, но и необходимым включение ценностного аспекта в правосознание в целях содействия общественному развитию и стабилизации общественной обстановки. «Острые социальные противоречия, отчужденность человека от власти, демократия и права могут быть преодолены только через реконструкцию структур правового сознания, включающую всю гамму исходных социальных ценностей. Правовое развитие России должно системно ответить на вызовы XXI века» [Синюков 2000 : 17]. Уже с этой методологической платформы можно сказать, что *правосознание – это одна из форм общественного сознания (тесно связанная с политическим и нравственным); система знаний, теорий, убеждений, взглядов, эмоций, установок и ценностных ориентаций по поводу права и правовых явлений общественной жизни; включает теоретико-идеологический (основные достижения правовой мысли) и обыденно-психологический уровни; основывается на истории и культурных ценностях народа; в своей разговорной форме обеспечивает высокий уровень правомерного поведения и правовой активности; не только формируется под воздействием правовой реальности, но и само активно преобразует ее, является средством совершенствования правовой жизни, а через нее и жизни общества в целом.*

Следует отметить, что существующая система законодательства находится на более или менее достаточном уровне, но ее требования часто не реализуются. Происходит расслоение общества, но уже не в силу закрепления в законе интересов «господствующего класса», а вследствие сохранения несовершенств правового регулирования, выступающих как «лазейки в законодательстве», и т. д. Но главным образом это происходит из-за крайне низкого уровня правосознания населения. Именно поэтому формально закрепленные права остаются на бумаге. Сказывается не только слабая осведомленность о положениях законодательства, общих принципах права, но и неразвитость личностных качеств, нужных для отстаивания своих прав. При всех законодательных просчетах можно сказать, что «...мы в целом грамотно пишем законы и законодательствуем вполне по-европейски, но думаем и поступаем как-то иначе. Правовыми категориями у нас не размышляют...» [Синюков 2000 : 11]. Все это приводит к тому, что нормальное имущественное и другие виды неравенства могут достигать колоссальных размеров, часто принимая уродливые формы.

Верно определить правосознание с позиции настоящих общественно-исторических условий – значит более точно уяснить его сущность, осознать содержащийся в нем потенциал, что является условием выработки четкой программы действий, одними из первых шагов которой должны быть развитие теоретико-идеологического компонента в виде продуманной общегосударственной политики и совершенствование системы правового образования. Это, в свою очередь, позволит постепенно улучшить общественную ситуацию.

Библиографический список

1. Андреева, И.В. Правосознание в системе детерминант социального поведения личности: дис. ... канд. филос. наук / И.В. Андреева. – Саранск, 2006. – 164 с.
2. Вопленко, Н.Н. Правосознание и правовая культура: учебное пособие / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 52 с.
3. Ишкильдина, Г.Р. Правосознание молодежи: проблемы становления и эволюции в современных условиях: дис. ... канд. юридических наук / Г.Р. Ишкильдина. – Уфа, 2002. – 164 с.
4. Конституция Российской Федерации. Государственные символы России. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2006. – 64 с.
5. Краткий словарь по философии / Н.И. Азаров, А.С. Айзикович и др.; под общ. ред. И.В. Блауберга и др. – М.: Политиздат, 1970. – 398 с.
6. Краткий словарь по философии / Н.И. Азаров, А.С. Айзикович и др.; под. общ. ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина. – М.: Политиздат, 1979. – 413 с.
7. Максимова, И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис. ... канд. юридических наук / И.М. Максимова. – Тамбов, 2005. – 181 с.
8. Новейший философский словарь / Г.А. Василевич; сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
9. Синюков, В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития / В.Н. Синюков // Журнал российского права – 2000. – № 11. – С. 9–17.
10. Спиркин, А.Г. Философия: учебник / А.Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
11. Уваркина, Е.В. Правосознание как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук / Е.В. Уваркина. – М., 2004. – 119 с.
12. Философский словарь / А.В. Адо, В.В. Альтман и др.; под ред. М.М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1972. – 496 с.
13. Философский словарь / А.В. Адо, И.И. Андреев и др.; под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
14. Шафиров, В.М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... доктора юридических наук / В.М. Шафиров. – Нижний Новгород, 2005. – 59 с.
15. Юрашевич, Н.М. Правосознание и право: общность и различия / Н.М. Юрашевич // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 69–74.
16. Юрашевич, Н.М. Эволюция понятия правового сознания / Н.М. Юрашевич // Известия вузов. Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 165–181.

ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Ю.Н. Рыжая

Ценностные ориентации, успех, факторы жизненного успеха, интеллектуальных способностей, деньги, практицизм, предприимчивость, замкнутость на собственной персоне, «сущее», «должное», социализация.

В данной статье используются материалы социологических исследований по стране в целом и нашего собственного опроса, который проводился в 2006 г. по специально разработанной автором анкете. Анкету заполнили 39 студентов второго курса исторического факультета КГПУ (далее по тексту, если не выделено особо, – студенты) и 29 аспирантов, посещавших вечерние лекции в КГПУ им. В.П. Астафьева. Причем большинство из них являются выпускниками этого университета.

Часть вопросов, на которые отвечали респонденты, были заимствованы из «Анкеты студента» (1999–2000 гг.) в целях выявления динамики изменения ценностных ориентаций студентов и выпускников данного вуза за последние 5 лет. В 1999–2000 гг. в ходе анкетирования центром комплексных социологических исследований КГПУ (далее по тексту – ЦКСИ) было опрошено 547 выпускников всех факультетов вуза (53,3 % от генеральной совокупности), следовательно, данное анкетирование было репрезентативным. Автор опирается на материалы социологических исследований, проводившихся ЦКСИ в 90-е гг. XX в., результаты которых опубликованы в коллективных монографиях «Студент педагогического вуза (социологический портрет)» [Гендин 1998] и «Формирование духовной культуры студентов педагогического вуза (социологический анализ)» [Гендин 2001].

Ценностные ориентации являются важнейшим элементом духовной структуры личности. Понятие «ценностные ориентации» выражает эмоционально окрашенный итог освоения индивидом общественных ценностей, которые становятся важнейшим компонентом его самосознания.

Ценностные ориентации личности влияют на ее представления об условиях достижения успеха в жизни. Материалы анкетных опросов позволяют выявить, с одной стороны, мнения респондентов о том, какие факторы в условиях современной России детерминируют успех, с другой – данные о том, какие факторы должны в идеале способствовать этому. В анкетах, заполненных респондентами 90-х и 2000-х гг., находятся два взаимосвязанных вопроса. Первый звучит следующим образом: «Что, по Вашему мнению, обеспечивает успех в жизни в настоящее время?» Респонденты оценивали значимость двенадцати факторов по трехбалльной шкале: «Прежде всего», «В меньшей степени», «Не влияет» или выбирали вариант «Затрудняюсь ответить». Второй вопрос был сформулирован таким образом: «Что, на Ваш взгляд, должно обеспечивать успех в жизни?»

Динамика изменения представлений респондентов о факторах жизненного успеха в реальной жизни нынешней России представлена в процентах в таблице. Эти показатели выражают только долю тех опрошенных, кто оценил соответствующие факторы высшим баллом («прежде всего»).

Полученные данные выявили противоречивый характер изменений молодежных представлений о факторах жизненного успеха. Такая ситуация обусловлена противоречивостью трансформаций российского социума, в условиях которой молодые люди социализируются и рискуют чаще, чем представители старшего поколения, пытаясь достичь поставленных жизненных целей [Чупров 2001 : 48].

Студенты и аспиранты высоко оценивают «личную активность, целеустремленность, постоянный поиск» как ведущий фактор жизненного успеха. В целом анкетируемые как 90-х, так и 2000-х гг. делают основную ставку на компетентность, ум, саморазвитие.

В то же время фактор «трудолюбие и самоусовершенствование» после 1997 г. оценивался респондентами ниже, чем раньше (в 1997 г. 80 % оценили его высшим баллом, в 2000 г. – 73 %, в иерархии студентов он занимает второе место – 77 %, в то же время в аспирантском рейтинге только третье – 63 %).

Значимость интеллектуальных способностей остается примерно на одном уровне: в 1992 г. – 64 %, в 1997 г. – 74 %, в 2000 г. – 66 %, в 2006 г. – 61 % опрошенных студентов и 56 % аспирантов оценили этот фактор высшим баллом. В условиях весьма значительной безработицы наличие высокого уровня профессиональной компетентности еще не гарантирует трудоустройство по специальности и успешность в последующей деятельности, поэтому фактор «образование, компетентность, профессионализм» становится менее значимым: в 1992 г. только 69 % опрошенных выпускников присудили ему высший балл, хотя к 1997 г. его показатели выросли – 78 %, но к 2000 г. опять снизились – 71 %.

Анкетирование 2006 г. показало, что в иерархии оценок студентов этот фактор занимает третье место – 67 %, а в рейтинге аспирантов – второе (66 %). Исследователи ЦКСИ объясняют эту тенденцию, тревожный синдром, тем, что «часть студентов, наблюдая нынешнюю российскую действительность, разочаровывается в социальной справедливости, приходит к выводу, что не личные достоинства и заслуги, а нечто совсем другое служит залогом успеха» [Гендин 2001 : 174]. Конечно, великая рука «блата», магия «связей» демонстрируют свою силу уже на этапе поступления школьников в вузы. По результатам опросов студентов Москвы и Вологды было выявлено, что в то время, когда 50 % старшеклассников готовились к вступительным экзаменам в вуз, их родители использовали деньги и/или связи, чтобы обезопасить своего ребенка в случае провала, а 8 % анкетируемых ответили, что вообще к экзаменам не готовились, так как их семьи с помощью денег и/или связей обеспечили им поступление [Аврамова 2005 : 99]. Таким образом, само общество и система образования снизили этическую и интеллектуальную планку для молодых людей.

Факторы, способствующие жизненному успеху, по мнению выпускников 1992, 1997 и 2000 гг., студентов и аспирантов КГПУ 2006 г. (процент отметивших «прежде всего»)

№ п/п	Условия жизненного успеха	1992	1997	2000	Студенты 2006	Аспиранты 2006
1	Личная активность, целеустремленность, постоянный поиск	81	89	86	87	79
2	Трудолюбие, самоусовершенствование	80	80	73	77	63
3	Интеллектуальные способности	64	74	66	61	56
4	Образование, компетентность, профессионализм	69	78	71	67	66
5	Практицизм, предприимчивость	49	61	65	56	62
6	Благоприятная семейная обстановка	85	74	56	28	48
7	Наличие и поддержка друзей	73	59	61	54	38
8	Личное обаяние, привлекательность	60	49	54	38	52
9	Здоровье, физическое совершенство	68	51	44	28	38
10	Деньги	55	57	74	59	59
11	Протекция влиятельных родственников и знакомых	26	44	58	44	55
12	Случай, жизненные обстоятельства	27	29	38	36	28

Материалы анкетирования показывают стремительный взлет такого фактора жизненного успеха, как «деньги»: если в начале рыночных преобразований высшую оценку этому фактору дали только 55 % респондентов (9 место в рейтинге 1992 г.), в 1997 г. – 57 %, то в 2000 г. – 74 % («деньги» заняли второе место, сместив с занимаемой позиции «трудолюбие, самоусовершенствование»). Респонденты 2006 г. оценивают значимость этого фактора ненамного ниже, чем их предшественники: в рейтингах студентов и аспирантов «деньги» находятся на пятой позиции, причем у студентов занимают более высокий ранг, чем «интеллектуальные способности». Знаменательно, что студенты и аспиранты оценили этот фактор одинаково высоко (в том и в другом случае 59 %).

Коррупция во всех сферах жизнедеятельности россиян обуславливает рост значимости для молодого поколения «протекции влиятельных родственников и знакомых» (своеобразной «крыши», которая есть у многих российских предпринимателей). Если в 1992 г. этот фактор занимал самое последнее, двенадцатое, место – только 26 % опрошенных оценивали его высшим баллом, то в 1997 г. – уже 44 %, в 2000 г. – 58 %, то есть за восемь лет доля респондентов, осознавших значимость «блата», «связей» увеличилась в два раза. Можно говорить о стабильно высокой оценке данного фактора жизненного успеха в 2006 г., так как 44 % студентов и 55 % аспирантов считают его очень важным.

Следовательно, объективен рост популярности и такого далекого от нравственности фактора успеха, как «практицизм, предприимчивость»: если в 1992 г. 49 % выпускников присудили ему высшие баллы, то в 1997 г. – уже 61 %, в 2000 г. – 65 %, студенты 2006 г. – 56 %. В 1997 г. этот фактор занял шестое место в рейтинге студентов (хотя в 1992 г. был на десятом) и не сдал позиции ни в 2000, ни в 2006 гг. Более же житейски опытные аспиранты поставили его на четвертое место, для них «практицизм, предприимчивость» оказались важнее, чем даже «интеллектуальные способности». Стабильные оценки этого фактора жизненного успеха свидетельствуют о тенденции, которая характерна для ценностных ориентаций всего российского студенчества, но специфическим образом проявляется в педагогическом вузе. Исследования А.В. Соколова, как и других социологов, показывают, что эгоизм – необходимое условие жизненного успеха, по мнению многих молодых людей. Социолог приводит слова одной из опрошенных студенток Санкт-Петербурга: «Я понимаю, что нужно, нужно сейчас быть акулой!» [Соколов 2005 : 93]. В условиях рыночной конкуренции практичность и предприимчивость могут принести неплохие «дивиденды» молодому человеку, только пришедшему на рынок труда. Рыночное общество социализирует его соответствующим образом. Не только ценностным ориентациям респондентов КГПУ свойственно противоречие духовного и рационального, речь идет об общероссийской тенденции.

В ситуации, когда человек человеку волк, молодые люди все меньше и меньше надеются на помощь близких: «благоприятная семейная обстановка» в 1992 г. была фактором-«чемпионом» – 85 %, к 1997 г. уже 74 % опрошенных выпускников отдали ей высшие баллы, еще меньше в 2000 г. – 56 % (девятое место), в 2006 г. этот фактор «разделил» последние одиннадцатое и двенадцатое места со «здоровьем, физическим совершенством» у студентов. Лишь 48 % аспирантов очень высоко оценили «благоприятную семейную обстановку» – девятое место.

Отчуждение молодых людей, их замкнутость на собственной персоне, на собственных тяготах и успехах, эгоцентризм проявляются и в том, что с каждым годом все больший процент опрошенных не может опереться на надежное плечо друга. В 1992 г. 73 % анкетированных считали очень значимым фактором жизненного успеха «наличие и поддержку друзей» (четвертое место), в 1997 г. – только 59 %, в 2000 г. – 61 % и в 2006 г. – 54 % студентов. Если с 1997 г. по 2006 гг. включительно этот фактор стабильно находится на седьмом месте в иерархиях студентов, то более опытные и практичные аспиранты еще меньше ценят дружбу: из них лишь 38 % отдали ей высшие баллы, поэтому «наличие и поддержка друзей» находится на десятом-одиннадцатом месте вместе со «здоровьем, физическим совершенством».

Роли «здоровья, физического совершенства» как фактора успеха респонденты придают все меньше значения: в 1992 г. – шестое место, 68 %, в 1997 г. – девятое место, 51 %, в 2000 г. – одиннадцатое место, 44 %, в 2006 г. для студентов – на одиннадцатом-двенадцатом месте вместе с «благоприятной семейной обстановкой» (28 %), а для аспирантов – на десятом-одиннадцатом месте вместе с «наличием и поддержкой друзей» (38 %).

«Личное обаяние, привлекательность» продолжает сохранять свою значимость для многих респондентов: в 1992 г. – восьмое место (60 %); в 1997 г. – десятое место (60 %); в 2000 г. – десятое место (54 %); для студентов 2006 г. – девятое место (38 %); для аспирантов – восьмое место (52 %).

В условиях, когда будущее неопределенно, рассчитывать можно только на себя, в то же время своими заслугами и умом карьерного роста добиться трудно, молодые люди верят в удачу, надеются на «авось». Поэтому «случай и жизненные обстоятельства» играют в жизни немаловажную роль: 1992 г. – 27 %, 1997 г. – 29 %, 2000 г. – 44 %, студенты 2006 г. – 36 %, более трезво мыслящие аспиранты 2006 г. – 28 %.

Мы в общих чертах выявили, каким образом респонденты видят «сущее», теперь рассмотрим, как они понимают «должное».

Отвечая на вопрос о тех условиях, которые в идеале должны определять успех в жизни, респонденты не оценивают каждый из двенадцати факторов, а выбирают шесть наиболее важных. По степени разрыва между показателями «должного» и «сущего» можно судить о том, какие факторы одобряются молодыми людьми, а какие они рассматривают для себя как неприемлемые.

Согласно результатам анкетирования 2006 г., 97 % студентов считают, что в идеале должны определять успех в жизни человека «личная активность, целеустремленность, постоянный поиск» (напомним, что фактическую их роль признают 87 % опрошенных), «трудолюбие, самоусовершенствование» (85 % и 77 %), «интеллектуальные способности» (74 % и 61 %), «образование, компетентность, профессионализм» (67 % и 67 %).

Аспиранты поддерживают позитивную оценку этих факторов, однако их ответы демонстрируют более критичную оценку современных условий достижения успешности, их несоответствие идеалу, так как разница показателей «сущего» и «должного» у аспирантов гораздо больше, чем у студентов. Так, по фактору «трудолюбие, самоусовершенствование» у аспирантов разница 34 пункта, а у студентов лишь 8, по «интеллектуальным способностям» – у аспирантов разрыв 30 пунктов, а у студентов 13, по фактору «образование, компетентность, профессионализм» – у аспирантов 36, а у студентов 0 (реальное значение этого фактора в определении успешности человека соответствует идеалам студентов).

Возможно, такая ситуация объясняется тем, что данные качества аспирантов не были оценены на рынке труда должным образом. По нашему мнению, можно говорить об определенной фрустрации аспирантов, которые хотели бы, чтобы именно благодаря этим качествам достигался карьерный рост в социуме, но их желания и идеалы разбились о реалии. В то же время минимальный разрыв (10 пунктов) показателей по фактору «практицизм, предприимчивость» свидетельствует о том, что, несмотря на свои идеалы, аспиранты приняли правила игры, господствующие на рынке труда: 62 % считают, что эти качества способствуют успеху, а 52 % оценили их как норму. Эта же тенденция характерна для студентов 2006 г.: 56 % считают этот фактор желательным условием успеха, а 49 % признали такую ситуацию нормальным явлением (разрыв всего 7 пунктов). Следовательно, студенческое мировоззрение качественно трансформировалось за 6 лет, так как в 2000 г. разница показателей по этому фактору была 30 пунктов: 65 % респондентов считали «практицизм, предприимчивость» залогом успеха, но лишь 35 % видели в этом нормальное явление.

О серьезных изменениях в идеалах респондентов свидетельствует также разрыв показателей по фактору «деньги» и «протекция влиятельных родственников и знакомых». Большая часть анкетированных 2000 г. под влиянием чувств соци-

альной справедливости не могли смириться с тем, что деньги решают все: 74 % опрошенных признавали их судьбоносное значение, но лишь 16 % считали это «должным» (разрыв – 58 пунктов). Студенты 2006 г. менее ценят социальную справедливость, так как не видят ее в обществе: из них 59 % считают, что деньги объективно обеспечивают успех, но 44 % не видят в этом ничего предосудительного (разрыв 15 пунктов). Аспиранты в своих оценках ближе к респондентам 2000 г., так как де-факто деньги в качестве детерминанты успешности признали 59 %, но лишь 10 % считают это нормальным (разрыв 49 пунктов).

В то же время менее половины (44 %) студентов 2006 г. считают «протекцию влиятельных родственников и знакомых» важным условием достижения успеха, но при этом 28 % считают ее нормальным явлением, в отличие от студентов 2000 г., у которых эти показатели соответственно составляют 58 и 35 %; следовательно, разрыв показателей в 2000 г. составлял 23 пункта, а в 2006 г. – 16. Аспиранты в большей степени не довольны господством кумовства (55 % и 10 %, разрыв 45 пунктов).

«Личное обаяние и привлекательность», по мнению большинства опрошенных в 2000 г., не должны быть критериями успешности: 54 и 32 %, то есть разрыв 22 пункта. Конечно, за красивой внешностью и обаянием могут скрываться хамство, низкий уровень профессионализма, поэтому аспиранты, как правило, не считают, что данный фактор должен способствовать успеху. В наше время господствует культ красивого лица и здорового красивого тела, что в большей степени возмущает именно молодых специалистов: 52 и 21 %, разрыв 31 пункт.

Правомерно ли все эти пороки относить только к молодым людям, которых социализирует, формирует общество взрослых, за них решающее, что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Содержательный ответ на этот вопрос дают уральские социологи Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко: «Ценностный вакуум и морально-нравственный нигилизм, присущие обществу в целом, не могут не отразиться на сознании молодых» [Вишневский 2000 : 63]. Следовательно, если общество в целом морально болеет, то молодежь наиболее беззащитна в силу своего маргинального статуса.

Российское студенчество разобщено не только в силу колоссального имущественного неравенства, но и идейно – разные слои российского студенчества социализируются рынком по-разному – поэтому живут ценностями разных эпох: например, одни считают коллективизм и альтруистическую направленность личности «должным» и в то же время устаревшим, «совковым», объективно мешающим во всех сферах жизнедеятельности. От личного выбора каждого из них зависит, пойдут ли они «по головам» или сохраняют человечность. Другие видят свое поколение и себя лично свободными от этих ценностей отцов, а значит, более счастливыми.

Библиографический список

1. Аврамова, Е.М. Студенты столицы и провинции: социальные ресурсы, ожидания / Е.М. Аврамова, А.А. Шабунова, Д.М. Логинов // Социс. – 2005. – № 9.
2. Вишневский, Ю.Р. Студент 90-х – социокультурная динамика / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социс. – 2000. – № 12.

3. Гендин, А.М. Студент педагогического вуза (социологический портрет) / А.М. Гендин, М.И. Сергеев, Р.А. Майер, М.И. Бордуков. – Красноярск: РИО КГПУ, 1998.
4. Гендин, А.М. Формирование духовной культуры студентов педагогического вуза (социологический анализ) / А.М. Гендин, Н.И. Дроздов, Р.А. Майер, М.И. Сергеев. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001.
5. Соколов, А.В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества / А.В. Соколов // Социс. – 2005. – № 9.
6. Чупров, В.И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2001.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Т.А. Абдырахманов

Кыргызстан, религиозный ренессанс, мультиконфессиональность, идеология, исламская религия, нравственные и духовные приоритеты, образование, мусульманские теологические вузы.

Как известно, Кыргызстан, с первого дня независимости выбрав демократический путь развития, провозгласил идеи либерализма во всех сферах общественной жизни (политике, экономике, культуре, образовании и т. д.). Поэтому, благодаря открытости и демократичности государственного строя постсоветского Кыргызстана, за короткое время в стране состоялся подлинный религиозный ренессанс. Если в 1991 году в коммунистическом Кыргызстане было всего 39 мечетей и 20 православных церквей, то в данное время в стране как интегральная часть общества действуют 1619 мусульманских мечетей [1]. Результатом либеральной религиозной политики поликонфессионального Кыргызстана является то, что в стране функционируют 360 христианских организаций, в том числе 46 приходов Русской православной церкви, 2 организации старообрядцев Русской православной церкви, 4 общины католиков и 308 организаций протестантского направления. В состав этих 308 христианских конфессий входят: 49 общин евангельских христиан-баптистов, 21 – лютеран, 49 – пятидесятников, 30 – адвентистов 7-го дня, 36 – пресвитериан, 43 – евангельских христиан харизматического направления, 42 – свидетелей Иеговы и 14 церквей евангельских христиан, не относящих себя к каким-либо вышеперечисленным деноминациям. С 1996 года из 54 стран мира с миссионерской деятельностью в Кыргызстане побывали 1137 иностранных граждан. В Кыргызстане официально зарегистрированы 21 зарубежная религиозная миссия, 12 общин бахаистов, одна иудейская и одна буддистская общины [2]. Кроме этого, в Кыргызстане легально и полулегально (прикрываясь различными вывесками), но фактически свободно действуют такие запрещенные во многих странах мира религиозные организации, как Церковь сайентологии, Церковь Сан Мен Муна, Фалунгунь, Общество сознания Кришны, Общество Вайшнавов, школа менеджмента Махариши, Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны), Хизб-ут-Тахрири. И это все в Кыргызстане, где кыргызы-номады досоветского периода традиционно отличались от других этносов региона слабой исламизированностью, свободным нравом, а в советский атеистический период русскоязычные, европеизированные народы, составляя большинство населения Советского Кыргызстана, интенсивно культивировали чуждые исламу элементы духовности, подвергая местное население массивной атеизации.

Безусловно, феноменальный рост количества религиозных организаций и культовых объектов, а также стремительное увеличение адептов религиозных течений после десятилетий коммунистического атеизма – вполне объяснимое и в

определенной мере положительное явление. Однако в последнее время у общест­венности страны вызывают опасения чрезмерная мультиконфессиональность и чрезмерно активная идеологическая деятельность религиозных организаций, подрывающих государственные устои светского Кыргызстана. Особенно это каса­ется доминирующей в стране исламской религии, приверженцами которой счита­ются 75–80 % населения страны. Если в начале постатеистического духовного возрождения Кыргызстана ислам оставался скорее культурным, социальным и религиозным феноменом, то в последние годы он все активнее политизируется и методично переходит к протестным действиям антигосударственного характера, при этом вырабатывая и распространяя в обществе соответствующую идеологию. В первую очередь это касается таких исламских организаций, как Хизб-ут-Тах­рир, Акромия, Исламское движение Узбекистана, Таблиги Джамааты, целью ко­торых является изменение существующего политического строя и создание хали­фата. На фоне всего этого чувствуется, что официальная власть, ее соответству­ющие службы постепенно теряют контроль над ситуацией, занимая в этом вопро­се далеко не адекватную, пассивную позицию. Из-за инерции мышления, а так­же догматизма в подходах к решению деликатных проблем религии в Кыргы­стане по-прежнему, как и в советское время, религия отделена от государства по­коммунистически, в духе марксистского атеизма. Следовательно, хотя Кыргы­стан де-юре отказался от воинствующего атеизма, по-прежнему коммунистичес­кое отделение религии от государства характеризуется догматическим лаициз­мом, что отчетливо проявляется даже на фоне современной, более рациональной и прагматичной религиозной политики Российской Федерации. С одной стороны, лаичская политика Кыргызстана выражается в латентном игнорировании и бе­зучастии государства в религиозных делах, что позволяет исламским организа­циям вести бесконтрольную деятельность, с другой – в умалении общественно-по­литической, духовно-культурной, образовательно-воспитательной и нравствен­ной роли религии в обществе, хотя сама история уже неоднократно возвращает религию в центр человеческой жизни не в качестве пережитков, а как глубо­чайшую реальность, и религия на протяжении тысячелетий более чем достойно выполняет свою выдающуюся роль духовного поводыря человечества, верно опре­деляя его высшие нравственные и духовные приоритеты. Более того, даже в кос­мическом XXI веке она вполне объективно и закономерно остается важнейшей площадкой для борьбы различных идей, интерпретаций таких ключевых поня­тий человеческого существования, как патриотизм, нравственность, созидатель­ность, справедливость, законность, идеология, мораль, этика, смысл жизни и т. д. И вообще, если государство отделено от церкви, это не значит, что политика и ре­лигия, образование и религия, культура и религия должны функционировать врозь, и тем более это не значит, что миллионы верующих Кыргызстана должны жить двойной жизнью, двойной моралью, руководствоваться двойными стандар­тами, следовать интересам параллельных миров, чтобы энергия, помыслы, духов­ный и интеллектуальный потенциал религии не оказались не востребованными обществом. А ведь исторически доказано, что все цивилизованные государства мира состоялись и благополучно развиваются исключительно благодаря единству всего общества, не стратифицированного по социальным, этническим, региональ­ным и тем более по религиозным признакам. Ибо только синкретическая и си-

нергетическая энергия несегментированного по каким-либо признакам общества может позитивно решать судьбоносные проблемы государства, в частности, острые и неотложные проблемы образования и воспитания молодого поколения. Поэтому из многочисленных аспектов взаимодействующей и взаимодополняющей деятельности государства и религии серьезного внимания заслуживают вопросы образования. К сожалению, в Кыргызстане во взаимоотношениях государства и религии в области образования складывается совершенно ненормальная ситуация. Поскольку религия в Кыргызстане отделена от государства по атеистическим принципам коммунистического прошлого, она фактически не допускается в государственное образовательное пространство и не интегрирована в образовательную систему страны. Вместо того чтобы найти компромиссный вариант и использовать во благо общества усилия и возможности религиозных образовательных учреждений, официальные органы Кыргызстана оставляют их без внимания и вне правового поля, хотя религиозные образовательные учреждения уже представляют собой солидную общественную страту и в них обучается немалая доля непростой, даже пассионарной части молодого поколения страны, остро испытывающего духовный голод в условиях идеологического вакуума в государстве. Как известно, если в 1991 году в Кыргызстане не было ни одного теологического учебного заведения, то в данное время в стране функционируют 1 Исламский университет, 7 исламских институтов, 50 медресе [3]. Для сравнения скажем, что в традиционно более исламизированном Узбекистане, где еще в советское время были такие знаменитые медресе, как Мири-Араб в Бухаре и институт им. Аль-Бухари в Ташкенте, в данное время функционируют только 50 различных религиозных учебных заведений во главе с одним Исламским университетом [4]. Примерно такая же ситуация наблюдается и в Таджикистане, где действуют один Исламский университет и 20 медресе [5].

Однако в Кыргызстане из-за взаимного догматического игнорирования и латентной конфронтации государства и религиозных кругов образовательная политика сторон не пользуется взаимной поддержкой и взаимным признанием, что сводит на нет все вышеперечисленные результаты религиозного ренессанса. По этой причине выпускники государственных вузов по специальности «Теология» не пользуются признанием со стороны мусульманского духовенства. В то же время не пользуются официальным признанием со стороны государства дипломы и квалификация десятков выпускников всемирно известного египетского университета Аль-Азхара, а 99,9 % выпускников исламских учебных заведений страны не могут трудоустроиться, поскольку их образование и дипломы об образовании официальной властью Кыргызстана еще не признаны [6]. В связи с этим 14 января 2008 года в информационном агентстве Кыргызстана АКИpress было озвучено заявление организации мусульманских женщин Мутакалим с требованием официального признания государством исламских образовательных заведений Кыргызстана и их дипломов. Безусловно, это вполне естественное и потому справедливое требование наших сограждан, попусту потерявших годы и средства. Но подобные претензии к государству не имеют под собой прямых законодательных оснований, так как для официального признания образовательных программ религиозных учебных заведений и их квалификационных документов они должны пройти государственную аккредитацию и аттестацию, иметь соответствующую лицензию

на осуществление образовательной деятельности. Однако, в отличие от отдельных лицензированных христианских учебных заведений, таких как Христианский университет Кыргызстана, все исламские учебные заведения Кыргызстана, от Исламского университета до обычных медресе, проигнорировав законные требования государства, осуществляют образовательную деятельность без соответствующих лицензий. Вместо того чтобы энергично и настойчиво добиваться выполнения законных требований государства, ссылаясь на конституционное отделение религии от государства, от этих проблем дистанцировалось и государство. В этом отношении истинно государственный подход продемонстрировало руководство Российской Федерации. В частности, после долгого обсуждения и конструктивной совместной работы федеральных властей с руководителями мусульманских теологических вузов России принято конструктивное решение, по которому мусульманские учебные заведения согласились пройти государственную аттестацию. В ответ федеральное правительство России выразило готовность признать их образовательные программы и квалификационные документы. В результате только в 2007 году 19 исламских вузов России прошли лицензирование, при содействии государства и непосредственном участии руководителей российских мусульман создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования для финансирования образовательной деятельности исламских учебных заведений.

Парадоксально, но факт – в Кыргызстане мусульманское руководство (хотя и формальное) мусульманского государства (хотя и не официального) в интересах общества не может найти общий язык с единоверцами, то есть представителями мусульманского духовенства. Конечно, в первую очередь это закономерный результат ортодоксальной, сектантской политики верхов мусульманского духовенства Кыргызстана, направленной на самоизоляцию, раскол общества. Однако в этом вопросе есть и неоспоримые упущения государства. Это как минимум попустительская «политика невмешательства», преступное безразличие и равнодушие государства к судьбам своих граждан, к безопасности страны, а максимум – инертность и догматизм государственного мышления, ибо государство должно изначально занимать активную позицию в вопросе осуществления религиозного образования, принимать настойчивые и энергичные меры в рамках существующего законодательства страны и, перехватив инициативу, закладывать совершенно другую основу под религиозное образование, чтобы оно изначально функционировало в унисон с интересами государства. Ведь на этот счет имеется ряд положительных примеров. Так, во многих исламских странах Востока религиозные образовательные заведения параллельно с теологическим образованием дают вполне приличное светское образование и выпускают специалистов для нужд гражданского общества. Например, всемирно известный Каирский университет Аль-Азхар (Аль-Муталаат аль-Азхария) или Иранские исламские университеты, составляющие около 50 % вузов страны, которые выпускают специалистов по гражданским специальностям [3].

В этой связи можно привести некоторые примеры из исторического прошлого Кыргызстана. Так, в конце XIX – в начале XX века в Кыргызстане параллельно с медресе функционировали мектеби и новометодные школы-мектеби «усулидждаид», где местные дети наряду с теологическим знанием получали и свет-

ское образование. В частности, на территории Кыргызстана были организованы такие новометодные школы, как Мадраса-и-Иштидад в г. Пишпеке, Мадраса-и-Икбалия в г. Токмаке, Мадараса-и-Шабдания в долине Чон-Кемина и школа имени И. Гаспринского в г. Пржевальске, в которых не менее 20 % учебного времени было отведено на изучение общеобразовательных предметов. Ряд представителей первой плеяды партийно-политической и культурно-научной интеллигенции советского Кыргызстана как раз и получали первоначальное образование в этих заведениях.

Для Кыргызстана, испытывающего дефицит в финансировании образования, наряду с образовательной значимостью немаловажное значение имеют вопросы использования экономических возможностей ислама. При разумной государственной политике можно было бы найти рациональный подход к решению и этого вопроса. Ведь есть же мировой опыт. Например, в Германии почти все частные учебные заведения принадлежат церкви, в США 80 % частных школ финансируются религиозными кругами (церковь, мечеть, синагога).

В целом, с учетом изложенного можно резюмировать, что «война законов» и догматическая конфронтация или в лучшем случае взаимное игнорирование все больше сужают компромиссное поле и сокращают время для совместной образовательно-воспитательной деятельности государства и религии во имя благополучия государства. Бесспорно, это неконструктивная и далеко не разумная политика сторон, вследствие которой огромный интеллектуальный, нравственный, культурный потенциал мусульманской конфессии направляется на другие цели и решаются другие задачи. Но главное то, что в условиях фактического отсутствия внятной и общепризнанной государственной идеологии, при низкой религиозной осведомленности населения Кыргызское государство фактически не следит за образованием сотен молодых граждан, обучающихся в религиозных школах Пакистана, Саудовской Аравии и т. д., и не в достаточной мере контролирует ситуацию в религиозных образовательных заведениях страны. Мало кто знает, под влиянием каких исламских течений и джамаатов и какое религиозное образование получают молодые граждане нашей страны, с каким багажом знаний, мировоззрением, идеологией, настроением завтра они волеются в общественную жизнь Кыргызстана, если, конечно, не изберут протестную позицию в формах сектантства или религиозной оппозиции в отношении государства. И кто может гарантировать, что часть из них не станет санкюлотами чьих-то политических планов «ливанизации» или «талибанизации» Кыргызстана.

Библиографический список

1. Кыргыз Руху. – 2006. – 11 июля.
2. Слово Кыргызстана. – 2008. – 12 февраля.
3. Кыргыз Руху. – 2006. – 11 июля.
4. Мехди Санаи. Отношение Ирана с центральноазиатскими странами СНГ / Санаи Мехди. – М., 2002. – С. 27.
5. Кут Билим. – 2006. – 28 апреля.
6. Мусульманские организации намерены добиться, чтобы исламские университеты котировались в КР. <http://kg.akipress.org/-print.php>. 13 : 43 14.01.2008.
7. Российская газета. – 2007. – 13 декабря.

ОСОБЕННОСТИ БЮДЖЕТА КЫРГЫЗСТАНА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

У.А. Байтереков

Бюджет, Кыргызстан, социально-экономические отношения, трудоизбыточность, кризисные явления, динамика, структура расходов, планирование.

Национальный суверенитет Кыргызстана с первых дней был осложнен наступлением переходного периода, который сопровождался ломкой существовавших социально-экономических отношений, разрывом наработанных хозяйственных связей в рамках общесоюзного разделения труда и специализации производства и упадком морали в обществе из-за потери нравственных ориентиров.

Эти общие для всех постсоветских государств трансформационные последствия были усугублены тем, что Кыргызская Республика в советский период, учитывая трудоизбыточность, практическое отсутствие легкодоступных месторождений полезных ископаемых, была дотационной республикой. Кроме того, она является страной с малой экономикой, относительно небольшой численностью населения (немногим более 5 млн. человек) и узким внутренним рынком. Это предопределило необходимость использования во внешней политике принципов открытости экономики и поиск международных источников финансирования.

Тяжелые кризисные явления в стране наблюдались до середины 90-х годов прошлого века, последующие годы (за исключением финансового кризиса 1998–1999 гг.) характеризуются постепенной макроэкономической стабилизацией и ростом в отдельных приоритетных отраслях.

Изменения, происходившие в экономике, напрямую отражались и на состоянии государственного бюджета (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика государственного бюджета (в % к ВВП)

	Доходы госбюджета	Расходы госбюджета	Дефицит (-), профицит бюджета	Внешнее финансирование	Внутреннее финансирование	Государственный внешний долг (на конец года)
1994	15,7	23,4	-7,7	4,3	3,7	32,3
1995	17,0	28,6	-11,5	5,3	6,3	33,8
1996	16,8	22,2	-5,4	2,8	2,5	37,1
1997	16,6	21,8	-5,2	4,3	0,9	53,8
1998	18,3	21,4	-3,0	2,8	0,1	66,9
1999	16,6	19,1	-2,5	3,2	-0,4	107,2
2000	15,3	17,3	-2,0	2,5	-0,2	102,3
2001	17,0	16,6	0,4	-0,3	0,1	94,2
2005	20,2	20,0	0,2	0,2	-0,04	82,4
2006	22,2	22,4	-0,2	-0,02	0,8	...

Источники: Кыргызстан в цифрах: статсборник. – Б., 2002, 2007; Нацбанк КР; Годовой отчет. – Б., 2000, 2002.

В результате проведенной налоговой реформы и принятия нового Налогового кодекса страны произошли серьезные изменения в структуре доходов госбюджета (табл. 2). С 70-х годов XX века все более важное место в доходах государства занимали платежи из прибыли предприятий и организаций, но после появления в 1990 году косвенных налогов основную долю госбюджета составляют налог на добавленную стоимость и акцизы. В настоящее время весомым источником доходов наряду с НДС стали неналоговые поступления, которые в структуре доходов 2006 года составили 18,7 %, а также таможенные пошлины (11,2 %).

Таблица 2

Структура государственного бюджета Кыргызстана (в % к итогу)

	1990	1995	2002	2006
Доходы	100	100	100	100
<i>в том числе:</i>				
– налог с оборота	34,2	6,1	2,8	3,1
– налог на прибыль	10,5	15,8	6,7	4,8
– НДС	34,5	26,9	33,3	36,5
– подоходный налог с физических лиц	5,7	10,5	7,5	7,3
– акцизы	-	11,2	7,5	4,8
Расходы	100	100	100	100
<i>в том числе на финансирование:</i>				
– реального сектора экономики	48,4	7,9	12,5	9,3
– социально-культурной сферы	50,5	64,9	57,6	60,1
<i>из них:</i>				
– образование	19,9	23,1	22,1	25,0
– здравоохранение	10,0	13,6	10,1	12,1
– социальное страхование и социальное обеспечение	13,1	19,9	15,4	14,3
– организация отдыха и культурно-религиоз. деят-ть	2,5	3,5	2,6	3,2
– гос. услуги общего назначения, оборона, общественный порядок и др.	1,6	19,5	28,4	27,5

Источник: Кыргызская государственность: статистика веков. – Б.: Нацстаткомитет, 2003. – С. 218; Кыргызстан в цифрах. – Б., 2007. – С. 219–220.

Если посмотреть на динамику структуры расходов, то можно отметить резкое снижение финансирования отраслей экономики. В современных условиях это объясняется, с одной стороны, небольшим присутствием государства в экономике, так как в Кыргызстане государственная собственность практически вся приватизирована (по итогам 2006 года государственными являются всего 2,3 % хозяйствующих субъектов). С другой стороны, большое влияние оказывают проблемы в реализации государственной инвестиционной политики, связанные с отсутствием реально разработанных крупных проектов общенационального значения и высоким уровнем коррупции. Третий серьезный фактор – это необходимость жесткого управления ситуацией с внешним долгом, что привело к сниже-

нию общего объема финансирования программы государственных инвестиций до уровня 3,2 % к ВВП.

Рост расходов на государственные услуги общего назначения, оборону, общественный порядок и безопасность был вызван объективными причинами: становлением в первые годы независимости всех необходимых государственных институтов и ускоренным укреплением кыргызской армии в связи с вторжением боевиков в Баткенскую область страны, а также военными действиями, которые происходили в Таджикистане и Афганистане. В настоящее время эти расходы стабилизировались.

Приоритетным направлением использования средств государства является социально-культурная сфера (преимущественно образование и здравоохранение), где в основном сосредоточены государственные организации, которые проводят государственную политику социальных гарантий по отношению к населению.

Одновременно неуклонно снижаются расходы на жилищно-коммунальное хозяйство, в частности, в структуре расходов 2006 года они составили всего 5,6 %. Здесь следует заметить, что, в отличие от России, структура жилищного фонда республики резко изменилась. На это повлияли как акционирование (или их банкротство) предприятий и организаций, которые спешно избавлялись от дотационного ведомственного жилья и общежитий, так и ускоренные темпы приватизации населением социального жилья, полученного еще в советский период. К концу 2006 года 97 % жилищного фонда республики находилось в частной собственности граждан.

Анализ утвержденного на 2008 год бюджета Кыргызстана показывает, что сохраняются все вышеозначенные тенденции. Республиканский бюджет остается по-прежнему социально направленным. В то же время отличительной особенностью нового бюджета является трехлетний период планирования. При его верстке также были учтены мировые экономические тенденции и рост цен. В частности, предполагается дальнейший рост стоимости золота, нефти, газа и пшеницы, что неизбежно приведет к росту инфляции (на уровне 12 %).

Свое воздействие оказывают и негативные последствия финансовых кризисов у ведущих партнеров, например ипотечного кризиса в Казахстане. В частности, это может повлиять на объемы экспорта Кыргызстана в ряд стран и приток внешних инвестиций в экономику республики. В конечном счете все это влияет на наполняемость государственного бюджета.

Здесь следует остановиться на проблеме государственного долга. Как уже указывалось выше, субвенции советского периода в последующие годы были заменены на грантовую помощь и кредиты государств-доноров (Кувейт, Пакистан, Турция, ФРГ, Япония и др.), а также кредиты международных организаций (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, Исламский банк реконструкции и развития и др.).

Это потребовало энергичных усилий по реструктуризации долга. В рамках соглашений с Парижским клубом часть долгов была реструктуризирована первый раз в 2001 году, вторично – в марте 2005 года. Были реструктуризированы долги перед двусторонними кредиторами (Россией, Германией, Данией, Тур-

цией, Францией и Японией), что позволило значительно сократить объемы обслуживания долга. Проводится работа по реструктуризации долга с Индией, Китаем, Кувейтом, Пакистаном, Узбекистаном и Южной Кореей.

Все это позволило снизить величину внешней задолженности страны. Так, на конец 2007 года внешний долг Кыргызстана составил 66 % к ВВП, или 2076,85 млн. долларов США. Однако, несмотря на проделанную большую работу по облегчению долгового бремени перед многосторонними кредиторами, на его обслуживание отвлекается немалая часть средств государственного бюджета. В 2008 году на эти цели в соответствии с графиками кредитных соглашений предполагается направить 52,35 млн. долларов США бюджетных средств.

В 2007 году в связи с ростом цен и достижением уровня инфляции 20,1 % не удалось начать работу по переводу отечественной экономики из формата потребительского в инвестиционный. Пока у нас 86 % госбюджета идет на потребление и только 14 % инвестируется в реальный сектор. Для увеличения финансовых вливаний в развитие реального сектора экономики необходимо провести реформирование социального сектора и пересмотреть правила субсидирования граждан, так как, по данным социальных служб, около полумиллиона кыргызстанцев получают социальные выплаты и каждый третий человек имеет льготы.

Однако, несмотря на то что основным потребителем средств государственного бюджета является социальная сфера и вроде бы имеется такая армия льготников, положение дел оставляет желать лучшего. Так, к 2007 году удалось достичь уровня производства и размеров госбюджета, превышающих уровень середины 90-х годов прошлого века в 1,6 раза и 4,5 раза соответственно. Хотя при этом и не удалось превзойти показатели 1990 года¹. В то же время в 2006 году средний размер заработной платы составил 3270,0 сом (81,4 долл. США), средний размер пенсии – 906,0 сом (22,5 долл.), средний размер назначенного государственного месячного пособия по видам социального обеспечения – 164,9 сом (4,1 долл.), максимальный размер пособия по безработице не превысил 625 сом (15,6 долл.).

Кроме того, все высшее образование является платным (96 % от общего числа студентов); существует официальная сооплата практически всех видов медицинских услуг при наличии фонда медицинского страхования (и даже это не гарантирует, что не будет теневого оборота денежных средств и необходимости закупать все требуемое по врачебному списку); ликвидирован фонд социального страхования, а оплата больничных листов переведена на республиканский бюджет и независимо от трудового стажа составляет 525 сом, или 13,1 долл. (по тяжелым заболеваниям типа онкологических – 700 сом), при этом частные работодатели не оплачивают и этот минимум; в каждой пятой школе Кыргызстана в начальных классах один учебник приходится на пятерых учеников и др.

Внедрение этих критериев является неотложной задачей государства по предупреждению коррупции в системе государственного управления. Меры по борьбе с коррупцией предполагают становление как государственных, так и независимых систем мониторинга и оценки проводимых реформ в области управления. Это также будет способствовать достижению одной из целей повышения

¹ Стратегия развития страны (2001–2010 гг.). – Б., 2007. – С.8.

эффективности расходов – соблюдению бюджетной дисциплины, в том числе целевому использованию бюджетных средств.

Сложившаяся ситуация в социально-экономическом развитии страны ставит проблему устранения существенных недостатков в управлении бюджетными расходами в трансформационный период, которые в общих чертах можно представить в следующем виде:

1) планирование бюджета осуществляется от достигнутого или на основе устаревших нормативов;

2) действенный контроль эффективности бюджетных расходов не проводится, несмотря на формальное закрепление эффективности использования бюджетных средств в качестве одного из принципов бюджетной системы страны;

3) как у бюджетораспорядителей, так и бюджетополучателей отсутствуют стимулы эффективно использовать средства;

4) в настоящее время система официальной статистики не ориентирована на представление информации, которой было бы достаточно для оценки эффективности использования бюджетных средств;

5) отсутствует информация о результативности деятельности по целевым использованиям бюджетных средств и полноте их освоения.

Для устранения негативных тенденций в бюджетной политике возникает необходимость повышения эффективности организации расходов бюджета и увеличения его доходной части и проведения рациональной бюджетно-налоговой политики в стране в целом.

Думается, что в целях обеспечения роста доходной части государственного бюджета необходимо создавать условия для максимального охвата и учета потенциальной налогооблагаемой базы. Это предполагает процесс легализации неформального сектора экономики, который достигает, согласно исследованиям ПРООН, 50 % ВВП Кыргызстана. Теневая экономика ведет к увеличению налогового бремени на зарегистрированные предприятия, возникновению несправедливой конкуренции и в целом, к снижению общей суммы налоговых поступлений в государственный бюджет.

Так как налоговые поступления являются основным источником доходов госбюджета (21,5 % ВВП), это предопределяет повышенные требования к системе налогообложения. В идеале данная система должна быть ориентирована на равномерное поступление доходов в бюджет, с тем чтобы обеспечить необходимый уровень государственных расходов. Этот процесс осуществляется на основе укрепления макроэкономической стабилизации и стимулирования деловой активности в стране. Дальнейшее проведение фискальной реформы предполагает, на наш взгляд, осуществление следующих мер:

- улучшение администрирования налогов и ужесточение исполнения налоговых обязательств;
- совершенствование системы взимания налога на добавленную стоимость, в том числе освобождение от его уплаты на импорт оборудования для производственных целей;
- расширение налоговой базы путем отмены существующих освобождений при сохранении плоской шкалы подоходного налога (10 %) и налога на прибыль (10 %);

- усовершенствование и упрощение налогообложения через введение единого вмененного налога с предоставлением ежегодной финансовой отчетности для повышения прозрачности;
- поэтапная отмена каскадных налогов и др.

В целом к основным направлениям бюджетной политики в Кыргызстане на предстоящий среднесрочный период следует отнести:

- усовершенствование методики программного бюджетирования при сохранении приоритета за программами, реализуемыми бюджетными учреждениями;
- повышение эффективности межбюджетных отношений, в том числе через четкое разграничение доходных источников между уровнями бюджетной системы;
- усиление контроля за расходами министерств и ведомств;
- усовершенствование методики среднесрочного прогнозирования бюджета, оптимизация бюджетного календаря;
- снижение дефицита государственного бюджета и устойчивое обслуживание государственного внешнего долга с учетом оптимизации системы формирования бюджетных доходов;
- внедрение системы оценки и контроля эффективности бюджетных расходов;
- укрепление системы казначейства и обеспечение контроля за расходованием средств на местах в строгом соответствии с утвержденной сметой.